

ЦЕНТР КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РУССКИЙ ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК

ПЕРВАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва 2012

ЦЕНТР КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

**РУССКИЙ ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК
ПЕРВАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

Сборник статей

Москва 2012

УДК
ББК

Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. Сборник статей / Под ред. О.В. Фёдоровой. – М., 2012. – 144 стр.

Оригинал-макет и оформление обложки – Кс.П. Семёнова

ISBN

Сборник содержит расширенные тексты докладов, представленных на конференции «Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция», которая прошла 17 октября 2012 года в Институте языкознания РАН. Сборник адресован лингвистам, психологам, а также всем, кого интересует научное изучение жестовых языков глухих.

Сборник подготовлен при поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Корпусная лингвистика»

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте
Центра когнитивных исследований филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова <http://www.philol.msu.ru/~ccs/ru/>

ISBN

© Коллектив авторов, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.А. Кибрик</i> О важности лингвистического изучения русского жестового языка	5
<i>Д.А. Бородулина</i> Средства выражения императива в русском жестовом языке.....	14
<i>С.И. Буркова</i> Условные конструкции в русском жестовом языке.....	50
<i>Е.В. Филимонова</i> Средства выражения дистрибутивной множественности в РЖЯ	82
<i>М.В. Есипова</i> Синтаксические особенности формирования вопросительных предложений в жестовых языках.....	98
<i>Н.И. Семушина</i> Билингвизм глухих и языковая самоидентификация личности.....	114
<i>М.А. Мясоедова, З.П. Мясоедова, Н.В. Петухова, М.П. Фархадов</i> Разработка сетевых социальных систем массового обслуживания на примере интернет портала «Сурдосервер».....	123
<i>С.И. Буркова, О.А. Варинова</i> К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка.....	127

О ВАЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА¹

А.А. Кибрик
aakibrik@gmail.com

Научное лингвистическое изучение жестовых языков – это особая и весьма разработанная область языкознания. Однако в нашей стране эта область пока недостаточно развита. Я хотел бы высказать несколько соображений о том, почему ее необходимо активно развивать.

Я отнюдь не являюсь специалистом по жестовым языкам, поэтому следует начать с разъяснения того, какое отношение я имею к этой области лингвистики. В течение своей профессиональной карьеры, как и подавляющее большинство лингвистов, я занимаюсь изучением звучащих языков. Вкратце, мои основные интересы – это когнитивные основы языка, изучение устной речи и разнообразия человеческих языков. Хотя я занимаюсь звучащими языками, эпизодически мне приходилось сталкиваться с исследованиями по жестовым языкам. Так случилось, что это во многих случаях были работы западных коллег.

Еще будучи студентом, в 1980-е гг., я время от времени видел и читал работы американских лингвистов об американском жестовом языке (American Sign Language, ASL). В то время был «железный занавес» и до нас доходила не вся научная информация из-за границы. Но некоторые публикации попадали в СССР благодаря личным контактам между учеными. Публикации по ASL казались в то время весьма удивительными. Для нас было непривычно, что среди работ по обычным звучащим языкам попадаются исследования по жестовому языку. Жестовые языки для меня были в то время неким неопознанным объектом, и идея самому заняться чем-то подобным даже не приходила в голову. В то же время я чувствовал, что наличие таких исследований – это признак гуманитарной развитости общества, признак внимания к реалиям жизни меньшинства. Для советского общества подобное внимание было нехарактерно. Те немногие

¹ Данный доклад был впервые опубликован в сборнике А.А. Комарова, Н.А. Чаушьян (ред.) 2008. Лингвистические права глухих. М.: ОООИ ВОГ. 122–129.

исследования жестовых языков, которые проводились в нашей стране, в то время были мало известны лингвистам. (В качестве исключения следует упомянуть интерес известного психолингвиста Р.М. Фрумкиной к РЖЯ, см. Зайцева и Фрумкина 1981.)

Уже в другой период, будучи в 1992 году на стажировке в США, я познакомился в Университете Нью Мексико с активным исследователем ASL Шерманом Уилкоксом, и на меня произвел большое впечатление его рассказ о жестовых языках. Так, например, тогда я узнал, что ASL родственен французскому жестовому языку, но неродственен британскому. Уилкоккс задал мне вопрос: а кто занимается жестовыми языками в России? Ответить мне было нечего, но, вернувшись домой, я стал это выяснять и познакомился с замечательным отечественным специалистом, пионером исследования РЖЯ Галиной Лазаревной Зайцевой и ее работами (Зайцева 1991). У меня возникла идея привлечь к изучению РЖЯ студентов-лингвистов, но на тот момент у меня не было возможности такую идею реализовать.

В 1997 году, во время другой поездки в Америку, мне посчастливилось присутствовать на лекции Уильяма Стоке (William Stokoe) – выдающегося человека, поставившего в конце 1950-х гг. вопрос о статусе ASL и сумевшего в одиночку убедить американский истеблишмент в полноценности этого языка. Случаи, подобные случаю У. Стоке, проливают свет на давний спор о роли личности в истории. Совершенно ясно, что именно мужество и целеустремленность этого человека сделали возможным признанием ASL нормальным человеческим языком. Такое признание в США повлекло аналогичные процессы и во многих других странах мира. Значение деятельности У. Стоке для всех носителей и исследователей жестовых языков невозможно переоценить. Одновременно надо признать, что его успех стал возможен благодаря благоприятному общественному климату – либерализации, которая началась в западных странах с 1960-х гг. Несмотря на сопротивление и консерватизм многих коллег, к началу 1970-х гг. Стоке сумел придать ASL статус признанного предмета научного изучения. История этой борьбы вкратце изложена в статье Stokoe 1990.

Начиная со второй половины 1990-х гг. я стал преподавать на Отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В своих лекциях я кратко рассказывал студентам, получающим профессиональную лингвистическую подготовку, о жестовых языках и пытался сагитировать кого-то из них

обратить свои взоры на русский жестовый язык. (Сам я был уже переполнен различными проектами и не в состоянии был глубоко погрузиться в эти исследования.) Эти мои призывы дали плоды лишь в 2000-е годы. Первой студенткой, всерьез занявшейся РЖЯ, стала Евгения Прозорова. Она написала две курсовые работы по РЖЯ (Прозорова 2004, 2005) и дипломную работу (Прозорова 2006). С самого начала работы Е. Прозоровой были интересными и глубокими, она сумела осуществить синтез, который и должен быть целью лингвистических исследований жестовых языков – синтез знания материала изнутри, с одной стороны, и лингвистической компетентности и подготовленности, с другой. В настоящее время Е. Прозорова учится в аспирантуре и работает над диссертацией по РЖЯ (см. Прозорова 2009).

На основе дипломной работы Е. Прозоровой нами было опубликовано совместное исследование референциальных процессов в РЖЯ (Прозорова и Кибрик 2007, Kibrik and Prozorgova 2007). На некоторых идеях этого исследования я останавлиюсь ниже.

Ряд других студентов также выполнили полезные и интересные исследования РЖЯ – о видо-временных категориях (Львовская 2006, Шамаро 2006; см. также Шамаро 2007), о выражении отрицания (Киммельман 2007), о вопросительных словах (Викторова 2007). Надеюсь, что хотя бы некоторые из этих студентов продолжат свои занятия РЖЯ и внесут вклад в его изучение².

Возможно, рассказ о подобных занятиях вызывает недоумение: как можно изучать язык, не будучи его носителем, не владея им практически? Действительно, наши студенты, которые впервые сталкиваются с носителями РЖЯ в ходе своего исследования, конечно, изначально не владеют РЖЯ. Однако для лингвистов это обычная ситуация. Среди приблизительно 6000 звучащих языков, существующих в мире, лишь немногие являются хорошо изученными и описанными. Огромная масса других языков описаны лишь фрагментарно. В настоящее время насущная задача лингвистики – описание таких языков – как правило, с малочисленным населением,

² С момента выхода в свет данной статьи был опубликован целый ряд новых лингвистических работ по РЖЯ, в том числе и упомянутых выше авторов, см., в частности, Прозорова 2009, Kimmelman 2009, Киммельман 2010, Kibrik 2011: Ch. 15. Более подробную библиографию см. на сайте Лаборатории лингвистики русского жестового языка, <http://signlang.ru/>.

проживающим в труднодоступных местах. Такие языки часто изучаются методами так называемой полевой лингвистики. Полевой лингвист направляется в ту местность, где распространен данный язык, и его задача – достаточно быстро получить информацию о грамматике и словаре данного языка. Происходит частичное овладение языком в процессе работы, однако оно не является ни целью, ни предпосылкой успешной работы. Научные сведения о языке часто получают через двуязычного переводчика, владеющего и исследуемым языком, и языком-посредником (русским, английским и т.д.). Поэтому в попытках начать научное изучение языка, не имея предварительного практического владения этим языком, в принципе нет ничего странного или неправильного. Это, конечно, не отменяет того факта, что практическое владение изучаемым языком – плюс, и я надеюсь, что молодые исследователи РЖЯ будут постепенно облегчать свою задачу, осваивая РЖЯ в том числе и практически.

В оставшейся части своего доклада я хотел бы остановиться на трех аспектах полезности лингвистического изучения РЖЯ: полезности для лингвистики, для сообщества глухих и для общества в целом.

Лингвистика и изучение РЖЯ

Что полезного может дать изучение РЖЯ для лингвистической науки? В лингвистике традиционно существует представление о том, что форма языка – звук. В последнее время становится ясно, что это представление является очень узким и искажающим действительность. Даже в звучащих языках коммуникация сопровождается визуальным каналом передачи информации. На визуальном канале основаны жесты, сопровождающие устную речь, мимика и так называемый «язык тела» (в частности, позы, принимаемые говорящим). Все эти коммуникативные элементы играют большую роль и могут менять значение вербальных элементов – например, если человек делает комплимент с недовольной гримасой. Лингвисты все больше начинают интересоваться визуальными элементами и их взаимодействием с вербальным компонентом.

Тем более важен визуальный канал для тех языков, для которых звуковой канал исключен – то есть для жестовых языков. Следует признать, что существует два типа языков, различающихся по информационному каналу: звучащие языки и жестовые, или визуальные, языки. (Также требует изучения феномен тактильной коммуни-

кации, используемой людьми, для которых недоступен ни звуковой, ни визуальный канал, т.е. слепоглухими.)

В настоящее время широко обсуждается гипотеза о том, что первоначально, при формировании вида *Homo sapiens*, человеческий язык был жестовым, и лишь на более позднем этапе развились языки звучащие. В целом можно сказать, что лингвистика, не учитывающая и напротив учитывающая существование жестовых языков, дает соответственно плоское и объемное изображение языковой реальности. Полный учет жестовых языков как второго равноправного типа языка позволит в будущем более точно понять природу человеческих языков и по-новому взглянуть на звучащие языки.

Приведу пример из работы Прозорова и Кибрик 2007. Этот пример связан с процессом референции. Когда человек о чем-либо говорит, он, как правило, упоминает людей или предметы – это и называется референцией. В русском языке упоминание объектов или лиц, присутствующих в окружающем физическом пространстве, может осуществляться посредством местоимений, и такие местоимения часто сопровождаются указательными жестами. Например, если я хочу направить внимание собеседника на некоторое лицо, я могу сказать *Позови его*, одновременно выполняя указательный жест. В РЖЯ в качестве местоимений выступают сами указательные жесты.

Далее, в РЖЯ возможны указания на элементы воображаемого пространства. В исследовании, проведенном Е. Прозоровой, были собраны пересказы небольшого фильма; носители РЖЯ сначала посмотрели этот фильм, а потом должны были рассказать его содержание. В фильме есть эпизод про человека, который появился на экране и ведет в направлении наблюдателя козу на веревке. Рассказчик, пересказывающий на РЖЯ этот эпизод, показывает, где располагался данный человек относительно наблюдателя, а затем пользуется этим местом в своем «жестовом пространстве» для упоминания человека с козой. То есть рассказчик конструирует вокруг себя пространство, он помнит расположение предметов в реальности и аналогично располагает их в жестовом пространстве. Адресат также понимает, где расположен какой из участников, и это позволяет рассказчику быстро и экономно упоминать ранее введенных участников событий.

Этот способ референции практически неизвестен в лингвистике. Таким образом, исследование РЖЯ позволяет констатировать принципиально новый тип референции. Интересно, что обнаружение

этого явления имеет последствия и для понимания звучащих языков: выясняется, что при жестикуляции конструируемое пространство в звучащих языках тоже используется, хотя и не играет такой роли, как в языках жестовых. Этот пример наглядно показывает пользу от изучения РЖЯ для лингвистики в целом.

Лингвистическое изучение РЖЯ и сообщество глухих

Какая польза может быть от деятельности лингвистов для сообщества глухих? Насколько мне известно, пользователи РЖЯ часто не осознают того факта, что этот язык эквивалентен звучащим языкам. Если РЖЯ становится уважаемым и нормальным предметом научного анализа, то это должно позволить самим носителям РЖЯ взглянуть на него по-новому, как на полноправный язык. Это произошло в Америке в 1960-70е годы. В нашем обществе процесс признания РЖЯ сталкивается с трудностями, но тоже неизбежно будет происходить.

Язык, который является предметом исследования, легче может стать предметом преподавания, изучения, как любой из языков РФ или любой иностранный язык. Признание РЖЯ в научном контексте может повлечь его признание и в других контекстах.

В ходе научного изучения от работы профессиональных лингвистов может быть и более непосредственная, конкретная польза для носителей языка. Современные научные знания о структуре языка могут быть использованы для составления современных словарей и грамматик. Хотя словарь и грамматика РЖЯ частично описаны, ясно, что в этом деле еще многое предстоит сделать, и будет гораздо лучше, если в этой работе будут участвовать подготовленные, квалифицированные лингвисты. Это поможет избежать многих трудностей и ошибок, которые нередки в словарях и грамматиках жестовых языков.

Лингвистическое изучение РЖЯ и гуманитарные проблемы

Российское общество официально признает равноправие малых и больших языков. В Конституции указывается, что даже языки, на которых говорит несколько тысяч или сотен людей, имеют право на существование и должны обеспечиваться поддержкой общества. Хотя это происходит с большими перебоями, но все же малые языки такую поддержку в какой-то степени получают. А РЖЯ, которым

пользуются сотни тысяч людей, официально не признается. Тем самым нарушается принцип языкового равноправия. РЖЯ является родным, материнским, языком очень многих граждан РФ, и этот факт должен быть взят за основу при выработке юридических принципов, общественных норм и педагогической практики.

Я думаю, что лингвисты могут повлиять на людей, формирующих подобные общественные нормы. Научное изучение РЖЯ может сыграть роль в более широком его признании в РФ как реально существующего языка. Именно это произошло в США – об этом уже говорилось выше. Жестовые языки были признаны официально не только в крупных, развитых странах, но и в ряде стран, которые обычно не включаются в эту категорию (такие, как Словакия, Венесуэла, Уганда).

В признании РЖЯ заинтересованы не только неслышащие люди, но и все общество в его эволюции в сторону большей гуманности и уважения к правам меньшинства. О том, как протекают подобные процессы в разных странах мира, см. Комарова 2007.

В 2010 г. предстоит перепись населения РФ и важно, чтобы РЖЯ фигурировал в списке, который получают переписчики, как один из возможных родных языков. Институт языкознания РАН участвует в составлении рекомендаций для переписи, и я буду стремиться к тому, чтобы этот пункт был в этих рекомендациях отражен³.

В заключение несколько общих замечаний. Я думаю, что взаимодействие сообщества глухих с лингвистами – это позитивный процесс, в котором не может быть проигравших. Необходимо организовывать и строить более тесное сотрудничество между заинтересованными лингвистами, сурдопедагогами и носителями. Молодым лингвистам, которые начинают заниматься этой областью, не имея исходной базы, приходится достаточно непросто. Понятно, что контакты с носителями РЖЯ не всегда завязываются легко. Хочется верить, что это взаимодействие будет развиваться, и лингвистам

³ В ходе переписи 2010 года удалось включить РЖЯ в список официальных языков РФ. В этом очень помогли директор ИЯз РАН член-корр. РАН В.А. Виноградов и старший научный сотрудник Ю.Б. Коряков, который взял на себя взаимодействие с Росстатом. Согласно полученным в ходе переписи результатам, 120 528 граждан сообщили о том, что они владеют русским жестовым языком глухих. Необходимо приложить все усилия для того, чтобы в ходе следующей переписи эта цифра была уточнена.

будет оказана поддержка со стороны сурдопедагогов. В будущем, надеюсь, увеличится количество профессиональных лингвистов – носителей жестового языка. Это еще одно важное направление для размышлений.

Литература

Зайцева Г.Л. 1991. Дактилология. Жестовая речь. М.: Просвещение.

Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. 1981. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка. Дефектология, 1981, №1.

Киммельман В.И. 2010. Базовый порядок слов в русском жестовом языке. Дипломная работа. РГГУ.

Комарова А.А. 2007. Особенности сообществ глухих. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М. 120–129.

Киммельман В. 2007. Отрицание в РЖЯ. Основные особенности. Курсовая работа. РГГУ.

Львовская А. 2006. Анализ видовой и временной системы глагола РЖЯ. Курсовая работа. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прозорова Е.В. 2004. Морфологическая сложность глаголов в РЖЯ. Курсовая работа. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прозорова Е.В. 2005. Как ментальные процессы концептуализируются в РЖЯ. Курсовая работа. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прозорова Е.В. 2006. Референциальные характеристики именной группы в РЖЯ. Дипломная работа. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прозорова Е.В., Кибрик А.А. 2007. Сопоставление процесса референции в звучащих и жестовых языках. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М. 162–179.

Прозорова Е.В. 2009. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке. Дисс. к. филол. н. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Шамаро Е. 2006. Выражение прошедшего времени и базовых аспектуальных различий в глаголе в РЖЯ. Курсовая работа. МГУ имени М.В. Ломоносова.

Шамаро Е. 2007. Некоторые факты видо-временной системы РЖЯ. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М. 180–191.

Kibrik A., Prozorova E. 2007. Referential Choice in Signed and Spoken Languages. In: A. Branco, T. McEnergy, R. Mitkov and F. Silva (eds.)

DAARC 2007 (6th Discourse Anaphora and Anaphor Resolution Colloquium). Proceedings. Porto: Centro de Linguística da Universidade do Porto. 41–46.

Kibrik A. 2011. Reference in discourse. Oxford University Press.

Kimmelman V. 2009. Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy. *Sign Language & Linguistics* 12(2). 161–186.

Stokoe W. 1990. An Historical Perspective on Sign Language Research: A Personal View. In: C. Lucas (ed.) *Sign language Research. Theoretical issues*. (Proceedings of the International Conference, Theoretical Issues in Sign Language Research, II, May 18–21, 1988 at Gallaudet University). Washington: Gallaudet University Press. 1–8.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВА В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

Д.А. Бородулина
borodulina-d@yandex.ru

1. Введение

Данная статья посвящена описанию средств выражения повелительности в русском жестовом языке (РЖЯ). Повелительные, или императивные, конструкции служат для побуждения адресата к какому-либо действию. Императив достаточно давно привлекает к себе внимание исследователей, однако и в настоящее время определение, объем и место этой категории в системе языковых значений остаются спорными. Специального же изучения средств выражения императива на материале РЖЯ, и вообще жестовых языков, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

Настоящая статья состоит из 4 частей. В первой части приводятся общие сведения о РЖЯ, во второй мы кратко характеризуем семантические разновидности и особенности выражения императива в звучащих языках, а также приводим все доступные нам данные о способах выражения императива, представленные в существующих описаниях жестовых языков. В третьей и четвертой частях анализируются немануальные и мануальные средства выражения императива в РЖЯ соответственно.

Исследование проводилось на материале собранного нами корпуса видеотекстов на РЖЯ, включающего спонтанную речь (нарративы и диалоги), тексты, записанные на основе стимульного материала (пересказы мультфильмов без слов, рассказы по рисункам, разыгрывание специально заданных ситуаций), а также анкетирования. Анкетирование проводилось с пятью информантами, для которых РЖЯ является родным языком, при этом все они хорошо владеют и русским звучащим языком. Общий объем проанализированных фраз составляет около 500 единиц.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 12-06-00231-а).

Следует отметить, что использование императива сильнее, чем многие другие языковые категории, связано с ситуацией непосредственного общения. Лучшим способом сбора информации для исследования средств его выражения в РЖЯ могло бы быть включенное наблюдение за речью носителей в процессе коммуникации, однако оно сопряжено с целым рядом трудностей, прежде всего, с необходимостью владения исследователем данным языком на очень высоком уровне. В собранном нами материале в ряде случаев ситуация непосредственного общения моделировалась искусственно (анкетирование, разыгрывание ситуаций). Поэтому выводы, сделанные в данной статье, носят предварительный характер.

2. Общие сведения о русском жестовом языке

РЖЯ – это естественная коммуникативная система, которой пользуются для общения глухие и слабослышащие люди России. По функциональным возможностям и структурным особенностям РЖЯ, как и другие национальные жестовые языки, сходен с обычными, звучащими, языками. Главное отличие жестовых языков от звучащих заключается в использовании ими для передачи информации не звукового, а визуального канала.

РЖЯ, несмотря на достаточно большое количество носителей², до сих пор остается мало изученным. При этом неоднократно отмечалась важность исследования жестовых языков для развития лингвистической теории и типологии, поскольку оно позволяет проверить на универсальность различные свойства, ранее наблюдаемые только на материале звучащих языков (Прозорова 2007; Кибрик 2009). Кроме того, слабая изученность РЖЯ способствует сохранению целого ряда социальных проблем – фактическому отсутствию у языка правового статуса, невозможности качественно обучать переводчиков и педагогов, и, в конечном счете, давать доступ его носителям, людям с нарушениями слуха, к информации, образованию, услугам, трудоустройству.

² Точное число носителей РЖЯ не известно. По данным А. Л. Воскресенского, в России РЖЯ пользуются не менее 2-х млн. человек (Воскресенский 2002). Во Всероссийской переписи населения 2010 г., где носители РЖЯ впервые учитывались официальной статистикой, приводится другая цифра – 120.5 тыс. человек. РЖЯ также используется глухими в странах бывшего Советского Союза, кроме прибалтийских (Беликов 1983).

Информация в РЖЯ, как и в других жестовых языках, передается с помощью мануальных и немануальных показателей. Мануальные показатели – это жесты, производимые руками, немануальные показатели – движения головы и корпуса тела, мимика. Функции мануальных и немануальных средств существенно различаются. Жест в жестовых языках является аналогом слова в звучащих языках (Zeshan 2002). Немануальные показатели (в особенности выражение лица) в жестовых языках выполняют схожие функции и имеют схожие характеристики с интонацией в звучащих языках (Nespor, Sandler 1999; Wilbur 2000).

Для выражения грамматических значений могут использоваться различные способы, частично соотносимые со способами выражения значений в звучащих языках. Например, временная семантика в РЖЯ может кодироваться служебными жестами, которые следуют за жестами-глаголами, а значение множественности чаще всего выражается редупликацией – повтором жеста. Значение отрицания в ряде случаев выражается супплетивным способом, например, жесты со значениями ‘понимать’ и ‘не понимать’ формально не имеют ничего общего.

Открытым остается вопрос о выделении в РЖЯ классов слов, соотносимых с частями речи в русском звучащем языке. В настоящей статье термины, принятые в лингвистических описаниях, например, *глагол* или *междометие*, используются условно, под этими понятиями подразумеваются функциональные аналоги частей речи в звучащих языках.

3. Категория императива в существующих лингвистических описаниях

3.1. Семантика и особенности выражения императива в звучащих языках

Под императивом в лингвистике понимается высказываемое говорящим побуждение к исполнению какого-либо действия. Исследователи отмечают, что значение императива является одним из самых основных и, по-видимому, универсальных значений в языках мира (Храковский, Володин 1986; Palmer 1986; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994). Традиционно императив рассматривается как одно из грамматикализованных значений модальности – повелительное наклонение (например, РГ-80, I: 618). При этом в лингвистике уже достаточно

давно существует и другая широко распространенная точка зрения, согласно которой императив должен выводиться за рамки наклонения, так как он не соотносится с другими его граммемами по семантике (значение реальности / ирреальности) и существенно отличается от них в функциональном и структурном плане (Храковский, Володин 1986).

Императиву свойственны такие особенности, как семантическая неоднородность лично-числовых форм и наличие семантических подтипов. Приведем определения тех из них, которые будут рассматриваться в данной статье на материале РЖЯ. **Нейтральный императив** – значение повеления 2 л. ед. ч. без каких-либо дополнительных значений (*Иди(те) сюда*). Императив 1 л. мн. ч. – значение **«приглашения к совместному действию»** – говорящий приглашает адресата совершить какое-то действие вместе с ним (*Давай(те) споем песню*). В значении императива 3 л. – **«опосредованного повеления»** – говорящий пытается через адресата побудить к действию какое-то третье лицо (*Пусть он сходит в магазин*). **Прохибитив** – это указание на то, что говорящий пытается побудить адресата не совершать какое-либо действие (*Не ходи(те) туда!*). **Превентивом** называется форма, предназначенная для того, чтобы предупредить адресата о некотором нежелательном событии и побудить его этого события избежать (*Смотри, не упади!*). Отдельно выделяют **категорический, «настойчивый» императив**, когда говорящий дополнительно акцентирует внимание на отсутствии выбора у адресата относительно выполнения / невыполнения повеления (*Сейчас же отдай коробку!*). Имеются также разновидности императива, связанные с социальными ролями собеседников и соблюдением правил речевого этикета, принятых в обществе: **вежливый и грубый императив** (*Сядь, пожалуйста! / Сел на место!*)

Императивные значения в звучащих языках могут выражаться не только специальными формами глаголов, но и междометиями («иди отсюда» – *вон!*, «возьми» – *на!*, «слушай» – *эй!*), существительными-вокативами, служащими для привлечения внимания адресата, особенностями конструкции предложения (обычное отсутствие подлежащего), интонационными средствами (Гусев 2005).

Необходимо отметить, что термины *императив*, *императивный* могут пониматься узко, исключительно по отношению к глагольной грамматической категории, или широко, к языковым явлениям, имеющим императивное (повелительное) значение. Мы в данной статье будем пользоваться термином *императив* в широком смысле,

термины *императив* и *повеление*, *императивный* и *повелительный* будут использоваться нами как синонимы.

3.2. Степень исследованности императива в жестовых языках и в РЖЯ

Несмотря на то, что лингвистическое изучение жестовых языков активно ведется в течение более пятидесяти лет, средства выражения императива в них, по всей видимости, подробно еще не изучались. В доступной нам литературе о жестовых языках встречаются лишь краткие упоминания о показателях императива. Так, в Kakumasu 1968 отмечается, что в деревенском жестовом языке урубун-каапор (Бразилия) для мягкого императива нет очевидного показателя, но он понятен из контекста и/или маркируется немануальными средствами. Категорический императив маркируется прямым взглядом на адресата широко открытых глаз, напряжением мускул лица. В Baker-Shenk, Cokely 1980 говорится, что в американском жестовом языке императив обычно выражается пристальным взглядом на адресата и эмфатическим выделением жеста-глагола (данный жест выполняется быстрее и резче, чем в неимперативных контекстах). Жест-глагол также может выполняться, наоборот, медленно и размеренно, в этом случае он передает значение подчеркнуто категорического императива (например, когда говорящий полагает, что адресат не хочет выполнять повеление). В статье Wilcox, Wilcox 1995: 146–147, посвященной средствам выражения модальности в американском жестовом языке, приводятся наблюдения о сходстве немануальных маркеров, выполняющих функции императива, деонтической необходимости (необходимости, согласно принятым законам и правилам), специального вопроса, а также эпистемической необходимости (высокой степени вероятности с точки зрения говорящего). Эти немануальные маркеры могут включать в себя кивок головой, наклон корпуса вперед, сощуривание глаз и сведение бровей. В грамматическом описании американского жестового языка Valli, Lucas 2000: 142–143 приводятся сведения о выражении значения категорического императива (*command*). Исследователи отмечают обычное отсутствие подлежащего в повелительной конструкции, а также наличие немануальных маркеров, которые могут включать пристальный зрительный контакт с адресатом и нахмуривание бровей. Те же средства выражения императива наблюдаются в австралийском жестовом языке [Johnson, Shembri 2007: 199–201]. Кроме этого,

по наблюдениям авторов, в австралийском жестовом языке в императиве возможно резкое исполнение предикатного жеста.

В существующих описаниях РЖЯ встречаются общие упоминания о средствах выражении императива. В источниках Зайцева, Фрумкина 1981 и Grenoble 1992 приводятся сведения об обязательном использовании в императивных высказываниях на РЖЯ (как в просьбах, так и в приказах) жеста со значением «просить». В учебнике Зайцева 2000 говорится, что в императивных контекстах используется «повелительная мимика» и жест, обозначающий действие, выполняется более резко. В очерке Давиденко, Комарова 2006 упоминаются «решительное выражение лица» для выражения приказа и «просящее выражение лица» для просьбы, резкость исполнения жестов, использование жеста ПОЖАЛУЙСТА.

4. Немануальные средства выражения императива в РЖЯ

Данные, полученные на основе анализа текстов, а также интервью с носителями языка, показывают, что немануальные показатели играют важную роль в передаче императивных значений. К немануальным средствам выражения императива относятся, в первую очередь, направление и характер взгляда, движения корпуса и головы³.

4.1. Характеристики взгляда, глаз и бровей

В нормальной ситуации общения на РЖЯ между собеседниками всегда имеется зрительный контакт. Это связано, во-первых, с особенностями канала передачи информации и, во-вторых, с правилами речевого этикета – разговаривать на РЖЯ, не глядя на адресата, считается невежливым.

Для повелительных, а также вопросительных контекстов в РЖЯ характерен более пристальный, «цепкий» взгляд в глаза адресата, чем для утвердительных высказываний. Мы полагаем, что данная особенность взгляда иконически выражает необходимость реакции

³ Необходимо отметить, что строгое соответствие определенных немануальных показателей с языковыми значениями наблюдается не всегда (эта особенность функционирования свойственна также интонации в звучащих языках). Следовательно, все выводы, сделанные нами в данном разделе, следует считать не строгим правилом, а скорее тенденцией.

адресата на реплику говорящего. Повелительные и вопросительные предложения различаются по характеристикам глаз и бровей: для императива характерны немного суженные глаза, легко сведенные, нахмуренные брови (Рис. 1), а для вопроса – широко раскрытые глаза и поднятые брови (Рис. 2).

Рис. 1. Сведенные брови и суженные глаза в императиве

Рис. 2. Поднятые брови и широко раскрытые глаза в вопросе

Анализ материала показывает, что взгляд в глаза адресата в императивных высказываниях, так же, как и в вопросительных, и в утвердительных, может прерываться, см. примеры (1–4)⁴.

- (1) $\frac{\text{bf}}{\text{IMP1}}$ / $\frac{\text{bf}}{\text{IMP1}}$ / $\frac{\text{hf}}{\text{СЕСТЬ РЯДОМ}}$ / $\frac{\text{bf}}{\text{IMP1}}$
 «Иди сюда, давай, садись сюда рядом со мной, иди сюда».

- (2) $\frac{\text{—g}}{\text{ТЫ}}$ $\frac{\text{bf}}{\text{УМЫТЬСЯ}}$ / $\frac{\text{hs}}{\text{ПРАЗДНИК ПРИЙТИ}}$

$\frac{\text{—g}}{\text{ГРЯЗНЫЙ КРАСИВЫЙ NEG}_{\text{stressed}}}$
 «Ты умойся, ведь на праздник идти грязным некрасиво».

⁴ Названия жестов обозначаются малыми прописными буквами. Показатели, обозначающиеся как IMP1, IMP2, PRVN, NEG_{stressed} описываются в разделе 4. Немануальные маркеры обозначаются в строке над названиями жестов. Линия обозначает границы распространения немануального показателя. Немануальные показатели обозначаются без линии в случаях, когда они исполняются очень кратко. Список условных обозначений немануальных показателей см. в конце статьи.

кер отличается от всех остальных немануальных показателей императива, которые всегда сопровождают исполнение жестов-глаголов и иногда жестов, находящихся с ними в контактной позиции.

Для выражения значения категорического императива (кроме значения просьбы – см. п. 4.3) могут использоваться такие немануальные маркеры, как широко открытые глаза (5) или более сильное нахмуривание бровей (6). Категорический императив в основном используется взрослыми при общении с детьми, в других ситуациях он воспринимается носителями как фамильярный и грубый.

- (5) $\overline{\text{bf}}$ $\overline{\text{bf}}$ $\overline{\text{ew}}$
 ЗАКОНЧИТЬ₂ БАЛОВАТЬСЯ / 2PS:ЗАМОЛЧАТЬ НУ
 «Прекрати баловаться! Замолчи, ну!».

- (6) $\overline{\text{hf}}$ $\overline{\text{bf}}$ $\overline{\text{bf}}$ $\overline{\text{hf}}$ $\overline{\text{hf}}$ $\overline{\text{hf}}$ **brf**
 ТЫ ЕСТЬ IMP₂ / ЗАСТАВИТЬ / IMP₂ / ЕСТЬ IMP₂ / IMP₂ / IMP₂
 «Ешь, давай! Кому я сказал, ешь! Давай, давай!».

Сильно сведенные нахмуренные брови и суженные глаза в сочетании с пристальным взглядом в РЖЯ наблюдаются также в предложениях с деонтической модальностью (7). Связь немануальных средств выражения деонтической модальности и императива, скорее всего, обусловлена тем, что предложения с деонтическими показателями также часто выполняют повелительную функцию.

- (7) $\overline{\text{brf}}$ $\overline{\text{brf}}$
 ТЫ ДОЛЖЕН НУЖНО СПОРТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ СПОРТ
 «Тебе обязательно нужно делать зарядку каждый день».

Интересны случаи, когда при исполнении императивных предложений говорящий намеренно отворачивается от адресата или закрывает глаза. Этот немануальный маркер иконически передает смысл ‘Разговор окончен’, ‘Возражения не принимаются’. Такие немануальные показатели, например, часто сопровождают жесты ВЫГНАТЬ и ЗАСТАВИТЬ, которые в императивных контекстах могут выполнять функции междометий ‘вон’ и ‘делай сейчас же’ (см. п. 5.2.2). Здесь прослеживается некоторая аналогия с использо-

- hf **hf** hf
- (9) ЕСЛИ ИДТИ.МИМО МАГАЗИН ИДТИ.МИМО /ХЛЕБ КУПИТЬ
«Если будешь идти мимо магазина, хлеба купи».

- bf**
- (10) ТЫ ЗАПИСАТЬ БЫТЬ:PAST ТЫ
«Ты *записал* (я видел)!».

Длина траектории наклона головы / корпуса в РЖЯ может увеличиваться в зависимости от степени категоричности или настойчивости, которую говорящий придает своему повелению. Усиление резкости наклона придает императиву фамильярный или грубый оттенок.

Функции выделения посредством наклонов корпуса и/или головы в РЖЯ обнаруживают сходства с функциями интонационного акцентного выделения в звучащих языках. Например, в русском звучащем языке характеристики интонационного акцента могут наряду с выполнением разделительной функции маркировать и тип предложения по цели высказывания, и его коммуникативную структуру, и логическое ударение. Для звучащей речи также характерны значимые изменения некоторых характеристик интонационного акцента, таких как интенсивность и длительность (Кодзасов 2001: 382–390).

Наклоны в сторону. В императивных высказываниях, побуждающих адресата к перемещению или передаче какого-либо объекта или информации, говорящий производит наклон головой и/или корпусом не вперед, а в сторону. Направление наклона совпадает с реальной (11, 12, 13) или воображаемой (14) локализацией в пространстве той точки, в которую должен переместиться адресат (11, 12), или где находится получатель объекта (13) или информации (14). Если перемещение должно осуществляться по направлению к говорящему или же говорящий является получателем объекта или информации, то обычно производится просто резкий кивок головой вперед (12).

- g
- hs hs hs
- (11) IMP1 / IMP1 / IMP1
«Проезжай, проезжай, давай!».

- _____g
- (12) **hf hf hf hf**
 IMP1 / IMP1 / IMP1 / 2PS:ИДТИ:1PS
 «Давай, иди сюда! Подойди ко мне!».
- _____g
- hs**
- (13) ТЫ 2PS:ДАТЬ.ЛИСТ:3PS
 «Ты дай ему тетрадь».
- _____g
- hs**
- (14) ТЫ СКУЧАТЬ БАБУШКА / ТЫ ПОЗВОНИТЬ:PS3
 «Ты соскучился по бабушке? Тогда ты позвони ей».

Данный немануальный показатель в императивных высказываниях сопровождает предикатные жесты. Наклон головы / корпуса в сторону встречается при предикатных жестах со значением движения и в неимперативных контекстах, например (15). Однако, по нашим наблюдениям, в императивных высказываниях рассматриваемый немануальный показатель, как и наклоны головы / корпуса вперед, носит более регулярный и выраженный характер.

- _____hs
- (15) ИДТИ / НАЧАЛЬНИК ОКНО СИДИТ
 «Иду туда, начальник сидит у окна».

Наклон головы в сторону регулярно используется также в констативных жестовых действиях со значением приглашения к совместному перемещению или действию (16, 17). Наклон головы указывает в ту сторону, куда будет производиться перемещение, или просто влево, если маркер используется в абстрактном значении (например, предложение 17 производится в ситуации, когда собеседники находятся дома, следовательно, указать головой настоящее направление движения невозможно). В подобных контекстах рассматриваемый немануальный показатель может выступать в сочетании со специализированным императивным жестом IMP1 (16), а может употребляться самостоятельно. Так, в примере 17 выделенное движение головой находится в позиции начала второй предикативной единицы и не сопровождается никакой мануальной жестом, после него производится мануальный жест.

Для выражения значений отрицательного императива и просьбы используются сочетания основных немануальных маркеров императива с дополнительными показателями. Дополнительный маркер, сопровождающий прохибитив и превентив, является не специализированным для данного значения, а общим для выражения любого отрицания. Дополнительные маркеры просьбы и настойчивой просьбы (наклон головы в сторону в сочетании с сощуриванием глаз, серии мелких кивков) являются, по всей видимости, специализированными для данных значений.

Данные, представленные в настоящем разделе, показывают, что немануальные маркеры в РЖЯ выполняют те же функции, что и интонация в звучащих языках. Наблюдается множество сходств в особенностях просодии РЖЯ и звучащих языков: различные средства выражения повеления и вопроса; возможность выражать характеристиками интонационного акцента тип предложения по цели высказывания, логическое ударение, эмфазу; выражение значений категорического и настойчивого императива посредством усиления длительности и интенсивности исполнения просодических маркеров.

5. Мануальные средства, использующиеся для выражения повелительности в РЖЯ

Значение повеления в РЖЯ обычно выражается той же формой жеста-глагола, которая используется для неимперативных контекстов. Таким образом, если рассматривать только мануальный «слой» речи, пример (22) может интерпретироваться как сообщение, вопрос или повеление.

- (22) ТЫ ОТПРАВИТЬ.ПИСЬМО
«Ты отправляешь письмо» / «Ты отправляешь письмо?» /
«Ты отправь письмо».

Верно распознать семантику повеления в подобных случаях адресату позволяет, прежде всего, контекст ситуации общения, а также немануальные маркеры и особенности конструкции (см. пп. 4, 5.5).

Однако в РЖЯ имеется также ряд жестов, в той или иной степени специализированных для выражения именно императивных значений. Рассмотрим их подробнее.

5.1. Жесты, специализированные для выражения императивных значений

Рис. 3. Жест $IMP1_s$ в значении побуждения к перемещению

Жест $IMP1$. Наиболее распространенным значением жеста $IMP1$ (Рис. 3) является побуждение адресата к перемещению (примеры 23–26). Данный жест представляет собой мах лицевой стороной ладони в ту сторону, куда необходимо переместиться адресату: по направлению к говорящему, от говорящего или в сторону⁵. Таким образом, жест $IMP1$ при выражении данных значений содержит информацию не только о собственно побуждении к перемещению, но и о направлении этого перемещения. Мах по направлению от говорящего может производиться и тыльной стороной ладони вперед, как в примере (26), тогда данный жест приобретает пренебрежительный, грубый оттенок значения.

(23) $IMP1_v$ / $IMP1_v$ / $IMP1_v$ / ПРЫГНУТЬ_v / $IMP1_v$
«Давай сюда! Давай сюда! Прыгай сюда! Давай!»

(24) ДА / $IMP1_a$ / ТЕЛЕФОН ВЗЯТЬ НУ
«Да, иди, (только) телефон возьми».

(25) $IMP1_s$ / $IMP1_s$
«Проезжай!»

⁵ Информация о направлении перемещения в примерах обозначается нижними индексами: *v* (от *venitive*) – по направлению к говорящему, *a* (от *andative*) – по направлению от говорящего, *s* (от *side*) – по направлению в сторону.

- (26) **МОЛЧАТЬ / IMP1_а**
«Молчать! Пошёл отсюда!»

Также жест IMP1 может иметь значение 'дай мне скорее' (27), при выражении данной семантики мах производится лицевой стороной ладони по направлению к говорящему.

- (27) **ОТВЕРТКА IMP1_в**
«Дай мне отвертку!»

Значение показателя IMP1 может уточняться в речи глаголами с конкретным значением, как в примере (23), однако чаще он употребляется самостоятельно (примеры 24–27), а обозначаемое им действие ясно из контекста или ситуации общения.

Так как в контексте жест IMP1 может принимать разные значения, например, «иди», «перемещайся на транспорте», «прыгни», «дай», «кинь» и т. д., следовательно, для говорящего в данном случае не существенно обозначать, каким именно способом будет происходить перемещение и даже к чему оно относится – к субъекту («двигайся») или объекту («дай»). Таким образом, жест IMP1 обнаруживает функциональное сходство с десемантизированными императивами («императивными местоимениями») в звучащих языках – формами, которые служат для повеления, но не называют действие, к которому побуждается адресат⁶, и значение которого понятно из предыдущего разговора или ситуации общения.

Сходство IMP1 с десемантизированными императивами обнаруживается также в том, что рассматриваемый показатель, по всей видимости, может использоваться только в ситуации «здесь и сейчас». В том случае, если момент выполнения действия отодвинут во времени от момента речи, вместо него употребляются соответствующие полнозначные жесты ПРИЙТИ, ЕХАТЬ, ДАТЬ и т. п. (28).

- (28) **Я ДОМ БЫТЬ:FUT ДВЕНАДЦАТЬ / ПРИЙТИ:1PS**
«Я буду дома в двенадцать, приходи».

Жест IMP1 может также употребляться для выражения повеления в сочетании с жестами-глаголами со значением состояния (29, 30). В

⁶ Подробнее о десемантизированных императивах в звучащих языках см. Гусев 2005: 88.

данных контекстах рассматриваемый показатель функционирует как служебное слово: он не содержит указания на место исполнения действия и производится просто в направлении адресата; жест IMP1 и знаменательный жест представляют собой единый «интонационный комплекс» – между ними нет паузы, жесты «перетекают» из одного в другой, могут немного редуцироваться; жест IMP1 и полнозначный жест объединяются одним немануальным показателем, маркирующим границу элементарной дискурсивной единицы (см. п. 4.2); жест IMP1 занимает обычную для служебных показателей в РЖЯ постпозицию по отношению к полнозначному жесту.

- (29) ТЫ СПАТЬ **IMP1** / ВРЕМЯ МНОГО
«Спи давай, уже поздно (букв.: времени много)!»
- (30) СПОКОЙНЫЙ **IMP1**
«Успокойся».

Рис. 4. Жест $IMP1_s$ в значении побуждения к совместному действию

Жест $IMP1$ может также обозначать приглашение адресата к совместному с говорящим действию. В данных контекстах мах ладонью исполняется ближе к корпусу, что иконически указывает на участие в действии говорящего, и заканчивается обычно ладонью вниз (Рис. 4). Мах ладонью может производиться в том направлении, в котором необходимо двигаться для совершения действия (31), а может исполняться просто влево, когда употребляется в более абстрактном значении, например в контексте «Давай (пойдем) купим яблок» в ситуации, когда участники коммуникации находятся дома

(32). Мелкий мах влево также используется в том случае, если для совместного действия не нужно куда-либо передвигаться (33). Жест IMP1 в значении «приглашения к совместному действию» регулярно сопровождается наклоном корпуса и/или головы в сторону будущего передвижения или, при выражении абстрактного значения, просто влево (см. п. 5.2).

(31) **IMP1_v**, ТЕЛЕВИЗОР СМОТРЕТЬ
«Давай вместе посмотрим телевизор!» (Говорящий уже смотрит и приглашает адресата присоединиться).

(32) **IMP1_s**, МАГАЗИН / **IMP1**
«Пойдем в магазин!» (Участники коммуникации находятся дома).

(33) **IMP1_s**, РИСОВАТЬ ДОМ
«Давай нарисуем домик» (Говорящий и адресат уже сидят за столом и готовы приступить к рисованию).

В случае, когда жест IMP1 обозначает приглашение к совместному перемещению, он, как правило, употребляется самостоятельно (31, 32). Если же совместное действие только сопровождается перемещением или вообще его не требует, жест IMP1 выступает как служебный показатель в сочетании с полнозначным жестом, обозначающим данное действие (33). При этом IMP1 в данных контекстах занимает не характерную для служебных слов в РЖЯ препозицию по отношению к знаменательному жесту. Следовательно, можно сделать предположение, что IMP1 в значении «приглашения к совместному действию» еще не до конца оформился в качестве служебного показателя.

Необходимо отметить, что образование служебных показателей со значением «приглашения к совместному действию» из императивных форм со значением движения отмечается и в некоторых звучащих языках (Гусев 2005:129).

Жест IMP2. Императивный жест IMP2 имеет значение побуждения адресата к перемещению (34), или к действию, сопровождающемуся перемещением (35), или просто к немедленному исполнению какого-либо действия (36). Жест IMP2 представляет собой мах указательным пальцем в сторону, куда необходимо переместиться или где должно исполняться действие (Рис. 5).

Рис. 5. Жест IMP2_s

- (34) ТЫ 2PS:МЕШАТЬ:1PS / **IMP2_s**
«Ты мне мешаешь. Иди [к себе в комнату]».
- (35) ПРОСИТЬ / МЫТЬ.ПОСУДА **IMP2_s**
«Пожалуйста, пойдя, помой посуду».
- (36) ЕСТЬ **IMP2_s** / **IMP2_s** / **IMP2_s**
«Ешь (это)! Давай, давай!»

Жест IMP2 может функционировать самостоятельно (примеры 34, 36 во втором и третьем случае), или сопровождать жест-глагол, называющий действие, которое необходимо выполнить адресату (35, 36 в первом случае) и иметь признаки служебного слова (постпозиция по отношению к знаменательному жесту, отсутствие самостоятельного интонационного оформления).

По свидетельству информантов, императивный маркер IMP2 воспринимается носителями как фамильярный и категоричный, он свойственен коммуникации в семье, а вне семьи может употребляться взрослыми по отношению к детям.

По конфигурации жест IMP2 совпадает с указательными и личными местоимениями РЖЯ, которые исполняются тоже посредством указания пальцем в сторону какого-либо объекта или места. Жест IMP2 – это указание, но с дополнительными характеристиками движения (мах пальцем), иконически передающими значение побуждения.

Жест PRVN. Специализированный мануальный показатель используется в РЖЯ для выражения превентива. Жест PRVN (37, 38) представляет собой последовательную комбинацию жеста СМОТРЕТЬ (рука с поднятыми вверх расставленными указательным и средним пальцами движется вперед от лица говорящего) и кулака с поднятым вверх указательным пальцем, покачивающимся вперед-назад (похожий жест используют носители русского звучащего языка, когда грозят пальцем ребенку, говоря «Смотри у меня!») (Рис. 6). Две части жеста PRVN нельзя рассматривать как самостоятельные лексемы, так как между ними нет паузы, первая часть жеста, по сравнению с отдельно употребленным жестом СМОТРЕТЬ, выполняется быстро и редуцированно. Следует отметить, что происхождение специального показателя превентива от глагола со значением ‘смотреть’ наблюдается и во многих звучащих языках [Гусев 2005: 60].

Рис. 6. Жест PRVN

- (37) УЛИЦА СКОЛЬЗКИЙ / PRVN / УПАСТЬ /
КОНТРОЛИРОВАТЬ:1PS
«На улице скользко, смотри, не упади, следи за собой!»
- (38) ТЫ СЕГОДНЯ ПОЗДНО ВСТАТЬ / PRVN /
ПОЕЗД ОПОЗДАТЬ NEG_{stressed}
«Ты сегодня поздно встал. Смотри, не опоздай на поезд!»

Жест PRVN в речи обычно находится перед описанием ситуации, от которой предостерегает адресата говорящий. Отрицательный маркер NEG_{stressed} может сопровождать жест-глагол (38), а может отсутствовать (37), выражаемое значение при этом не изменяется.

Жест PRVN всегда сопровождается обычными немануальными показателями отрицания (покачивание головой из стороны в сторону и опущенные уголки губ).

Жест PRVN всегда имеет интонационное оформление, выделяющее его из потока речи (отделяется паузами, может выделяться движениями головы и корпуса), таким образом, он имеет некоторые свойства императивного междометия (см. подробнее п. 5.2.2).

5.2. Неспециализированные жесты, выражающие императивные значения

Некоторые повелительные значения выражаются в РЖЯ регулярными, но неспециализированными именно для императива жестами. Рассмотрим данные показатели подробнее.

5.2.1. Жест со значением отрицания $NEG_{stressed}$

В РЖЯ имеется целый ряд жестов, служащих для выражения отрицания.

Рис. 7. $NEG_{stressed}$

В предложениях с прохибитивом используется жест $NEG_{stressed}$ (пример 39), который представляет собой покачивающуюся руку пальцами вверх, ладонью вперед (Рис. 7).

- (39) ВЗЯТЬ:3PS $NEG_{stressed}$
«Не трогай это!».

Жест NEG_{stressed} всегда сопровождается немануальными маркерами, характерными для любого отрицания: покачиванием головой из стороны в сторону и опущенными уголками губ.

Жест NEG_{stressed} употребляется и в неимперативных контекстах, поэтому его нельзя считать специализированным средством выражения отрицания в императиве. Согласно нашим наблюдениям, NEG_{stressed} употребляется во всех случаях, когда на него приходится интонационный акцент, выражающийся в РЖЯ немануальными маркерами, прежде всего, отчетливыми движениями корпуса и/или головы, например в конце предикативной части полипредикативной конструкции (40) или в случае эмфатического выделения (41).

- (40) ЕСЛИ ОТЕЦ ВЧЕРА БОЛЕТЬ NEG_{stressed} /
ОН ЗАВТРА УЙТИ ДЕРЕВНЯ БАБУШКА
«Если бы отец вчера *не заболел*, он бы поехал к бабушке в деревню».
- (41) ОТРЕЗАТЬ.КОРЕШОК.БИЛЕТА БЫТЬ:PAST
ВРЕМЯ РАНЬШЕ / ОПОЗДАТЬ NEG_{stressed} /
ДА ДА ГЛУХОЙ
«Была регистрация, раньше времени (вылета). Не опоздал! Да-да, глухой» (Работник аэропорта дает информацию о глухом пассажире, который проходил у него регистрацию).

5.2.2. Глаголы, способные выступать в функции императивных междометий

В РЖЯ имеется ряд жестов-глаголов, которые в императивных контекстах могут выступать как аналоги междометий в звучащих языках. Жесты-междометия, отличаются тем, что употребляются только в ситуации «здесь и сейчас»; в потоке речи эти показатели отделены от других жестов (не могут принимать на себя зависимые слова, обычно имеют «обособляющее» интонационное оформление с помощью пауз и/или немануальных маркеров)⁷. Данные свойства проявляются у достаточно широкого класса лексем, к нему относятся жесты ПРОСИТЬ, ОБРАТИТЬСЯ, НАХОДИТЬСЯ, ВЫГНАТЬ,

⁷ Такие же свойства отличают междометия и в звучащих языках, например, в русском, см. РГ-80, I: 732.

ЗАСТАВИТЬ, ПРИГЛАСИТЬ, ОСТАВАТЬСЯ и др. Рассмотрим некоторые жесты подробнее.

Жест ПРОСИТЬ. Жест ПРОСИТЬ (в функции глагола – пример 42, в функции междометия – пример 43) представляет собой потряхивание перед грудью сложенных друг с другом ладоней (Рис. 8). Данный жест в функции междометия можно считать приблизительным аналогом этикетного императивного междометия пожалуйста в русском звучащем языке. Императивные контексты с жестом ПРОСИТЬ часто сопровождаются специализированными немануальными показателями просьбы (наклоном головы набок и сощуриванием глаз).

Рис. 8. Жест ПРОСИТЬ

- (42) ЕСЛИ ТЫ ПРОСИТЬ / Я ОСТАТЬСЯ
«Я останусь, если ты попросишь».
- (43) ВКЛЮЧИТЬ ЛАМПА / ПРОСИТЬ / ВЯЗАТЬ ТЕМНЫЙ
«Включи свет, пожалуйста, вязать темно».

В статье Зайцева, Фрумкина 1981 упоминается о том, что жесты со значениями «просить» и «поручать» являются грамматическими (обязательными) средствами выражения императива. Л. Гренобль (Grenoble 1992) также отмечает, что жест ПРОШУ регулярно встречается в повелительных высказываниях на РЖЯ, как в просьбах, так и в приказах. Данные сведения не подтверждаются на материале нашего исследования⁸. Жест ПРОСИТЬ встречается только в прось-

⁸ Следует подчеркнуть, что в более поздних публикациях Г. Л. Зайцевой и других исследователей жест ПРОСИТЬ не называется обязательным или регулярным показателем императива в РЖЯ.

бах, и кроме того, его наличие даже в этой разновидности повелительных контекстов является факультативным: просьба может выражаться и только комплексом специализированных немануальных маркеров (см. п. 5.3). Интересно, что жест ПРОСИТЬ является регулярным мануальным показателем императива в той функциональной разновидности жестовой речи, которой пользуются для общения между собой глухие и слышащие (так называемой, калькирующей жестовой речи⁹).

Рис. 9. Жест ОБРАТИТЬСЯ

Жест ОБРАТИТЬСЯ. Жест ОБРАТИТЬСЯ (в функции глагола – пример 44, в функции междометия – пример 45) иконически изображает касание рукой плеча собеседника (Рис. 9). Данный жест в функции междометия может выполняться в контакте с телом адресата (касание плеча или локтя собеседника) или без него, (просто мелкие махи в его направлении). Данное «междометие» является аналогом русского междометия со значением привлечения внимания *Эй!*

⁹ Термин предложен в работах Г.Л. Зайцевой, например, Зайцева 2000. В зарубежных работах используются термины *signed language*, *loan translation*; *calque sign language*. Под калькирующей жестовой речью, в «крайнем» проявлении ее признаков, понимается жестовый вариант звучащего национального языка, не имеющий собственных особенностей лексики и грамматики, однако такая «строгая» разновидность калькирующей жестовой речи используется крайне редко, чаще всего она сочетает в себе признаки и жестового, и звучащего языков.

- (44) ЧЕЛОВЕК.ИДТИ.ТУДА-СЮДА ОБРАТИТЬСЯ
ПИСАТЬ.ПАЛЬЦЕМ.НА. ЛАДОНИ
«[Стюардесса] ходит туда-сюда, обращается ко мне, пишет пальцем на моей ладони» (Рассказ о способе связи со стюардессой слепого пассажира самолета).
- (45) ОБРАТИТЬСЯ / БОЛТАТЬ ХВАТИТ /
НУЖНО РАБОТАТЬ
«Эй, хватит болтать, работать нужно!»

Данный жест достаточно частотен, но в принципе, функцию привлечения внимания при общении на РЖЯ, в зависимости от условий коммуникации, могут выполнять и другие действия говорящего: активное махание рукой в поле его зрения, удары по столу, за которым сидит адресат, топанье по полу и даже световые сигналы фонариком или мобильным телефоном.

Рис. 10. Жест НАХОДИТЬСЯ

Жест **НАХОДИТЬСЯ**. Жест НАХОДИТЬСЯ (в функции глагола – пример 46, в функции междометия – пример 47) представляет собой повторяющееся мелкое движение вперед-назад одной или двух рук, направленных раскрытыми ладонями вперед (Рис. 10). С помощью жеста НАХОДИТЬСЯ в функции междометия можно побудить адресата к спокойствию и терпению, ожиданию, данный жест приблизительно переводится на русский звучащий язык как Спокойно!

- (46) ПОТОМ ОДИН НЕДЕЛЯ НАХОДИТЬСЯ ТАМ
«Потом одну неделю пробыли там».

- (47) КРИЧАТЬ NEG_{stressed} / НАХОДИТЬСЯ
«Не кричите, спокойно».

Отметим, что в данном случае обнаруживается достаточно сильное различие в семантике жестов, выступающих в функции глагола и междометия: из значения сохранения местонахождения в пространстве ('находиться') посредством метафорического переноса произошло значение сохранения удовлетворительного эмоционального состояния ('сохранять спокойствие').

5.2.3. *Жест НУ, выполняющий в императиве функцию частицы или междометия*

Рис. 11. Жест НУ

Отдельное место в системе средств выражения императива занимает жест НУ¹⁰, представляющий собой обращенную вверх ладонь с полусогнутыми пальцами,двигающуюся вперед, обычно не резко и по небольшой траектории (Рис. 11). Данный жест чаще всего выступает аналогом усилительной частицы, подобную функцию выполняют в русском звучащем языке, например, частицы ну и же.

В императивных контекстах жест НУ может выполнять функцию усилительной частицы или междометия со значением побуждения к немедленному действию, понятному из контекста или ситуации общения. Так, в примере (48) в первом случае жест НУ выступает как междометие, а во втором случае – как частица. Различие данных

¹⁰ Обозначение жеста НУ в данном случае условно, так как в разных контекстах настоящий жест может также переводиться на русский звучащий язык как же, -то и т. д.

жестов заключается только в интонационном оформлении: НУ в функции междометия выделяется с помощью пауз и движений корпуса и/или головы, а в функции частицы нет.

- (48) **НУ / ПРОДОЛЖАТЬ / ПИСАТЬ НУ**
«Ну! Продолжай! Пиши же!»

Жест НУ широко употребляется и в неимперативных контекстах, однако только в функции частицы (49, 50).

- (49) **Я САМ ВЗЯТЬ / ТЫ УСТАТЬ НУ**
«Я сам возьму (тарелку), ты же устала» (Обращение к хозяйке застолья).

- (50) **Я БУДУЩИЙ Я УЧИТЬ:ЗРС ДЕТИ ГЛУХОЙ /
Я НЕ.ЗНАТЬ ЖЕСТ ЯЗЫК / КАК НУ**
«Я будущий учитель глухих детей, и я не знаю жестовый язык. Ну вот как?!»

5.2.4. Именные жесты, способные в императиве выполнять функцию обращения

В собранном нами материале встречаются повелительные предложения, в которых используются жесты-обращения (51). По всей видимости, выполнять функцию обращения могут только именные жесты, называющие ближайших родственников: мать, отца, брата и т. д. Жесты, выполняющие функцию обращений, отличаются от именных жестов в их обычной актантной функции только интонационным оформлением (выделенностью в потоке речи посредством пауз и движений корпуса и/или головы).

- (51) **ПАПА / ПРОСИТЬ / 2PS:РАССКАЗАТЬ:1PS**
«Папа, пожалуйста, расскажи мне (сказку)».

По свидетельствам носителей языка, употребления именных жестов в функции обращений в естественной речи на РЖЯ встречаются очень редко.

5.3. Косвенные способы выражения императива

Ряд повелительных значений в РЖЯ передается косвенными способами.

Прежде всего, к таким значениям относится императив 3 л. («опосредованное побуждение»). Данная семантика выражается с помощью сложных конструкций (52, 53). В главной предикативной части всегда находится жест-глагол со значением речевого действия (СКАЗАТЬ, ОБЪЯВИТЬ, ПЕРЕДАТЬ, и т. п.), а придаточная часть выражает изъяснительную семантику. Кроме того, в придаточной части могут присутствовать показатели деонтической модальности НУЖНО, НУЖНО:NEG или НЕЛЬЗЯ (53).

(52) ТЫ **2PS:СКАЗАТЬ:3PS** / ОН ВЫПИТЬ.ТАБЛЕТКА:ASP
«Скажи ему, чтобы он пил таблетки».

(53) ТЫ **2PS:ПЕРЕДАТЬ:3PS** /
ОН р-е-ф-е-р-а-т **3PS:СДАТЬ:1PS НУЖНО**
«Ты передай, что ему нужно сдать мне реферат».

В РЖЯ также имеется жест, который носители языка переводят на русский звучащий язык как «пусть»¹¹. Можно было бы ожидать, что данный жест используется для передачи значения повеления 3 л., однако он встречается только в значении разрешения, согласия говорящего с существующим положением дел (54).

(54) **ПУСТЬ ОН СИДЕТЬ МЕСТО** /
НАЧАЛЬНИК РАЗРЕШИТЬ / ПУСТЬ
«Пусть он здесь сидит, начальник разрешил, пусть».

Носители РЖЯ предпочитают не использовать императивные конструкции, когда повеление относится не к конкретной ситуации общения, а к ситуации «вообще» (55). В таких случаях употребляются только высказывания с предикатами долженствования (жестами НУЖНО, НУЖНО:NEG, НЕЛЬЗЯ).

(55) **ЧУЖОЙ ДВЕРЬ.ОТКРЫТЬ НЕЛЬЗЯ**
«Не открывай дверь незнакомым (людям)».

¹¹ Данный жест по форме очень похож на показатель IMP1 и, возможно, этимологически с ним связан.

В собранном нами материале встречаются также примеры передачи значения некатегорического, «мягкого» императива с помощью вопросительных конструкций с модальным предикатом МОЧЬ (56).

- (56) ТЫ ПОСУДА.МЫТЬ МОЧЬ^Ч
«Ты можешь помыть посуду?»

5.4 Изменение характера движения предикатного жеста

К особым мануальным средствам выражения императива относится изменение характера движения предикатного жеста. Предикатный жест в императивных контекстах может производиться резче, отрывистее и быстрее (57). Данные характеристики движения имеют значение категоричности и настойчивости и обычно сопровождаются немануальными показателями с теми же значениями (сильно нахмуренные брови, сильный наклон вперед корпусом и/или головой, см. пп. 4.1, 4.2).

- (57) **УМЫТЬСЯ(+)** НУ
«Умывайся же!»

Рассматриваемое средство выражения (как и немануальные маркеры выражения категоричности) нельзя назвать специализированным, так как оно используется также в неимперативных контекстах для выражения категоричности значений деонтической необходимости (58) или эфазы (59).

- (58) **ТЫ ДОЛЖЕН(+)** ДЕЛАТЬ ДОМАШНЕЕ.ЗАДАНИЕ
«Ты *должен* делать домашнее задание!»

- (59) **ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО(+)** БЫТЬ.ДОМА НУ
«Да он *действительно* дома!»

5.5. Особенности конструкции императивных предложений

В предложениях с императивом в РЖЯ чаще всего отсутствует подлежащее. В данных, собранных с помощью анкет, оно пропущено в 75 % случаев, в нарративах – в 96 % случаев. Заметим, однако,

что в неимперативных предложениях подлежащее также может отсутствовать, если оно ясно из контекста.

Более вероятно появление местоимения при предикативных жестах, которые производятся рядом с головой или в контакте с телом говорящего и требуют дополнительного указания на исполнителя действия, например, в (60) движение жеста ПРОВЕРИТЬ выполняется возле лица (глаз):

(60) ДОКУМЕНТ ТЫ ПРОВЕРИТЬ
«Ты документы проверь».

Особенностей порядка слов в императивном предложении в сравнении с неимперативными в РЖЯ не наблюдается: глагол обычно находится в конце конструкции¹².

Таким образом, в РЖЯ имеется широкий круг мануальных средств для выражения императивных значений. Специализированными являются жесты IMP1 и IMP2, а также показатель превентива PRVN. Жесты IMP1 и IMP2 могут функционировать самостоятельно или выступать как служебные слова со значением повелительности. IMP1 также может быть служебным показателем со значением «приглашения к совместному действию». Жест со значением прохитива NEGstressed не является специализированным, так как используется для отрицания и в неимперативных контекстах. Приобретать значение императивных междометий могут некоторые жесты-глаголы со значением волевого воздействия, а также усилительная частица НУ. Именные жесты, называющие ближайших родственников, могут использоваться в императиве в функции обращений. Косвенными конструкциями в РЖЯ выражается значение «опосредованного повеления». Усиление резкости движения жеста-глагола в РЖЯ свойственно категорическому императиву. В повелительных конструкциях чаще, чем в повествовательных, отсутствует подлежащее.

В выражении императива с помощью мануальных средств РЖЯ также обнаруживает типологическое сходство с некоторыми звучащими языками. В РЖЯ отмечаются следующие особенности, которые отмечаются исследователями в звучащих языках: императивные междометия этимологически связаны с глаголами волевого воздействия; междометия и обращения в РЖЯ имеют особое интонацион-

¹² Подробнее о порядке слов в РЖЯ см. в Киммельман 2010.

ное оформление (выделяются с двух сторон паузами, имеют собственное фразовое ударение, которое выражается наклонами корпуса и/или головы); показатели «приглашения к совместному действию» происходят от императивных форм глаголов движения; для выражения повеления могут использоваться конструкции с предикатами долженствования и вопросительные предложения и т. д.

6. Заключение

В заключение обобщим все описанные выше средства выражения императива в таблице.

Разновидности императива	Немануальные средства	Мануальные средства
«Нейтральный» императив	Пристальный взгляд на адресата (глаза немного сужены, брови немного сведены) + выраженные наклоны головы и/или корпуса вперед / в сторону	Жесты IMP1, IMP2. Жесты-междометия с «нейтральным» значением (ОБРАТИТЬСЯ)
«Приглашение к совместному действию»	Пристальный взгляд на адресата (глаза немного сужены, брови немного сведены) + выраженные наклоны головы и/или корпуса в сторону, куда необходимо переместиться или влево	Жест IMP1, использующийся самостоятельно или в сочетании с жестом-глаголом
«Опосредованное повеление»	–	Сложные конструкции с глаголами речевого действия
Прохибитив	Добавление дополнительного маркера отрицания: покачивание головой из стороны в сторону и опущенные уголки губ	Жест NEG _{stressed}
Превентив		Жест PRVN

Категорический императив	Усиление нахмуривания бровей, увеличение траектории и усиление резкости наклона корпуса и/или головы. Для просьбы – добавление дополнительного маркера: короткие серии мелких кивков	Исполнение предикатных жестов более быстро и резко
«Мягкий» императив (просьба)	Добавление дополнительного маркера просьбы: наклон головы набок и сощуривание глаз	–
Грубый императив	Добавление дополнительных маркеров: широко открытые глаза или отворачивание от адресата	Жест IMP _{1а} , исполняемый тыльной стороной ладони вперед. «Грубые» междометия (ВЫГНАТЬ, ЗАСТАВИТЬ)
Вежливый императив	–	Этикетные междометия (ПРОСИТЬ)

Таблица 1. Средства выражения разновидностей императива в РЖЯ

Основным и самым распространенным средством выражения «нейтрального» императива в РЖЯ являются немануальные маркеры, которые функционируют аналогично просодическим средствам (интонации) в звучащих языках. Немануальные показатели «нейтрального императива» в нормальных условиях коммуникации сопровождают все повелительные конструкции, а дополнительные немануальные маркеры могут добавляться для привнесения значений семантических разновидностей императива.

Мануальные жесты – это менее регулярные средства выражения императива, по сравнению с немануальными, но в речи они все же очень распространены, так как маркируют наиболее частотные для ситуации повеления значения: жест IMP₁ выражает смыслы «иди» и

«дай», междометие ОБРАТИТЬСЯ служит для привлечения внимания и т. д.

Специализированными для выражения императивных значений в РЖЯ являются только жесты IMP1, IMP2 и PRVN, а также, по всей видимости, немануальные показатели просьбы, все остальные средства выражения могут встречаться и в неимперативных контекстах.

Интересным и полезным для понимания природы императива, на наш взгляд, является вывод об использовании в РЖЯ одних и тех же языковых средств для выражения повеления, логического ударения, эмфазы. Данные соответствия проводятся не только на просодическом уровне (выраженные наклоны корпуса и/или головы), но и на мануальном «слое» (использование отрицательного жеста NEGstressed).

РЖЯ свойственны многие особенности выражения императива, которые наблюдаются в звучащих языках: 1) связь функционирования средств выражения императива с социальными ролями собеседников и правилами речевого этикета; 2) выражение специальными императивными формами значений побуждения к передвижению; 3) частичная десемантизация этих форм; 4) происхождение от этих форм жеста со значением «приглашения к совместному действию»; 5) наличие междометий со значениями привлечения внимания, требования уйти; 6) обычное отсутствие подлежащего в императивной конструкции; 7) наличие в императиве специальных просодических средств, которые противопоставлены просодии в вопросительных предложениях; 8) выделенность междометий и обращений из потока речи с помощью пауз и интонационных средств; 9) возможность выражения императивных значений косвенным способом с помощью предикатов долженствования и вопросительных конструкций.

Список условных обозначений

bf – наклон корпуса вперед; **brf** – нахмуривание бровей; **DISTR** – дистрибутив; **Du** – двойственное число; **en** – сощуривание глаз; **ew** – широко открытые глаза; **FUT** – будущее время; **g** – пристальный взгляд на адресата немного суженными глазами из-под слегка сведенных бровей; **hf** – наклон головы вперед; **hi** – наклон головы набок; **hn** – кивок головой; **hs** – наклон головы в сторону; **NEG** – отрицание; **no** – «отрицательная» мимика (качание головой из стороны в сторону, опущенные уголки губ); **PAST** – прошедшее время;

PS – лицо; **q** – мимика в вопросительной конструкции; / – пауза для разделения предикативных единиц.

Литература

Беликов В.И. 1983. Жестовые системы коммуникации. В сб.: Семантика и информатика, вып. 20. М. 127–148.

Воскресенский А.Л. 2002. Непризнанный язык (Язык жестов глухих и компьютерная лингвистика). В сб.: Труды Международного семинара «Диалог 2002», т. 2. Протвино. 100–106.

Гусев В.Ю. 2005. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. к. филол. н. М.: Институт языкознания РАН.

Давиденко Т., Комарова А. 2006. Краткий очерк по лингвистике РЖЯ. В сб.: Современные аспекты жестового языка. М. 146–162.

Зайцева Г.Л. 2000. Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов вузов. М.: Владос.

Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. 1981. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка. Дефектология, №1. 15–21.

Кибрик А.А. 2009. О важности лингвистического изучения русского жестового языка. В сб.: А.А. Комарова, Н.А. Чаушьян (ред.). Лингвистические права глухих. М.: ОООИ ВОГ. 122–129.

Киммельман В.И. 2010. Базовый порядок слов в русском жестовом языке. Дипломная работа. М.: РГГУ.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. 2001. Общая фонетика. М.: Изд-во РГГУ.

Прозорова Е.В. 2007. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. Вопросы языкознания, №1. 44–61.

Прозорова Е.В. 2009. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке. Дисс. к. филол. н. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.

Русская грамматика. 1980. т. I. М.: Наука.

Храковский В.С., Володин А.П. 1986. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago Press.

Baker-Shenk C., Cokely D. 1980. American Sign Language: A teacher's resource text on grammar and culture. Silver Spring, MD: T.J. Publishers.

Grenoble L. 1992. An overview of Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 77. 321–338.

Johnson T., Shembri A. 2007. *Australian Sign Language*. New York.: Cambridge University Press.

Kakumasu J. Urubu-Kaapor 1968. Sign Language. *International Journal of American Linguistics*, 34(4). 275–281.

Meir I., Sandler W. 2008. *A Language in Space: The Story of Israel Sign Language*. New York; London: Taylor & Francis Group, LLC.

Nespor M., Sandler W. 1999. Prosody in Israeli Sign Language. *Language and Speech*, 42(2–3). 143–176.

Palmer F. 1986. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press.

Valli C., Lucas C. 2000. *Linguistics of American Sign Language: An Introduction*. Gallaudet University Press.

Wilbur R., Schick B. 1987. The effects of linguistic stress on ASL signs. *Language and speech*, 30(4). 301–323.

Wilbur R. 2000. Phonological and prosodic layering of non-manuals in American Sign Language. In: K. Emmorey, H. Lane (eds.) *The signs of language revisited*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate. 215–247.

Wilcox P., Wilcox S. 1995. The gestural expression of modality in American Sign Language. In: J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 135–162.

Zeshan U. 2002. Towards a notion of ‘Word’ in sign languages. In: R. Dixon, A. Aikhenwald (eds.) *Word: A cross-linguistic typology*. Cambridge University Press. 153–179.

УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

С.И. Буркова
burkova_s@mail.ru

1. Введение

В звучащих языках конструкции, служащие для выражения условных отношений, активно изучаются, начиная с 70-х гг. прошлого века, и на сегодняшний день существует уже достаточно обширная литература, посвященная этому вопросу. Лингвистика жестовых языков – сравнительно молодое направление². Однако и в жестовых языках условные конструкции (УК) уже описывались на материале американского, израильского, нидерландского, датского и шведского языков. Было показано, что условное отношение кодируется как мануальными показателями – жестами рук, так и немануальными маркерами (НММ) – движениями корпуса тела, головы, мимикой. В основном исследователи уделяли внимание средствам немануального маркирования условия, см., например, Baker, Padden 1978; Baker-Shenk, Cokely 1981: 141–145; Liddell 1986; Engeberg-Pedersen 1990; Dachkovsky 2008; Pfau 2008 и др. Структура УК рассматривалась также в связи с проблемой ее освоения детьми в процессе овладения жестовой речью (Reilly, McIntire, Bellugi 1990a,b). Наиболее подробно УК были исследованы на материале израильского жестового языка в работах С. Дачковски, см., например, Dachkovsky 2008; Dachkovsky, Sandler 2009.

Русский жестовый язык (РЖЯ) в целом остается пока еще мало изученным и слабо задокументированным, а способы выражения в

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 12-06-00231-а).

² Изучение жестовых языков обозначилось как самостоятельное направление лингвистической науки в 60-х годах XX в. после пионерской работы Stokoe 1960, в которой впервые на материале американского жестового языка было показано, что жестовые языки в своих фундаментальных чертах сходны с обычными, звучащими, языками и могут изучаться на тех же основаниях.

нем условных отношений до сих пор не были объектом лингвистического анализа³.

Данное исследование было в основном проведено на материале, полученном путем анкетирования, а также на материале спонтанных текстов – нарративов и диалогов, записанных от носителей РЖЯ. Следует отметить, что РЖЯ существует в виде многочисленных территориальных вариантов, различия между которыми порой довольно заметны, хотя и не препятствуют взаимопониманию носителей. Большинство существующих исследований РЖЯ осуществлялось на базе его «московского» варианта, «московский» вариант РЖЯ представлен и в большинстве имеющихся словарей. Материал для настоящего исследования был записан от носителей РЖЯ, проживающих в Новосибирской области и Алтайском крае. Соответственно, данные, представленные в нашей статье, отражают специфику выражения условных отношений в «сибирском» варианте РЖЯ. В других территориальных разновидностях РЖЯ способы кодирования условных отношений могут отличаться.

2. Специфика условных конструкций и их структурно-семантические типы

Условные конструкции служат для выражения одного из типов отношений обусловленности. Отношения обусловленности, к которым относятся условные, уступительные, причинно-следственные и целевые отношения, характеризуют такую связь между двумя ситуациями, при которой одна поставлена в зависимость от другой.

Специфика конструкций, служащих для передачи условных отношений, состоит в том, что значение обусловленности в них конкретизировано как связь двух компонентов – протазиса (p – посылки, условия) и аподозиса (q – следствия), причем такая связь, при которой «степень реальности положения дел, обозначаемого аподозисом, зависит от степени реальности положения дел, обозначаемого протазисом» (Подлеская 1999: 255): ‘если p , то q ’. Условные конструкции «непосредственно отражают типично человеческую способность размышлять об альтернативных суждениях, делать выводы, основанные на неполной информации, предполагать возможные

³ В статье Зайцева, Фрумкина 1981 и небольшом очерке РЖЯ Grenoble 1992 лишь кратко упоминаются мануальные показатели контрфактического условия.

корреляции между ситуациями и понимать, как мир менялся бы, если бы определенные корреляции были другими» (Ferguson et al. 1986: 3).

События, обозначенные компонентами УК, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как фактические, а как возможные или невозможные (Храковский 1998: 34), поэтому классификация УК в разных языках проводится, в первую очередь, с учетом разной степени гипотетичности ситуаций, выражаемых частями УК. Обычно выделяется два типа систем УК: 1) система, содержащая бинарную оппозицию, в рамках которой противопоставлены друг другу гипотетические и контрфактические УК; 2) система, в рамках которой выделяется три противопоставленных члена – реальные, гипотетические и контрфактические УК. Выбор между бинарной и трехчленной системами оппозиций на самом деле является достаточно субъективным: «Фактически гипотетичность представляет собой континуум с нечетко очерченными границами, <...> выбор формы определяется скорее субъективной оценкой, чем истинно условной семантикой» (Comrie 1986: 88).

При классификации УК в РЖЯ мы исходим из того, что различие в степени гипотетичности должно поддерживаться различием в форме. Основываясь на семантических и формальных признаках, условные конструкции в РЖЯ можно разделить на два основных типа: потенциальные и контрфактические. В потенциальных УК положение, дел, описываемое в протазисе, оценивается говорящим как возможное. В контрфактических УК положение дел, описываемое в протазисе, оценивается говорящим как невозможное. Указанное семантическое различие между потенциальными и контрфактическими УК находит отражение в наборах формальных средств, используемых в РЖЯ для кодирования условного отношения.

3. Потенциальные УК

3.1. Общая структура потенциальных УК

В звучащих языках нормальным, типологически распространенным является такой порядок следования частей УК, при котором протазис предшествует аподозису (Гринберг 1970: 126). В некоторых языках, как, например, в русском, этот порядок может нарушаться в связи с изменениями в коммуникативной организации высказывания.

Для РЖЯ характерен жесткий порядок следования частей потенциальной УК: протазис всегда предшествует аподозису⁴ (1). Даже в тех случаях, когда информантам предлагались для перевода русские УК с инвертированным порядком частей «*q*, если *p*», они меняли его на порядок «если *p*, то *q*» (1, 2) или, поскольку при анкетировании не всегда возможно полностью избежать влияния языка-посредника на ответы информантов, начинали предложение с части, входящей в аподозис, потом делали паузу (руки находятся в положении покоя)⁵ и далее меняли порядок следования частей конструкции (3).

- (1) ЕСЛИ ТЫ ПРОСИТЬ / Я ОСТАВАТЬСЯ⁶
«Я останусь, если ты попросишь».
- (2) ЕСЛИ САМОЛЕТ ЗАДЕРЖИВАТЬ / PRТCL₁ ПЛОХОЙ
«Вот будет плохо, если самолет задержится!»
- (3) ХЛЕБ КУПИТЬ // ЕСЛИ МИМО МАГАЗИН МИМО / ХЛЕБ КУПИТЬ
«Купите хлеба, если будете проезжать мимо магазина».

Граница между частями УК характеризуется замедлением движения рук⁷, а также сменой немануальных сигналов.

⁴ Жесткий порядок, при котором протазис предшествует аподозису, отмечается и для УК других жестовых языков: американского, нидерландского, австралийского, индопакистанского и др. (см., например, Liddel 1986: 252; Pfau 2008: 4; Johnston, Schembri 2007: 213; Zeshan 2000: 117).

⁵ Паузы в структуре дискурса РЖЯ подробно исследовались в диссертации Е. В. Прозоровой. Как было показано, паузы, во время которых руки находятся в положении покоя (абсолютные паузы), свидетельствуют о затруднениях говорящего, связанных с планированием следующей порции дискурса (Прозорова 2009: 175).

⁶ Здесь и далее значения жестов обозначаются малыми прописными буквами: ПРОСИТЬ; если одному жесту в переводе соответствует более одного слова русского звучащего языка, то эти слова соединяются посредством точки: НЕ.ЗНАТЬ.

⁷ В Прозорова 2009: 170 было показано, что функция фазы движения жеста, характеризующейся замедлением движения рук, аналогична функции пауз на границах элементарных дискурсивных единиц в устном дискурсе: она появляется в местах смены фокуса сознания, когда говорящему необходимо спланировать то, как будет вербализовано содержание следующего фокуса сознания.

Формальные показатели условного отношения в потенциальных УК РЖЯ входят в состав протазиса и тяготеют к его абсолютному началу. Среди них имеются как мануальные средства – жесты, так и НММ. Для протазиса УК характерны также НММ, выполняющие функцию сегментации, маркирования границы между частями УК. Эти показатели тяготеют к концу протазиса. Кроме того, в протазисе и аподозисе УК могут употребляться НММ, связанные с определенной семантикой УК и зависящие, в первую очередь, от лексического или грамматического контекста.

3.2. Мануальный показатель условного отношения

Мануальным показателем условного отношения является жест ЕСЛИ, располагающийся, как правило, в абсолютном начале УК (1–3). Он представляет собой поочередное покачивание рук ладонями вверх, имитирующее весы (Рис. 1). Данный жест может использоваться также в качестве показателя разделительных отношений «то ли, или» (см. пример (6)) или кодировать значение эпистемической возможности «наверное, может быть» (см. пример (45)).

Рис. 1. Жест ЕСЛИ

Жест ЕСЛИ является факультативным, он может отсутствовать⁸ (4, 5), условная интерпретация конструкции обеспечивается при этом наличием в протазисе определенных НММ (см. п. 3.3.), а также

⁸ Факультативность мануального показателя условного отношения отмечается и для УК многих других жестовых языков: американского (см., например, Baker-Shenk, Cokely 1981: 143–144; Mitchell 2011: 98), австралийского (Johnston, Schembri 2007: 214), британского (Sutton-Spence, Woll 1998: 89), израильского (Dachkovsky 2008: 68), иорданского (Hendriks 2008: 74) и др.

лексическим и грамматическим контекстом. Например – наличием в аподозисе УК форм будущего времени (4), показателей, характерных для императивных высказываний⁹ (так, в примере (5) предикатный жест ПРИНЯТЬ.ЛЕКАРСТВО сопровождается комплексом НММ, характерных для выражения некатегорического императива), модальных слов.

- (4) INDX ЧИТАТЬ:ITER БОЛЬШОЙ:CMPR / ЧИТАТЬ:ITER /
 БЫТЬ:FUT ГРАМОТНЫЙ PRTCL₁ ПИСАТЬ
 «Читай больше, если будешь больше читать, тогда и писать будешь грамотно».
- (5) БОЛЕТЬ УМЕНЬШИТЬСЯ NEG₂ /
 ЕЩЕ ОДИН ПРИНЯТЬ.ЛЕКАРСТВО
 «Если боль не уменьшится, прими еще одну таблетку».
- (6) ЕСЛИ СНЕГ / ДОЖДЬ / НЕ.ПОНИМАТЬ
 «То ли снег, то ли дождь, не поймешь».

3.3. Немануальные показатели в составе протазиса УК

В протазисе потенциальных УК в РЖЯ функционируют следующие немануальные показатели: «приподнятые брови», «приподнятый подбородок», «приоткрытый рот», «широко открытые глаза», «прищуренные глаза», «выпад головой», «моргание» (7).

- (7) **Голова** _____cup _____hth¹⁰
Брови _____br
Глаза ___esc _____ew_ebl
Рот ___mo
 ЕСЛИ ТВОЙ СЕСТРА ПРИЕХАТЬ НОВОСИБИРСК /

⁹ Подробнее о средствах кодирования императивных значений в РЖЯ см. статью Д.А. Бородулиной в настоящем сборнике.

¹⁰ НММ обозначаются в строке над значениями жестов. Линия обозначает границы распространения НММ. В тех случаях, когда НММ исполняется кратко, он обозначается без линии. Список условных обозначений НММ см. в конце данной статьи. Хотя в высказывании, как правило, одновременно присутствуют несколько различных НММ, в дальнейшем описании для удобства восприятия материала мы приводим в примерах только те из них, о которых идет речь в каждом конкретном случае.

МЫ ПРИГЛАШАТЬ ЗПС:ПРИЙТИ:1PS
«Если твоя сестра приедет в Новосибирск, мы позовём её в гости».

Среди перечисленных показателей есть такие, которые встречаются далеко не во всех УК, их использование связано, по-видимому, с определенной семантикой УК (предположения на основе логического вывода, высокой степени недоверности описываемой ситуации с точки зрения говорящего и т. д.). Другие употребляются практически во всех потенциальных УК. Именно они, по-видимому, и обеспечивают условную интерпретацию конструкции. Однако сразу следует сказать, что даже те НММ, которые встречаются в 100% УК, нельзя считать специализированными для выражения условного отношения – каждый из них может функционировать в нескольких различных типах конструкций. Можно предположить, что условное отношение выражается за счет комбинации нескольких НММ, каждый из которых обладает некоторым достаточно обобщенным значением и вносит свой вклад в формирование общего смысла¹¹.

3.3.1. «Приподнятые брови»

НММ «приподнятые брови» (Рис. 2) в нашем материале встречается в 100% УК. Как правило, этот НММ распространяется на всю цепочку жестов, входящих в протазис (8, 9), однако может совпадать только с частью из них. Так, в примере (10) лексический контекст требует смены немануальных сигналов: жесту БОЛЕТЬ обычно сопутствует немануальный показатель «нахмуренные брови». В любом случае НММ «приподнятые брови» сопровождает, как минимум, начальный жест УК и никогда не выходит за пределы протазиса.

Рис. 2. НММ «приподнятые брови»

¹¹ Ср. сходный подход в (Dachkovsky, Sandler 2009: 309) применительно к немануальному маркированию протазиса условных конструкций в израильском жестовом языке.

(8) _____ br
 ПЛОХОЙ-ПЛОХОЙ // ВОДА ГОРЯЧИЙ ОТКЛЮЧИТЬ /
 ПЛОХОЙ-ПЛОХОЙ
 «Будет плохо, если отключат горячую воду».

(9) _____ br
 ЕСЛИ Я РАЗМАХИВАТЬ.РУКОЙ /
 СРОЧНО CLF:2PS:ЧЕЛОВЕК:ИДТИ:1PS
 «Если я помашу рукой, сразу иди ко мне».

(10) _____ br bfr
 ЕСЛИ Я СЛУЧИТЬСЯ БОЛЕТЬ / Я ЖДАТЬ ВЫЗВАТЬ ВРАЧ
 «Если я вдруг заболею, то вызову врача».

HMM «приподнятые брови» характерен и для некоторых других типов конструкций. Так, он регулярно употребляется в общих вопросах. Ср. Рис. 3 и 4, иллюстрирующие предложения, имеющие одинаковое лексическое наполнение, но различающиеся по своей иллокутивной функции: утверждение (Рис. 3) и общий вопрос (Рис. 4). Отчетливо видно отличие немануального маркирования данных предложений, проявляющееся, прежде всего, в том, что в вопросительном предложении говорящий приподнимает брови.

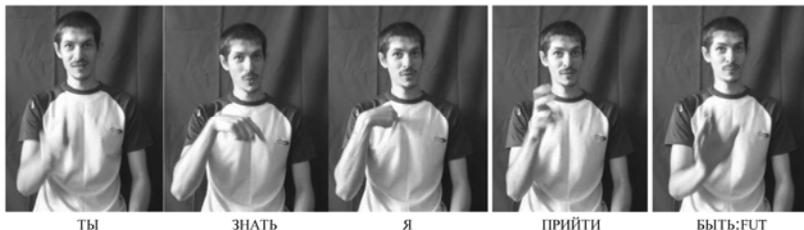

Рис. 3. «Ты знал, что я приду»

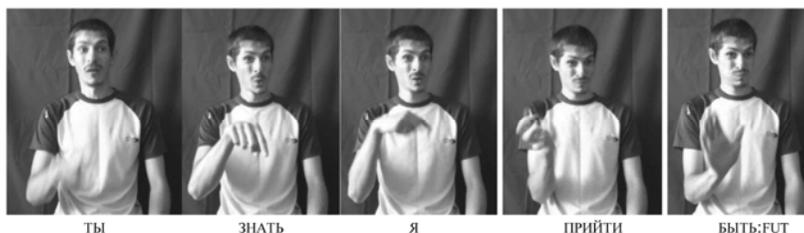

Рис. 4. «Ты знал, что я приду?»

Использование НММ «приподнятые брови» характерно и для условных конструкций в других жестовых языках. При этом в разных языках рассматриваемый показатель обнаруживает сходную функциональную дистрибуцию. Так, в работах по американскому, британскому, нидерландскому, германскому, датскому, австралийскому, израильскому, индопакистанскому, иорданскому жестовым языкам отмечается возможность кодирования данным НММ протазиса условных конструкций, общих вопросов, темы, а также относительных придаточных (см., Liddell 1986: 255; Wilbur, Patschke 1999; Sutton-Spence, Woll 1998: 88; Pfau 2008; Zeshan 2000: 117; Engberg-Pedersen 1990: 124; Johnston, Schembri 2007: 200, 214, 209; Dachkovsky 2008; Dachkovsky, Sandler 2009; Hendriks 2008: 74). Имеется целый ряд работ, полностью или частично посвященных специальному исследованию данного показателя и попыткам объяснить возможность его употребления в различных на первый взгляд контекстах (см., например, Coulter 1978; Wilbur, Patschke 1999; O'Grady 2011; Engberg-Pedersen 1990; de Vos 2006; de Vos, van der Kooij, Crasborn 2009; Dachkovsky, Sandler 2009; Sandler 2010). Авторы предлагают различные объяснения, базирующиеся на разных подходах: с точки зрения информационной структуры текста, его семантико-синтаксических характеристик или же когнитивных процессов в ходе речевого взаимодействия коммуникантов.

В задачи данной статьи не входит подробный анализ функций рассматриваемого НММ в РЖЯ. Недостаточный пока объем корпуса текстов на РЖЯ не позволяет учесть и подробно проанализировать все контексты, в которых употребляется этот показатель. По предварительным наблюдениям, НММ «приподнятые брови» в РЖЯ тоже, как и в других жестовых языках, может кодировать тему (11–13). Однако насколько регулярно его употребление в данном случае, пока трудно сказать. Следует лишь отметить, что использование одних и тех же показателей для условного отношения и темы, так же как использование одних и тех же морфосинтаксических средств в условных конструкциях и общих вопросах является типологически распространенным и в звучащих языках (Haiman 1978; Подлеская 1999). «Условие, общий вопрос и тема имеют общую функциональную мотивацию – они сужают концептуальное пространство до того фрагмента, который становится предметом обсуждения в текущем дискурсе» (Подлеская 1999: 269).

- (11) _____ **br** _____ **br**
 ОДЕЖДА:PL / NEG₁ / ОДЕЖДА:PL СТРАННЫЙ
 «(- А чем люди там отличаются? Одеждой, стилем?) –
 Одеждой... нет. [Хотя] одежда [у них] необычная».
- (12) _____ **br**
 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ / ДА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫТЬ:PRES
 НЕМНОГО ДРУГОЙ /
 _____ **br**
 МОСКВА PRTCL₁ /
 CLF:МНОЖЕСТВО.БЕСПОРЯДОЧНО.ДВИГАТЬСЯ:ITER /
 М-У-Р-А-В-Е-Й¹²
 «А Санкт-Петербург – да, действительно, немного другой.
 А Москва... ну что, толпы людей бегают как муравьи».
- (13) _____ **br**
 ГЛУХОЙ / ПИСАТЬ ОШИБКА ЗАКОНЧИТЬ ОШИБКА /
 ДАЖЕ СЛЫШАЩИЙ ВНИКАТЬ NEG₁
 «(- Почему ты решил, что слышащим тяжело общаться с
 глухими?) – Глухие, они пишут с ошибками, окончания
 пишут с ошибками. Даже слышащему не понятно».

3.3.2. «Приподнятый подбородок»

НММ «приподнятый подбородок» встречается примерно в 64% УК в нашем материале. При исполнении этого НММ говорящий слегка откидывает голову назад, приподнимая подбородок¹³, см. Рис. 5. Данный НММ тяготеет к началу протазиса. Чаще всего он сопутствует только начальному жесту, как в примере (14), однако может распространяться и на последующие жесты (15, 16).

- (14) **cup**
 ЕСЛИ ТЫ МОЛЧАТЬ NEG₁ / Я БИТЬ

¹² Слова русского звучащего языка, переданные при помощи дактильной азбуки (жестового побуквенного обозначения алфавита) обозначаются малыми прописными буквами через дефис: ч-и-п-с-ы.

¹³ В глоссах для экономии места мы указываем данный НММ на одной линии с движениями головы, поскольку описать его можно и по-другому, как «откидывание головы назад».

«Если ты не замолчишь, я тебя побью!».

- (15) _____ **cup**
ВЕСЬ ЗНАТЬ / ЕСЛИ СКОРО БЫТЬ:FUT ЕСТЬ /
ДОЛЖЕН МЫТЬ.РУКИ
«Все знают: перед едой следует мыть руки (букв.: если
скоро есть, должен мыть руки)».

- (16) _____ **cup**
ЕСЛИ БЫТЬ:FUT ТРУДНЫЙ ЧТО ПРОБЛЕМА /
Я ЗВАТЬ Я 1PS:ПОМОЧЬ:2PS
«Если будет трудно, зови на помощь».

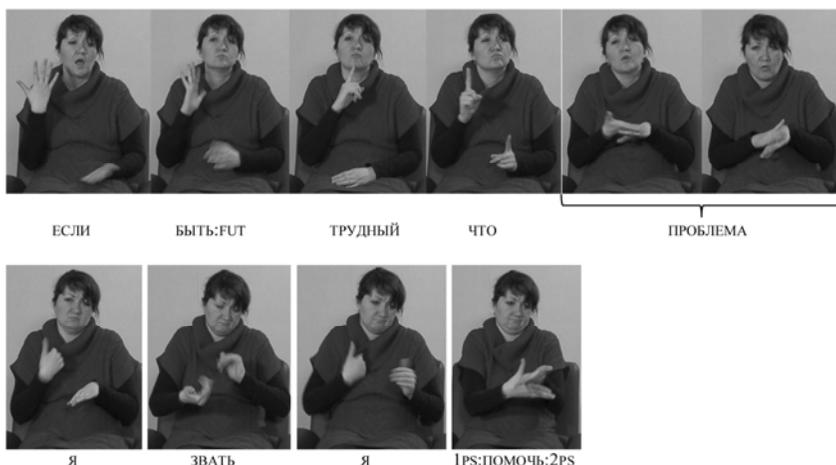

Рис. 5. Иллюстрация к примеру (16)
«Если будет трудно, зови на помощь»

Рассматриваемый показатель отмечается и для УК других жестовых языков, при этом он функционирует и в других типах конструкций (Baker, Padden 1978: 31; Pfau, Quer 2010: 389, 391; Quadros, Lillo-Martin 2010: 234). Например, он может маркировать тему или специальный вопрос. Недостаточный объем корпуса текстов пока не позволяет нам говорить о функциональной дистрибуции данного показателя в РЖЯ. Можно лишь отметить, что НММ «приподнятый подбородок», помимо УК, регулярно употребляется в специальных вопросах (17–19).

- (17) _____ **cup**
 ПРИЙТИ КТО
 «Кто пришел?»
- (18) _____ **cup**
 INDX СТОИТЬ СКОЛЬКО
 «Сколько это стоит?»
- (19) _____ **cup**
 INDX ОБМАНЫВАТЬ ПОЙМАТЬ ЗА.РУКУ КОГДА
 «Когда ты понял, что он лжет?»

3.3.3. «Приоткрытый рот»

Мимическое движение «приоткрытый рот», как правило, сопровождается жест ЕСЛИ (см. примеры (20, 21), Рис. 1, 2, 5) или, при отсутствии мануального показателя условия, первый жест протазиса УК (22). Хотя эта мимика достаточно частотна – в нашем материале она встречается в 65% потенциальных УК, на данный момент вряд ли возможно с уверенностью говорить о ней как о немануальном маркере. Недостаток материала не позволяет пока судить о том, в каких еще контекстах появляется такое же движение мышц лица, а главное, можно ли вообще связывать его появление с лингвистической структурой текста. Возможно, говорящий в имеющихся у нас примерах просто беззвучно артикулирует русское слово *если*.

- (20) PRVN ЧЕЛОВЕК ЧУЖОЙ INDX ОТКРЫТЬ.ДВЕРЬ NEG₃ /
 ___ **mo**
 ЕСЛИ КРАСНЫЙ СВЕТ / INDX CLF:ЧЕЛОВЕК.ИДТИ NEG₃
 «Не открывай дверь незнакомым людям, не переходи улицу на красный свет (букв.: если красный свет, люди не идут)¹⁴».
- (21) ___ **mo**
 ЕСЛИ INDX ЛЕНИВЫЙ NEG₃ /

¹⁴ В примерах, собранных путем анкетирования, предложения русского звучащего языка сохранены в том виде, в котором они предлагались информантам для перевода. При необходимости в скобках дается буквальное перевод.

ЗАВТРА ВЫПОЛНИТЬ МОЧЬ₁ PRТCL₁

«Если не лениться, мы успеем все сделать к завтрашнему дню».

(22) _____ **mo**

СВЕТ+ОКНО INDX ДОМ / СОСЕД ПРИЙТИ INDX БЫТЬ

«Раз в окнах свет, значит, соседи уже дома».

3.3.4. «Широко открытые глаза»

В работе Dachkoivsky 2008 отмечается, что в израильском жестовом языке НММ «широко открытые глаза» является, наряду с НММ «приподнятые брови», наиболее частотным немануальным маркером протазиса потенциальной УК. В нашем материале этот показатель встречается только в 47% потенциальных УК. По предварительным наблюдениям, данный НММ выступает в качестве эмфатического средства. Не случайно он характерен также для конструкций с семантикой категорического императива (см. статью Д.А. Бородулиной в настоящем сборнике). Как правило, в УК НММ «широко открытые глаза» сопровождает жесты, в семантике которых присутствует компонент интенсивности: ОЧЕНЬ.ХОРОШИЙ, КРИЧАТЬ, РАЗМАХИВАТЬ.РУКОЙ и т. п. (23), или используется для придания описываемой ситуации оттенка внезапности, неожиданности: ‘Если вдруг...’ (24).

(23) _____ **ew**

ЕСЛИ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ПРОСИТЬ /

INDX ДОЛЖЕН СОГЛАСИТЬСЯ БЫТЬ:FUT PRТCL₁

«Если попросить ее по-хорошему, она обязательно согласится».

(24) _____ **ew**

ЕСЛИ КТО ПОЯВИТЬСЯ / СРОЧНО СТРЕЛЯТЬ

«Если кто-то появится, сразу стреляй!»

3.3.5. «Прищуренные глаза»

НММ прищуренные глаза (25) встречается в нашем материале в 35% УК.

- (25) _____ esc
 ЕСЛИ СОСЕД INDX ОПЯТЬ ПИТЬ.АЛКОГОЛЬ /
 INDX СПАТЬ ДРЫХНУТЬ
 «Если сосед опять напился, то сейчас, наверное, спит».

По предварительным наблюдениям, употребление данного НММ, по-видимому, связано с эпистемической оценкой говорящим описываемой ситуации. В «нейтральной» УК осуществление или неосуществление ситуации в протазисе оцениваются говорящим как равновероятные. НММ «прищуренные глаза» сдвигает оценку ситуации, эксплицитно представленной в протазисе, в сторону меньшей степени достоверности: «скорее не *p*, чем *p*». Аргументами в пользу данного предположения являются регулярное использование рассматриваемого НММ в некатегорических формах императива, когда говорящий допускает возможность неисполнения адресатом повеления (см. статью Д.А. Бородулиной в настоящем сборнике), в конструкциях с семантикой предположения на основе логического вывода (см. п. 3.4.2), а также его частотность в контрфактических УК (см. п. 4).

НММ «прищуренные глаза» подробно рассматривался на материале израильского и датского жестовых языков. В названных языках он обнаруживает различающуюся, но при этом сходную функциональную дистрибуцию, кодируя определенные типы придаточных предложений: в израильском жестовом языке – контрфактические условные придаточные, временные придаточные, относящиеся к отдаленному прошедшему, ограничительные относительные придаточные; в датском жестовом языке – временные и ограничительные относительные придаточные. Исследователи сходятся во мнении, что НММ «прищуривание» указывает на низкую степень доступности информации, представленной в придаточном предложении (Dachkovsky, Sandler 2009: 305; Engberg-Pedersen 1990: 123). Выводы указанных исследователей тоже можно рассматривать как аргумент в пользу высказанного нами предположения по поводу функции рассматриваемого показателя в РЖЯ. НММ в разных жестовых языках обнаруживают функциональное сходство, хотя и не полное тождество. Эпистемическая оценка тесно связана со степенью доступности и полноты информации: чем более «надежен» источник информации о ситуации, тем выше оценивает говорящий степень достоверности последней.

3.3.6. «Выпад головой»

НММ «выпад головой» регулярно употребляется в протазисе потенциальных УК. При выполнении этого НММ задействуются мышцы шеи,двигающие вперед нижнюю челюсть и подбородок; голова плавно движется вперед и немного вниз; фокус усилия направлен на достижение головой определенной точки. Часто данный НММ сопровождается легким наклоном корпуса вперед (Рис. 6).

Рассматриваемый НММ всегда приходится на последний жест протазиса, как правило, на фазу замедления жеста (Рис. 6, примеры 26–28). В исследовании Е. В. Прозоровой было показано, что в РЖЯ медленные нерезкие движения головы, скоординированные с переходными фазами движения мануальных жестов, в том числе и с фазами замедления, выполняют функцию маркирования границ элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) (Прозорова 2009: 250).

Рис. 6. Иллюстрация к примеру (26)

«Если учитель знает жестовый язык, то я стараюсь»

- (26) **hth**
 УЧИТЬ ГОВОРИТЬ ЖЕСТАМИ ЗНАТЬ / Я СТАРАТЬСЯ
 «Если учитель знает жестовый язык, то я стараюсь».
- (27) **__hth**
 ЕСЛИ INDX СОСЕД ПРИЕХАТЬ:LOC /
 Я ЗАВТРА УВИДЕТЬ:REC БЫТЬ:FUT
 «Если сосед приехал, я завтра с ним увижусь».
- (28) INDX ПЕРЕЖИВАТЬ НУЖНО:NEG /
_hth
 ЕСЛИ INDX ЗАРПЛАТА УЖЕ ПЛАТИТЬ /
 ЗАВТРА БЫТЬ:FUT ДОЛГ ОТДАТЬ БЫТЬ:FUT

«Не переживай, если им выдали зарплату, завтра он отдаст тебе долг».

В случае, когда протазис УК содержит отрицание, на НММ «выпад головой» дополнительно накладывается другой НММ, «покачивание головой», характерный для выражения отрицания. Если НММ «выпад головой» исполняется кратко, не выходя за пределы последнего жеста протазиса, то сочетание его с НММ «покачивание головой» обычно исполняется более длительно, захватывая часть предшествующего жеста (29).

(29)

hsh/hth

ЕСЛИ ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ БУДЕТ:NEG /
СПИНА БОЛЕТЬ / БОЛЕТЬ БЫТЬ:FUT

«(Вам надо каждый день делать зарядку,) иначе спина так и будет болеть (букв.: если не заниматься спортом, спина болеть... будет болеть)».

В описаниях УК других жестовых языков тоже отмечается регулярное маркирование последнего жеста в протазисе УК определенным изменением положения головы, хотя авторы описывают сам НММ по-разному: «выпад головой» (head thrust) в американском и нидерландском жестовых языках (Liddel 1986: 255; Wilbur 2000; Pfau 2008); кивок головой (head tilt) в британском жестовом языке (Sutton-Spence, Woll 1998: 89); наклон головы (head nod) в индо-пакистанском жестовом языке (Zeshan 2000: 117); кивок головой (head tilt) вперед и немного в сторону в иорданском жестовом языке [Hendriks 2008: 74]; движение головы вперед/вниз (head forward/down) в израильском жестовом языке (Dachkovsky 2008: 89)¹⁵.

3.3.7. «Моргание»

НММ «моргание»¹⁶ достаточно часто употребляется в протазисе УК в РЖЯ, хотя и не является настолько регулярным, как рассмот-

¹⁵ Учитывая, что поведение формально тождественных НММ в разных жестовых языках часто обладает сходными чертами, можно предположить, что в указанных работах речь идет об одном и том же изменении положения головы, просто по-разному описываемом исследователями.

ренные выше НММ «приподнятые брови» и «выпад головой». В нашем материале он встречается в 61% примеров УК. Как и НММ «выпад головой», этот маркер приходится на последний жест протазиса УК (30, см. также Рис. 6).

(30)

_ebi

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ХОРОШИЙ / ТЫ 2PS:ДЕЛАТЬ.ОДОЛЖЕНИЕ:1PS
«Если ты хороший человек, поможешь нам».

Аналогичный НММ с аналогичным поведением отмечается и для УК других жестовых языков (см., например, Baker, Padden 1978: 32–33; Pfau, Quer 2010: 9 и др.). Данный показатель функционирует и в других типах конструкций. В исследованиях на материале американского (Wilbur 1994) и израильского (Nespor, Sandler 1999: 165) жестовых языков его появление связывается с указанием на границы просодических сегментов. В исследовании на материале гонконгского жестового языка (Sze 2008), на том основании, что не все просодические границы маркируются морганием, появление данного НММ связывается не с просодией как таковой, а, прежде всего, с членением информационного потока в дискурсе. Сходный подход к интерпретации данного НММ представлен и в диссертации Е.В. Прозоровой, которая тоже считает, что моргания являются не чисто грамматическими маркерами границ просодических сегментов, а указывают на когнитивные процессы, связанные с планированием и он-лайн мониторингом дискурса (Прозорова 2009: 153).

¹⁶ Следует отметить, что не все типы морганий в жестовом дискурсе связаны с лингвистической структурой последнего. Наиболее подробная классификация типов морганий представлена в Sze 2008. Автором выделяются пять типов морганий. Три из них являются в большей степени рефлексивными, обусловленными, например, контактом руки говорящего при исполнении жеста с областью лица возле глаз. Четвертый тип, намеренное моргание, используется в эмфатических целях, он мотивирован лексически, при этом ограничен определенными контекстами. Последний тип, тоже намеренное моргание, чувствителен к границам высказывания. В данной статье речь идет именно о последнем типе моргания. Другие типы, которые также встречаются в УК, имеющих в нашем материале, мы здесь не рассматриваем.

3.4. Структурно-семантические типы потенциальных УК

С семантической точки зрения потенциальные УК можно разграничить как прототипические – такие, в которых условное отношение выступает в «чистом» виде, не осложненное никакими другими оттенками значений, и непрототипические – такие, в которых на значение условия наслаиваются дополнительные оттенки значений: предположения на основе логического вывода, итеративности.

Основанием для разграничения прототипических и непрототипических УК служит, в первую очередь, соотношение временных планов ситуаций в протазисе и аподозисе. В прототипических УК ситуация в аподозисе относится к временному плану будущего, это естественно, поскольку само представление о следствии ориентировано в будущее. Ситуация в протазисе относится к плану не прошедшего времени – настоящего или будущего.

Осложнение семантики потенциальных УК происходит в следующих случаях: 1) когда нарушается естественное для условной семантики соотношение временных планов «*p* раньше *q*»; 2) когда ситуация в аподозисе относится к небудущему временному плану; 3) когда имеется разрыв между временными планами ситуаций в протазисе и аподозисе – в рамках одного предложения объединяются две ситуации, одна из которых относится к прошедшему, а другая – к будущему.

Как можно увидеть, осложнение значения условия дополнительными оттенками значений находит отражение в структуре потенциальных УК в РЖЯ, прежде всего – в немануальном оформлении аподозиса УК.

3.4.1. Прототипические потенциальные УК

В прототипических УК отнесенность ситуации в аподозисе к плану будущего времени может маркироваться показателем будущего времени (31, 4, 16, 23, 29), наличием показателей, характерных для выражения императивной семантики: специализированных императивных жестов и НММ, характерных для императивных высказываний (например, в (32, 33) используется НММ «прищуренные глаза», характерный для некатегорического императива), модальных слов ДОЛЖЕН, МОЧЬ₁ и др. (34, 35, 21). Однако названные показатели могут отсутствовать, и временная отнесенность ситуации

в аподозисе определяется только широким контекстом (36, 1, 2, 7, 8, 10).

Отнесенность ситуации в протазисе к настоящему или будущему времени, как правило, не маркируется, хотя могут употребляться временные наречия или показатели будущего времени (33, 15, 16, 29).

- (31) ЕСЛИ INDX ЧЕЛОВЕК ХОРОШИЙ /
я ЗPS:ПОМОЧЬ:1PS **БЫТЬ:FUT**
«Если он хороший человек, поможет нам».
- (32) _____ **esc**
ЕСЛИ ТЫ ГОЛОДНЫЙ / БУТЕРБРОД ДЕЛАТЬ СЕБЕ PRTCL₁
«Если ты голоден, сделай себе бутерброд».
- (33) ТЫ СЕЙЧАС МАГАЗИН УЙТИ /
_____ **esc**
ПРОСИТЬ КУПИТЬ Я МОЛОКО
«Если пойдешь в магазин – купи мне, пожалуйста, молока, ладно?»
- (34) ЕСЛИ Я БОЛЕТЬ / ПРИНЯТЬ ЛЕКАРСТВО **ДОЛЖЕН**
«Если я заболею, то приму лекарство».
- (35) ЕСЛИ ШАГАТЬ / **МОЧЬ₁** ДВА ЧАС МЕСТО **МОЧЬ₁**
«Если идти пешком, можно добраться до места за два часа».
- (36) ЕСЛИ ЛОДКА ЗНАТЬ ГРЕСТИ / ПЕРЕВЕРНУТЬСЯ INDX NEG₁
«Если уметь управлять лодкой, она не перевернется».

3.4.2. Непрототипические потенциальные УК

3.4.2.1. «*p* позже *q*»

УК с нарушенным соотношением временных планов ситуаций в протазисе и аподозисе (*p* позже *q*), как правило, осложняются семантикой предположения на основе логического вывода, когда следствием является не само событие, обозначенное в аподозисе УК, а умозаключение о нем из посылки, содержащейся в протазисе: «если *p*, (можно сделать вывод, что) *q*». Ситуация, представленная в прота-

зисе УК, оценивается говорящим либо как относительно достоверная¹⁷ (38, 39), либо как такая, достоверность которой говорящий в принципе может оценить, но в данный момент не располагает достаточной информацией (37).

В таких УК достаточно регулярно используются мануальные показатели логического вывода: жест ДУМАТЬ (37) или сочетание жестов ДУМАТЬ и ВНУТРЬ, примерно соответствующее специализированному корреляту *значит* в аналогичных УК русского языка (38). Указанные мануальные показатели входят в состав аподозиса и располагаются в его абсолютном начале. Аргументом в пользу того, что данные жесты включены в состав аподозиса, является их одинаковое немануальное оформление с другими жестами в аподозисе УК.

Немануальное маркирование аподозиса рассматриваемых УК отличается, прежде всего, определенным выражением лица: слегка наклоненная набок голова; нахмуренные брови; прищуренные глаза; взгляд в сторону от адресата; губы чуть вытянуты вперед или нижняя губа слегка поджата (Рис. 7). Данное сочетание НММ в нашем материале встречается практически во всех УК с семантикой эпистемической оценки на основе логического вывода, по-видимому, именно оно определяет соответствующую интерпретацию конструкции. Мануальные же показатели логического вывода являются факультативными, они могут и отсутствовать (39).

Сочетание НММ, характерное для семантики предположения на основе логического вывода чаще сопутствует всей цепочке жестов в составе аподозиса (37, 39), реже – только нескольким из них (38), однако в любом случае это сочетание НММ обязательно присутствует в абсолютном начале аподозиса.

Временная отнесенность ситуаций в протазисе и аподозисе может не маркироваться (38, 39) и выводиться лишь из широкого контекста. Однако достаточно часто в протазисе и/или аподозисе рассматриваемых УК содержится указание на временной план описываемых ситуаций, например, ЗАВТРА в (37).

¹⁷ Хотя и не абсолютно достоверная – некоторый оттенок недоверия говорящего к информации как раз и кодируется использованием в данном случае показателей условного значения. Недоверие говорящего к информации может дополнительно подчеркиваться использованием слов типа *действительно*, ср. (37).

Рис. 7. НММ, характерные для предположения на основе логического вывода

- (37) ЕСЛИ $INDX$ ЗАВТРА ЗВОНИТЬ NEG_2 / _____ **inf**
ДУМАТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО $INDX$ БОЛЕТЬ
«Если он завтра не позвонит, значит, и правда, заболел».
- (38) _____ **inf**
ЕСЛИ $INDX$ ПЛАКАТЬ / ДУМАТЬ ВНУТРИ $INDX$ ЧТО СЛУЧИТЬСЯ
«Раз она плачет, значит, что-то случилось».
- (39) _____ **inf**
СВЕТ+ОКНО / ДОМ $INDX$ СОСЕД ПРИЙТИ $INDX$ ИМЕТЬСЯ
«Раз в окнах свет, значит, соседи уже вернулись домой».

3.4.2.2. «*p* одновременно с *q*»

В непрототипических УК временная отнесенность ситуаций в протазисе и аподозисе может совпадать, при этом обе ситуации относятся к плану настоящего или прошедшего времени. В этом случае УК осложняется либо семантикой предположения на основе логического вывода ‘если *p*, (можно сделать вывод, что) *q*’ (40–42), либо семантикой итеративности ‘(каждый раз,) когда/если *p*, то *q*’ (43, 44).

В УК с семантикой предположения на основе логического вывода ситуация оценивается говорящим как относительно достоверная. Мануальные и немануальные показатели в составе аподозиса УК аналогичны описанным в п. 3.4.2.1 настоящей статьи, см. Рис. 8.

такого указания может и не быть (44). В последнем случае итеративное прочтение конструкции определяется широким контекстом.

УК с семантикой итеративной обусловленности в нашем материале не многочисленны, поэтому пока мы не можем сказать, имеются ли какие-то особенности их немануального маркирования.

- (43) ЕСЛИ ДОЖДЬ / Я ГОЛОВНАЯ.БОЛЬ ПОСТОЯННЫЙ
«Когда/если дожди идут, у меня голова болит».
- (44) ЕСЛИ ХЛЕБ ОСТАВАТЬСЯ / КУДА / МАМА СОБИРАТЬ РАСКЛАДЫВАТЬ СТАВИТЬ. ПРОТИВЕНЬ.В.ПЕЧЬ СУШИТЬ
«Когда/если остается хлеб, мама делает из него сухари (букв.: Если хлеб остается, куда [его девать]? Мама собирает, раскладывает, ставит противень в печь и сушит)».

3.4.2.3. 'р раньше q' при отнесенности q к плану настоящего времени

При естественном для УК соотношении временных планов ситуаций в протазисе и аподозисе «р раньше q» ситуация в аподозисе может относиться не к плану будущего, а к плану настоящего времени. УК осложняется семантикой предположения на основе логического вывода. Ситуация в протазисе УК оценивается говорящим как такая, достоверность которой в принципе возможно оценить, однако на данный момент он не располагает для этого достаточной информацией: «Если (верно, что) р, (можно предположить, что) q» (45–47). Немануальное маркирование протазиса аналогично описанному выше в п. 3.4.2.1. Помимо жестов ДУМАТЬ и ДУМАТЬ ВНУТРЬ, в аподозисе данных УК часто употребляются жесты, кодирующие эпистемическую оценку описываемой ситуации: ЕСЛИ в значении «наверное» (45), ДЕЙСТВИТЕЛЬНО (47).

Обычно в рассматриваемом типе УК имеется указание на временную отнесенность ситуаций в протазисе и аподозисе: УЖЕ и СЕЙЧАС в (45), форма прошедшего времени и СЕЙЧАС в (46), хотя такое указание не является обязательным, ср. (47), где временное прочтение ситуаций определяется только широким контекстом.

- (45) ЕСЛИ ОТЕЦ ПРИЙТИ УЖЕ ДОМ МЕСТО /
 _____ inf
 СЕЙЧАС ЕСЛИ СПАТЬ
 «Если отец уже добрался домой, то сейчас, наверное, спит».
- (46) ЕСЛИ ОНИ:DU БЫТЬ:PAST INDX ТЕАТР /
 _____ inf
 СЕЙЧАС УЖЕ ДОМ ДОМОЙ CLF:ЧЕЛОВЕК.ИДТИ
 «Если они были в театре, то сейчас, наверное, уже идут домой».
- (47) ЕСЛИ ЛИ-И-Д-А ОБМАНУТЬ NEG₃ /
 _____ inf
 ДУМАТЬ ВНУТРЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕЕ ОТЕЦ МИНИСТР PRТCL₁
 «Если Лида не обманула, значит, ее отец и правда министр».

3.4.2.4. Разрыв между временными планами *p* и *q*

При естественном соотношении временных планов ситуаций в УК «*p* раньше *q*» возможен временной разрыв, когда ситуация в протазисе относится к плану прошедшего, а ситуация в аподозисе к плану будущего.

По предварительным наблюдениям, немануальное оформление рассматриваемого типа УК не имеет существенных отличий от прототипических УК. Мануальные показатели отнесенности ситуации в протазисе к прошедшему временному плану в наших примерах отсутствуют. Хотя делать какие-либо окончательные выводы пока не представляется возможным. Для этого необходимо исследование способов кодирования в РЖЯ временной дистанции. Вполне вероятно ожидать, что она выражается определенными НММ или пространственно-динамическими характеристиками жестов. Из формальных особенностей рассматриваемого типа УК можно отметить лишь более регулярное, по сравнению с прототипическими УК, указание на временную локализацию описываемой ситуации в аподозисе: при помощи показателя будущего времени (48), соответствующего временного наречия (49) или модального слова (50).

- (48) ЕСЛИ INDX ЗПС:ОБМАНУТЬ:1PS /
Я INDX НАКАЗЫВАТЬ БЫТЬ:FUT
«Если он обманул нас, мы его накажем».
- (49) ЕСЛИ В-А-С-Я ВЕРНУТЬСЯ НОВОСИБИРСК /
ЗАВТРА Я ВСТРЕТИТЬСЯ
«Если Вася уже приехал в Новосибирск, завтра я его увижу».
- (50) ЕСЛИ INDX МАШИНА СЛОМАТЬСЯ NEG₃ /
СКОРО ПРИЕХАТЬ ДОЛЖЕН
«Если машина не сломалась, он скоро должен приехать».

4. Контрфактические УК

Порядок следования частей в контрфактической УК в РЖЯ такой же, как и в потенциальной УК: протазис предшествует аподозису. Граница между частями УК маркируется замедлением движения рук и сменой немануальных маркеров.

В статье Зайцева, Фрумкина 1981: 16–17 и, вслед за ней, в очерке РЖЯ Grenoble 1992 приводятся мануальные показатели контрфактического условия в РЖЯ, использующие также для выражения желательности : жест ЕСЛИ + знаменательный жест + жест УДАЧА, например, ЕСЛИ КУПИТЬ УДАЧА ‘я бы купил’. В нашем материале примеры данного способа выражения контрфактического условия отсутствуют. Возможно, отличие наших данных от приводимых в указанных работах, объясняется тем, что материал, представленный в настоящей статье, записан от носителей «сибирского» варианта РЖЯ, в то время как Г.Л. Зайцева, Р.М. Фрумкина и Л. Гренобль работали с носителями «московского» варианта РЖЯ.

По нашим данным, в контрфактических УК регулярно употребляется дактильное Б-Ы. Как правило, этот показатель присутствует в обеих частях УК (51), хотя в протазисе его позиция, по-видимому, является факультативной (52).

Показатель Б-Ы заимствован из русского звучащего языка, однако сейчас его употребление в контрфактических УК уже вряд ли возможно рассматривать как элемент калькирующей жестовой речи: он усвоен и освоен русским жестовым языком. Оба дактильных жеста, входящих в рассматриваемый показатель, редуцированы и исполняются слитно, кроме того, Б-Ы занимает в предложении позицию,

отличную от позиции соответствующей частицы в русском звучащем языке: Б-Ы, как правило, располагается в абсолютном начале аподозиса и протазиса (51, 52).

В нашем материале имеются единичные примеры, в которых в протазисе контрфактической УК используется жест ЕСЛИ (53). Скорее всего, в данном случае имеет место частичное калькирование УК русского языка.

- (51) _____ hsh¹⁸
Б-Ы СКАЗАТЬ:1PS / **Б-Ы** Я НЕ.ЗНАТЬ
«Если бы ты не сказал, я бы этого не знал».
- (52) **ВРАЧ ПРИЙТИ РАНЬШЕ** / **Б-Ы** INDX ЛЕЧИТЬ:1PS МОЧЬ₁
«Если бы я раньше обратился к врачу, болезнь можно было бы вылечить».
- (53) **ЕСЛИ** Я АВТОБУС ОПОЗДАТЬ NEG₃ / **Б-Ы** ДОМ ПРИЕХАТЬ УЖЕ
«Если бы мы не опоздали на автобус, то сейчас были бы уже дома».

Хотя УК уже описывались на материале нескольких жестовых языков, контрфактические УК исследователи практически не рассматривали. Исключением являются работы С. Дачковски, посвященные анализу УК в израильском жестовом языке. В них было показано, что потенциальные (нейтральные в терминологии автора) и контрфактические УК систематически различаются немануальным оформлением: протазис потенциальных УК маркируется НММ «приподнятые брови», а протазис контрфактических УК сочетанием НММ «приподнятые брови» и «прищуренные глаза» (Dachkovsky 2008: 69–70).

Аналогичная тенденция немануального оформления контрфактических УК прослеживается в РЖЯ, хотя подчеркнем, что это лишь тенденция. Использование НММ «прищуренные глаза» в контрфактических УК заметно более частотно по сравнению с потенциальными УК, однако оно не настолько регулярно, как использование некоторых других НММ. НММ «прищуренные глаза» встречается в протазисе 78% контрфактических УК (напомним, что в протазисе

¹⁸ Отрицание в данном случае выражено только НММ «покачивание головой».

потенциальных УК этот показатель встречается в 35% примеров). Отмечается также достаточно частотное употребление указанного маркера в аподозисе контрфактической УК: в 69% примеров. Причем данный показатель часто одновременно присутствует в обеих частях конструкции (см., например, 54, 55).

На наш взгляд, в РЖЯ НММ «прищуренные глаза» не является средством, дифференцирующим потенциальное и контрфактическое условие. Частотность данного НММ в контрфактических УК объясняется, скорее, его связью с семантикой эпистемической оценки, которая обсуждалась в п. 3.3.3. Вероятно, употребление данного показателя сдвигает описываемую ситуацию на некоторой условной шкале в сторону большей гипотетичности. Основным же средством, обеспечивающим контрфактическую интерпретацию УК, является, по-видимому, мануальный показатель Б-Ы.

- (54) МАШИНА INDX INDX КУПИТЬ БЫТЬ:PAST NEG₁ /
 ХОРОШИЙ / УДАЧА /
 _esc _ebl _____esc
 Б-Ы INDX КУПИТЬ / Б-Ы ОШИБКА БЫТЬ:FUT
 «Хорошо, что ты не купил эту машину. Если бы купил, по-
 том бы сильно пожалел (букв.: это было бы ошибкой)».
- (55) _____esc _ew ebl _____esc
 Б-Ы ЖЕНЩИНА INDX БЕДА / Б-Ы УЖЕ PRTCL₁ УЗНАТЬ
 «Если бы с ней что-то случилось, мы бы уже об этом зна-
 ли».

В остальном немануальное маркирование протазиса контрфактических и потенциальных УК существенно не различается. Так, в протазисе контрфактической УК регулярно, в 100% примеров, присутствуют НММ «приподнятые брови» и «выпад головой». Поведение данных НММ аналогично их поведению в протазисе потенциальной УК: НММ «приподнятые брови» тяготеет к началу протазиса, в то время как НММ «выпад головой» сопровождает последний жест в протазисе (56–59). НММ «моргание» появляется в 42% УК, он тоже приходится на последний жест протазиса (58). В 20% контрфактических УК первый жест в протазисе сопровождается НММ «приподнятый подбородок» (57). НММ «широко открытые глаза» (55) встречается в 15% УК. В 26% УК первый жест протазиса сопровождается мимическим движением «приоткрытый рот» (56).

этот арсенал входят мануальные показатели – жесты, исполняемые руками, и немануальные средства выражения – мимика и движения головы. Ведущую роль в кодировании значения условия в РЖЯ играют немануальные средства. Ни один из НММ, с той или иной степенью регулярности употребляющихся в УК, не является специализированным для выражения условного отношения, однако вносит свой вклад в создание общего смысла. Условная интерпретация конструкции обеспечивается взаимодействием нескольких немануальных показателей между собой, прежде всего, НММ «приподнятые брови», «приподнятый подбородок», «моргание» и «выпад головой», обеспечивающих структурно-семантический «каркас» протазиса УК.

В РЖЯ формально, при помощи мануальных и немануальных маркеров, различаются потенциальные и контрфактические условные конструкции, а также, внутри потенциальных условных конструкций – прототипические и непрототипические.

Как показывает проведенное исследование, условные конструкции в РЖЯ в структурном отношении обнаруживают большое типологическое сходство с аналогичными конструкциями в других жестовых языках. Оно проявляется в жестком порядке следования частей УК, сходном немануальном маркировании протазиса УК, сходной функциональной дистрибуции немануальных маркеров, входящих в состав протазиса, факультативности мануальных показателей условия. В то же время, условные конструкции в РЖЯ (как и в других жестовых языках), обнаруживают типологическое сходство с одноименными конструкциями в звучащих языках: для последних тоже характерен преимущественный порядок следования частей УК «*p* – *q*», преимущественная позиция показателя условного отношения в составе протазиса, возможность использования одних и тех же средств для кодирования протазиса УК, общего вопроса и темы.

Список сокращений и условных обозначений

НММ – немануальный маркер; **УК** – условная конструкция; **РЖЯ** – русский жестовый язык; **1/2/3PS** – 1/2/3 лицо; **br** – «приподнятые брови»; **bfr** – «нахмуренные брови»; **CLF** – классификаторная конструкция; **CMPR** – компаратив; **cup** – «приподнятый подбородок»; **ebl** – «моргание»; **esc** – «прищуренные глаза»; **ew** – «широко открытые глаза»; **FUT** – будущее время; **hsh** – «покачивание головой»; **hth** – «выпад головой»; **INDX** – указательный жест; **inf** –

комплекс НММ, характерных для предположения на основе логического вывода; **ITER** – итератив; **LOC** – локатив; **mo** – «приоткрытый рот»; **NEG₁** – отрицание (раскрытая ладонь на уровне груди отводится вправо); **NEG₂** – отрицание (раскрытая ладонь движется вдоль подбородка вправо и собирается в кулак); **NEG₃** – отрицание (раскрытая ладонь покачивается из стороны в сторону); **NEG₄** – отрицание (повторяющееся движение указательного пальца вдоль подбородка справа налево); **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **PRTCL₁** – частица, примерно соответствующая по семантике русским частицам *вот* или *ну*; **PRVN** – превентив; **REC** – реципрок; // – абсолютная пауза (руки находятся в состоянии покоя); / – фаза замедления жеста; + – одновременное исполнение правой и левой рукой разных жестов.

Литература

Гринберг Дж. 1970. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М. 114–162.

Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М. 1981. Психолингвистические аспекты изучения жестового языка. Дефектология, №1. 14–21.

Подлеская В.И. 1999. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация. В сб.: Е.К. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.) Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М. 255–173.

Прозорова Е.В. 2009. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: Дисс. к. филол. н. М., МГУ.

Храковский В.С. 1998. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология). В сб.: В.С. Храковский (отв. ред.) Типология условных конструкций. СПб.: Наука. 7–96.

Baker C., Padden C. 1978. Focusing on the nonmanual components of American Sign Language. In: P. Siple (ed.) Understanding language through sign language research. New York: Academic Press. 27–57.

Baker-Shenk C., Cokely D. 1981. American Sign Language: A Teacher's Resource Text on Grammar and Culture. Washington DC: Gallaudet University Press.

Comrie B. 1986. Conditionals: a typology. In: E. Traugott, A. ter Meulen, J. Reilly, C. Ferguson (eds.) On Conditionals. Cambridge: Cambridge University Press. 77–79.

Dachkovsky S. 2008. Facial expression as intonation in Israeli Sign Language: The case of neutral and counterfactual conditionals. In: J. Quer (ed.). *Signs of the Time: Selected Papers from TISLR, 2004*. Hamburg: Signum. 61–82.

Dachkovsky S., Sandler W. 2009. Visual Intonation in the Prosody of a Sign Language. *Language and Speech*, 52(2/3). 287–314.

de Vos C. 2006. *Mixed Signals: Combining Affective and Linguistic Functions of Eyebrows in Sign Language of the Netherlands*. MA thesis.

de Vos C., van der Kooij E., Crasborn O. 2009. *Mixed Signals: Combining Linguistic and Affective Functions of Eyebrows in Questions in Sign Language of the Netherlands*. *Language and Speech*, 52(2/3). 315–339.

Engberg-Pedersen E. 1990. Pragmatics of nonmanual behavior in Danish Sign Language. In: W. Edmondson, E. Carlsson (eds.) *SLR '87: Papers from the Fourth International Symposium on Sign Language Research*. Hamburg: Signum-Press. 121–128.

Ferguson C., Reilly J., ter Muelen A., Traugott E. 1986. Overview. In: E. Traugott, A. ter Meulen, J. Reilly, C. Ferguson (eds.) *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press. 3–20.

Grenoble L. 1992. An overview of Russian Sign Language. *Sign Language Studies* 21(77). Maryland: Linstok Press. 321–338.

Haiman J. 1978. Conditionals are topics. *Language*, 54. 564–589.

Hendriks H. 2008. *Jordanian Sign Language: Aspects of grammar from a cross-linguistic perspective: Academisch Proefschrift*. Amsterdam: LOT.

Johnston T., Schembri A. 2007. *Australian Sign Language (Auslan): An Introduction to Sign Language Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Liddell S. 1986. Head thrust in ASL conditional marking. *Sign Language Studies*, 52. 243–262.

Mitchell J. 2011. *Don't Just Sign... Communicate!: A Student's Guide to American Sign Language and the Deaf Community*. Judea Media, LLC.

Nespor M., Sandler W. 1999. Prosody in Israeli Sign Language. *Language and Speech*, 42. 143–176.

O'Grady W. 2011. *Brow Raise in American Sign Language: An Emergentist Account*. In: UHM Department of Linguistics, <http://www.ling.hawaii.edu/william-ogrady>.

Pfau R. 2008. Topics and Conditionals in Sign Languages. In: Workshop on "Topicality" at the Annual Meeting of the Deutsche Gesellschaft für Sprachwissenschaft, <http://home.medewerker.uva.nl/r.pfau>.

Pfau R., Quer J. 2010. Nonmanuals: their grammatical and prosodic roles. In: D. Brentari (ed.) *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 381–402.

Quadros R., Lillo-Martin D. 2010. Clause Structure. In: D. Brentari (ed.) *Sign Languages*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – Pp. 252–283.

Reilly J., McIntire M., Bellugi U. 1990a. The acquisition of conditionals in American Sign Language: Grammaticized facial expressions. *Applied Psycholinguistics*, 11/4. 369–392.

Reilly J., McIntire M., Bellugi U. 1990b. Faces: The relationship between language and affect. In: V. Volterra, C. Erting (eds.) *From gesture to language in hearing and deaf children*. New York: Springer-Verlag. 128–141.

Sandler W. 2010. Prosody and Syntax in Sign Languages. *Transactions of the Philological Society*, 108 (3). 298–328.

Stokoe W. 1960. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. In: *Studies in Linguistics*. New York: Department of Anthropology and Linguistics.

Sutton-Spence R., Woll B. 1998. *The Linguistics of British Sign Language: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sze F. 2008. Blinks and intonational phrasing in Hong Kong Sign Language. In: J. Quer (ed.) *Signs of the time: Selected papers from TISLR 2004*. Hamburg: Signum. 83–107.

Wilbur R. 1994. Eyeblinks in ASL phrase structure. *Sign Language Studies*, 84. 221–240.

Wilbur R. 2000. Phonological and prosodic layering of non-manuals in American Sign Language. In: K. Emmorey, H. Lane (eds.) *The signs of language revisited*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 215–247.

Wilbur R., Patschke C. 1999. Syntactic Correlates of Brow Raise in ASL. *Sign Language & Linguistics*, 2(1). 3–41.

Zeshan U. 2000. *Sign Language in Indo-Pakistan: a Description of a Signed Language*. Amsterdam: John Benjamins.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИСТРИБУТИВНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ¹

Е.В. Филимонова
arhisema@gmail.com

Введение

Дистрибутив представляет собой группу микроситуаций, совершающихся за один период времени и вместе представляющих одно событие. Внутреннюю сущность данной категории составляет не полностью тождественный набор актантов/сирконстантов, участвующих в каждой микроситуации, т. е. однотипные действия, вместе составляющие одно событие, могут выполняться разными субъектами, затрагивать разные объекты или происходить в разных точках пространства. Множество субъектов, объектов или точек пространства представляет собой совокупный актант/сирконстант. В. С. Храковский указывает на то, что совокупным может быть любой актант/сирконстант ситуации, следовательно, можно выделить столько видов дистрибутивной множественности, сколько актантов/сирконстантов может быть, учитывая возможности комбинаторики различных совокупных актантов/сирконстантов одной ситуации (Храковский 1989: 34).

Классификация дистрибутивов может базироваться на дифференциации актантов/сирконстантов (см. Табл. 1). Также в основу классификации дистрибутивов может быть положен временной параметр: микроситуации в рамках одного события могут происходить как синхронно, так и в разные моменты одного временного периода (Храковский 1989: 35; Долинина 1996: 241). Кроме того, исследователи классифицируют дистрибутивы с деривационной точки зрения, выделяя лексические и грамматические. Лексические дистрибутивы представляют собой узкую группу близких по семантике глаголов, в то время как грамматические образуются от исход-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 12-06-00231-а).

ных глаголов либо с помощью аффиксации, либо с помощью редупликации (Храковский 1989: 36).

Вид дистрибутива	Значение	Пример
Субъектный	Совокупным является актант-субъект.	Книги попадали с полки.
Объектный	Совокупным является актант-объект.	Мальчик побросал вещи на пол.
Адресатный	Совокупным является актант-адресат.	Учитель раздал контрольные ученикам.
Дисперсив	В повторяющихся ситуациях обозначаются самопроизвольные негативные процессы, осуществляющиеся в разных частях пространственно протяженных предметов или веществ.	Земля в разных местах потрескалась.
Амбулатив	В повторяющихся ситуациях обозначается движение через ряд единичных пунктов.	Она обошла все магазины.
Цислокатив	В повторяющихся ситуациях обозначается движение из разных пунктов в одну точку.	В сад с разных сторон слетелись вороны.
Диверсатив	В повторяющихся ситуациях обозначается движение в разные пункты из некоторой центральной точки.	Птицы разлетелись в разные стороны.
Квазидистрибутив	Совокупный актант является реально целостным, состоящим из квазиотдельных частей.	Мать разрежала мясо на куски.

Таблица 1. Классификация видов дистрибутива в зависимости от типа актанта/сирконстанта (по Храковский 1989)

В статье рассматриваются средства выражения дистрибутивного типа множественности ситуаций в русском жестовом языке (РЖЯ) –

коммуникативной системе, используемой для общения глухими и слабослышащими жителями Российской Федерации. При их описании мы в основном опираемся на классификацию дистрибутивов, основанную на дифференциации актантов/сирконстантов, предложенную в Храковский 1989 (см. Табл. 1).

Материалом для исследования послужили анкеты, а также нарративы, записанные от носителей РЖЯ.

Грамматическая справка

Русский жестовый язык по функциональным и структурным особенностям схож со звучащими языками; его особенности главным образом обусловлены другим каналом передачи информации – визуальным, а не аудиальным, как в звучащих языках.

Значения в жестовом языке могут передаваться как с помощью мануальных жестов, исполняемых руками, так и с помощью немануальных маркеров, к которым относят движения тела, головы, мимику. Немануальный компонент соответствует интонации в звучащих языках (Sandler, Lillo-Martin 2006); на материале русского жестового языка данный вопрос рассматривается в диссертации Е.В. Прозоровой (Прозорова 2009).

Жест, как и слово в звучащих языках, состоит из фонем – минимальных смысловоразличительных единиц. В основе работ по фонологии жестовых языков лежит открытие У. Стоке, выделившего три параметра, из которых складывается жест – конфигурацию, направление и локализацию жеста (Stokoe 1960). Позднее к подобным фонологическим единицам также были отнесены ориентация жеста и немануальные маркеры.

В жестовых языках также выделяется морфологический уровень – уровень минимальных языковых единиц, обладающих значением. В РЖЯ встречаются примеры как свободных морфем, так и связанных. Морфологические модификации жестов в РЖЯ обычно производятся с помощью внедрения в исходный жест других параметров. При этом основой жеста и носителем корневого значения является конфигурация жеста, а в качестве параметров, модифицирующих базовое значение и образующих грамматическую форму слова или новое слово, выступают локализация жеста и направление движения, а также редупликация (Vally, Lucas 2002).

Части речи в жестовых языках на данный момент выделяются условно. Изучением частей речи в РЖЯ занимался В. Киммельман,

разграничивший существительные и глаголы по нескольким формальным признакам. Существительное и глагол различаются наличием/отсутствием повтора, статичностью/динамичностью жеста, амплитудой движения, различиями в конфигурации, локализации, ориентации жеста и другими параметрами (Kimmelman 2009).

Значимым для жестовых языков является вопрос о классификаторах. Под классификаторами мы понимаем маркеры согласования существительных, т. е. жесты, конфигурация которых может меняться в зависимости от класса существительного. Для нашего исследования будет представлять интерес группа семантических классификаторов или классификаторов категории класса, к которым относятся конструкции, где конфигурация жеста указывает на принадлежность к абстрактному классу объектов, например, «человек» или «машина» (см. Supalla 1986; Schick 1990: 19).

Дистрибутив в описаниях других жестовых языков

В жестовых языках средства выражения дистрибутивных значений описывались в рамках исследования категории числа и аспекта. На сегодняшний день известны описания дистрибутива в эстонском жестовом языке (Miljan 2003) и в индо-пакистанском жестовом языке (Zeshan 2000).

М. Мильян анализирует дистрибутивы в рамках категории числа, отмечая, что форма дистрибутива в эстонском жестовом языке может быть образована от существительного, глагола или классификатора. Как средство выражения дистрибутива М. Мильян рассматривает редупликацию с изменением локализации жеста при каждом повторе, при этом количество повторов никак не связано и не отражает количество повторяющихся действий в конкретной денотативной ситуации (Miljan 2003: 211).

В индо-пакистанском жестовом языке средством выражения дистрибутивных значений также является повтор жеста в разных точках пространства без других формальных изменений. Самым распространенной формой дистрибутива У. Зешан считает три повтора жеста со смещением локализации жеста справа налево. Отдельно У. Зешан рассматривает жесты, которые включают в себя контакт с телом говорящего, в таком случае исполнение жеста в разных точках пространства заменяется контактом с разными точками на теле говорящего. Кроме того, в образовании формы дистрибутива могут участвовать немануальные маркеры. Например, жест

ЛГАТЬ в форме дистрибутива повторяется несколько раз, при этом корпус говорящего изменяет ориентацию то вправо, то влево, то прямо. У. Зешан отмечает, что форма дистрибутива в индо-пакистанском жестовом языке может быть свойственна не только глагольным жестам, но и именным. Указанный автор предполагает, что форма дистрибутива в индо-пакистанском жестовом языке выражает обобщенный концепт «существования в разных местах» (Zeshan 2000: 66–67).

Средства выражения дистрибутива в РЖЯ

Субъектный дистрибутив выражается редупликацией с поочередным исполнением жеста правой и левой рукой. При этом для формы дистрибутива не имеет значения, как выполняется исходный, «словарный», жест – одной рукой или двумя. Так, в примере (1) исходный жест УМЕРЕТЬ выполняется одной рукой, а в примере (2) исходный жест ЯЩИК.ПАДАТЬ выполняется двумя руками. В дистрибутивной форме оба жеста исполняются двумя руками. Движение выполняется двумя руками поочередно, указывая на одновременное выполнение действия субъектами (см., например, Рис. 1).

Рис. 1. Жест умереть в форме дистрибутива (редупликация с поочередным выполнением жеста правой и левой рукой)

- (1) ОВЦА ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ ОДИН НЕДЕЛЯ УМЕРЕТЬ:DISTR ВСЕ УНИЧТОЖИТЬ
«Наши овцы передохли за неделю».
- (2) ГРУЗОВИК ОСТАНОВИТЬСЯ ЯЩИК ПАДАТЬ:DISTR
«Грузовик резко затормозил, и ящики попадали на дорогу».

Объектный дистрибутив чаще всего выражается редупликацией с поочередным исполнением жеста правой и левой рукой, независимо от того, как исполняется исходная, «словарная», форма жеста (3). Вариации возможны только в связи с типом денотативной ситуации, задающей пространственные отношения и форму объектов. Например, в предложении (4) можно наблюдать симметричное движение обеих рук в разные стороны, изображающее развешивание белья на веревке.

- (3) МАЛЬЧИК КРОВАТЬ КНИГА БРОСАТЬ: DISTR (Т)
«Мальчик побросал книги на кровать».
- (4) МАМА УЛИЦА ОДЕЖДА ВЕШАТЬ: DISTR (Т)
«Мама развесила белье на улице».

Объектный дистрибутив может выражаться и одной рукой; рука при движении по дуге или зигзагообразно. Так, в примере (5) присутствует дистрибутив жеста ПЛОХОЙ – рука движется сверху вниз, выполняя зигзагообразное движение; данный случай аналогичен редупликации с изменением локализации, но движение становится более плавным и осуществляется одной рукой.

- (5) ЧТО ОН ЧТО ДЕЛАТЬ ВЕСЬ ПЛОХО: DISTR
«Что он ни делает, все у него плохо получается».

В примере (6) жест КУПИТЬ исполняется несколько раз, при этом при каждом повторе рука перемещается горизонтально по дуге слева направо относительно корпуса говорящего. Можно предположить, что движение по дуге связано с указанием на последовательность, целенаправленность осуществления субъектом действий, в то время как поочередный повтор жеста разными руками связан с нецеленаправленным действием.

Редупликация в случае исполнения жеста одной рукой используется не всегда – например, в (7) жест СМОТРЕТЬ: DISTR исполняется плавно. Возможно, движение по дуге с редупликацией связано с дискретностью осуществления действий, тогда как в предложении (7) действие выполняется практически непрерывно, что обусловлено семантикой глагола.

- (6) УЙТИ КУПИТЬ: DISTR ЕДА

«Пришел, накупил еды».

- (7) СКОРО БЫТЬ:FUT СМОТРЕТЬ:DISTR ВЫСТАВКА ВОСК ФИГУРА
НУЖНО БЫТЬ:FUT ПРИЙТИ СМОТРЕТЬ:DISTR
«Скоро откроется выставка восковых фигур! Надо будет
пойти посмотреть (букв.: осмотреть)!»

Движение по дуге используется также для выражения значений *амбулатива* (движение через ряд единичных пунктов); амбулативом является жест ПРИЙТИ:DISTR в примере (8). Жест ПРИЙТИ:DISTR в этом случае также исполняется плавно, без редупликации (См. рис. 2).

- (8) ДЕВУШКА КУПИТЬ СУМКА КУПИТЬ БЫТЬ:PAST МАГАЗИН
ПРИЙТИ:DISTR
«В поисках сумки девушка обошла все магазины».

Рис. 2. Жест ПРИЙТИ в дистрибутивной форме (движение по дуге)

Движением по дуге выражается также *адресатный дистрибутив* (9, 10). Рассматривая адресатный дистрибутив, В.С. Храковский формулирует следующую импликацию: если в предложении выражается адресатный дистрибутив, то также выражается и объектный дистрибутив (Храковский 1989: 37). Как видно из примеров (9, 10), эта импликация справедлива и для РЖЯ. Однако если в случае (9) жест ДАТЬ:DISTR относится и к взаимодействию с объектом, и к взаимодействию с адресатом, то в (10) дистрибутивные формы объекта и адресата разведены: множественность адресата выражается жестом ЕМУ:DISTR, а множественность объекта выражается жестом ДАТЬ.ПОСЫЛКА:DISTR.

- (9) УЧИТЬ УЧИТЬСЯ КНИГА УЧИТЬСЯ ДАТЬ КНИГА ДАТЬ:DISTR
КНИГА ДАТЬ:DISTR
«Учитель раздал книги ученикам».
- (10) МАЛЬЧИК ЧЕЛОВЕК ПОЧТА ПОСЫЛКА ДАТЬ.ПОСЫЛКА ЕМУ
ДОМ ЕМУ ДАТЬ.ПОСЫЛКА ЕМУ ДОМ ДОМ ЕМУ:DISTR
ДАТЬ.ПОСЫЛКА:DISTR
«Почтальон разнес посылки получателям».

Интересно, что адресатно-объектный дистрибутив при одном и том же исходном жесте может выражаться разными средствами. Так, в примере (9) жест ДАТЬ выполняется одной рукой, с движением по дуге и редупликацией. В случае (11) жест выполняется двумя руками, направленными в разные стороны. Контекст позволяет предположить, что форма жеста связана с типом денотативной ситуации, а конкретно – с ее субъектом. В предложении (9) субъект – один конкретный человек, который осуществляет действие, в случае (11) – под субъектом подразумевается организация, к тому же носитель языка переводит данный жест как «давали», т. е. высказывание имеет обобщенно-личную семантику. В данном предложении сочетаются мультисубъектность и мультиобъектность: мультиобъектность кодируется разными локализациями отдельных повторений жеста, а мультисубъектность – исполнением жеста двумя руками. Данное наблюдение подтверждается еще одним примером – в случае (12) жест СМОТРЕТЬ:DISTR исполняется двумя руками, в отличие от того же жеста в предложении (7), описанного выше. Различие в том, что в случае (12) возникает еще и значение мультисубъектности.

- (11) Я ВСЕГДА ПОМОГАТЬ ПРИВОДИТЬ БОЛЬНИЦА ПРОСИТЬ ЧЕРЕЗ
ПРОФСОЮЗ ПУТЕВКА НАЙТИ ПУТЕВКА ДАТЬ:DISTR И-М
«Я всегда помогала, водила в больницу, просила через профсоюз достать путевки, им давали».
- (12) ДЕТИ ВЫ:PL ВНИМАТЕЛЬНЫЙ СМОТРЕТЬ:DISTR И ОТВЕЧАТЬ
СМОТРЕТЬ:DISTR НЕСКОЛЬКО РАЗ
«Учитель призывает выполнять задания внимательно: „Ребята, будьте внимательны, проверяйте ответы по несколько раз“».

В РЖЯ существуют специальные средства для выражения *диверсатива* (означающего движение в разные пункты из некоторой центральной точки) и *цислокатива* (означающего движение из разных пунктов в одну точку). Для дальнейшего анализа форм цислокатива и диверсатива будет иметь значение рассмотрение классификатора ПОТОК.

Множественность может выражаться не только морфологически, но и лексически – в таком случае значения «Р с одним участником» и «Р с несколькими участниками» передаются разными лексемами. Т. е. с точки зрения говорящего изменяется тип ситуации (Плунгян 2011: 219–220). Подобное разграничение справедливо и для жестовых языков с той разницей, что в случае с ситуацией движения используются классификаторы, указывающие на количество участников ситуации – классификатор ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ (Рис. 3а) применяется к одиночному субъекту, осуществляющему движение, в то время как классификатор ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ (Рис. 3б) обозначает движение некоего совокупного актанта (объекта или субъекта), состоящего из однородных элементов, и в целом представляющего некую совокупность.

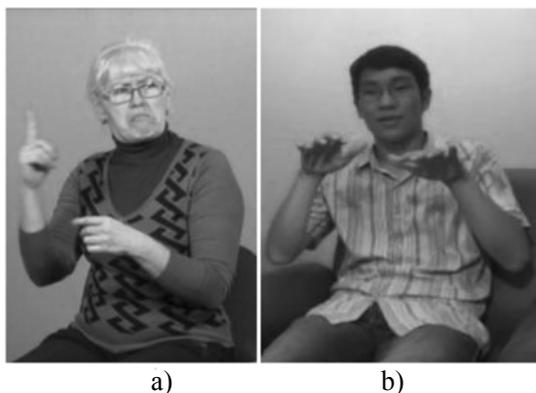

Рис. 3. Классификаторы ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ и ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ

Жест ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ является основным средством выражения значений цислокатива и диверсатива. При выражении значения цислокатива сжатые кулаки расправляются по направлению друг к другу (жест ПОТОК.ПРИЙТИ – Рис. 4), а при выражении значения диверсатива – в разные стороны (жест ПОТОК.УЙТИ – Рис. 5). Наши

данные позволяют сделать вывод, что значение данных жестов предельно обобщено и означает любое движение из одной точки в разные стороны и наоборот, как движение субъекта (13), так и движение объекта (14).

(13) мышь ПОТОК.УЙТИ
«Мыши разбежались по углам».

(14) МАМА МУКА ПОТОК.УЙТИ
«Мама рассыпала муку».

Однако жест ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ не всегда достаточен, иногда он требует дистрибутивов, образованных от глаголов, обозначающих конкретный тип движения, как в примере (15). В случае (16) значение «слетелись» выражается уже тремя глагольными жестами, два из которых представляют собой дистрибутивы, каждый из которых выполняет свою функцию: схема (траектория) движения, обозначение конкретного вида движения. Скорее всего, это связано с тем, что не все глаголы в РЖЯ можно поставить в форму дистрибутива.

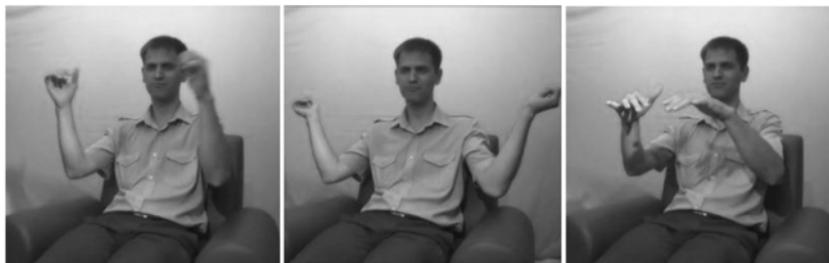

Рис. 4. Жест ПОТОК.ПРИЙТИ

Рис. 5. Жест ПОТОК.УЙТИ

- (15) УЧЕНЫЙ ПРИЕХАТЬ:DISTR ПОТОК.ПРИЙТИ
«Ученые съехались на конференцию».
- (16) ДЕРЕВО ПТИЦА ЛЕТЕТЬ ПОТОК.ДВИГАТЬСЯ ДЕРЕВО ПРИЙТИ:DISTR
«Птицы слетелись на дерево».

Форму дистрибутива может приобретать локативный сирконстант, не являющийся предикатом (17).

- (17) ГОСТИ.ПРИЙТИ:1PS:DISTR ПОТОК.УЙТИ ДОМОЙ:DISTR
«Гости приехали к нам и разъехались по домам».

Пример (17) интересен также тем, что для выражения значения циклокатива здесь не требуется жеста ПОТОК.ПРИЙТИ – достаточно дистрибутивной формы жеста ПРИЙТИ.В.ГОСТИ. Словарная форма данного жеста представляет собой жест с конфигурацией дактильной У, выражающий субъектно-объектные отношения, т.е. значение «гость пришел ко мне» передается движением по направлению к говорящему. Дистрибутивная форма данного жеста исполняется двумя руками (данный случай можно отнести к симультанной редупликации), руки движутся одновременно, с большей амплитудой. Мы считаем, что данное различие может быть связано с разными типами дистрибутива, выделяемыми по временному параметру – в примере (17) действие выполняется субъектами одновременно, т.е. выражается значение, что гости пришли к назначенному часу. Значение «гости съезжались один за другим» будет выражено поочередным движением рук по направлению к говорящему, что дает основание говорить о дифференциации дистрибутивов в РЖЯ по временному параметру.

Для некоторых объектных циклокативов не требуется жест ПОТОК.ПРИЙТИ. Так, в примере (18) дистрибутивная форма жеста БРАТЬЯ выглядит, как редупликация с движением по дуге.

- (18) ТИХИЙ ИДТИ.НА.ЦЫПОЧКАХ ДАЛЕКО ЦВЕТЫ СУПЕР
БРАТЬЯ:DISTR ЦВЕТЫ
«Пошел тихо, на цыпочках, далеко, цветы красивые, собирает».

Значение *дисперсива* (самопроизвольные негативные процессы, осуществляющиеся в разных частях пространств, предметов или веществ) и некоторых *квазидистрибутивов* (совокупный актант является реально целостным, состоящим из квазиотдельных частей) выражаются так же, как и субъектный и простой объектный дистрибутив – редупликацией с поочередным исполнением жеста правой и левой рукой. В примере (19), представляющем собой высказывание с семантикой дисперсива, две руки поочередно выполняют жест ТРЕСКАТЬСЯ на воображаемой стене. Пример (20) представляет собой квазидистрибутив, так как в действии участвуют части целого актанта (тела человека), которые являются частями только условно. Жест ГРЯЗНЫЙ выполняется двумя руками поочередно со сменой локализации, однако вместо пространства говорящий использует контакт с разными местами корпуса своего тела. Другие квазидистрибутивы не имеют специальных средств выражения: в примере (21) глагол резать употреблен в своей исходной форме.

- (19) СТЕНА КРАСИТЬ ВРЕМЯ ТРЕСКАТЬСЯ:DISTR
«Краска на стене потрескалась».
- (20) МАЛЬЧИК ВИДЕТЬ PRCL ГРЯЗНЫЙ ГРЯЗНЫЙ:DISTR
«Мальчик измазался в грязи».
- (21) МАМА МЯСО РЕЗАТЬ
«Мама порезала мясо».

Как видно из примера (20), дистрибутивную форму могут принимать не только глаголы, но и имена, что подтверждается и данными иностранных жестовых языков (Miljan 2003, Zeshan 2000). В звучащих языках круг таких лексем ограничен семантически – существительными, обозначающими человека/группу людей. Однако дистрибутивные маркеры не являются маркерами простого множественного числа существительных; такие существительные функционируют как дистрибутивы, указывая на отдельное существование предметов/явлений/лиц во времени или пространстве (Mithun 1988).

В случае (22) дистрибутивный жест ЛУЖА выполняется правой и левой рукой поочередно. На наш взгляд данное значение близко к значению дисперсива (19) – в разных местах протяженного пространства происходят некие процессы либо существуют некие объекты, причем их количество достаточно для создания новой

ситуации. В предложении (23) жест ЦВЕТОК исполняется двумя руками поочередно – по семантике данный случай схож с квазидистрибутивом: цветы расположены в разных частях поля, но части эти квазиотдельные, так как поле представляет собой целостный актант. Следовательно, дистрибутивная форма существительных не может рассматриваться как простое множественное число; существительные дистрибутивы, скорее, выражают концепт «существование одинаковых элементов в разных частях пространства или времени» или, по М. Митун, означают «multiple displacement» (Mithun 1988:217). В пользу данного предположения свидетельствует также то, что, скорее всего, в примерах (22) и (23) опущен глагол «быть».

- (22) УТРО ДОЖДЬ ЗАКОНЧИТЬ¹ УЛИЦА ВЕСЬ Л-У-Ж-А ЛУЖА:DISTR
«Утром шел дождь. Теперь на улице лужи».
- (23) Э-Э-Э СМОТРЕТЬ ПОЛЕ ЦВЕТОК:DISTR ЭНТУЗИАЗМ
«Думает, что бы такое найти, увидел поле все в цветах, обрадовался».

Заключение

Нами были выделены средства выражения дистрибутивной множественности ситуаций (перечень средств и их роль в образовании разных видов дистрибутива представлены в Табл. 2). Каждое из этих средств используется для выражения множественности вообще, однако их сочетания образуют формы дистрибутива.

Вид дистрибутива	Средства выражения			
	Редупликация с изменением локализации	Две руки	Движение по дуге	Классификатор
Субъектный	+	+		
Объектный	+	±	±	
Адресатный	+	+	+	
Амбулатив	±		+	

Цислокатив	+	+		+
Диверсатив				+
Дисперсив	+	+		
Квазидистрибу- тив	+	+		

Таблица 2. Средства выражения дистрибутивной множественности в РЖЯ

Основываясь на функционировании средств выражения дистрибутива, а также их иконичности, можно сделать предположения о том, с выражением какого именно значения связана каждая морфема. Необходимо отметить, что описанные ниже значения морфем являются скорее тенденцией, чем строгим соответствием.

Редупликация с изменением локализации указывает на существование микроситуаций (квантов) внутри одного события, которое описывает данная дистрибутивная форма. Изменение локализации при каждом повторе связано с изменением актанта/сирконстанта.

Исполнение жеста двумя руками может иметь несколько значений. Прежде всего, оно тесно связано с мультисубъектностью ситуации: все субъектные дистрибутивы исполняются исключительно двумя руками. Кроме того, при добавлении к объектному или адресатному дистрибутиву дистрибуции субъекта не наблюдается никаких изменений, кроме исполнения жеста двумя руками, что позволяет говорить о прямой связи исполнения жеста двумя руками с мультисубъектностью. Исполнение жеста двумя руками также может иметь значение хаотического, нецеленаправленного движения (в случае объектного дистрибутива). Третье значение данной морфемы – процессы, происходящие в разных точках пространства (в случае, например, дисперсива): субъект действия в данном случае отсутствует, поэтому исполнение жеста двумя руками не может указывать на мультисубъектность.

Движение по дуге связано с множественностью объектов и адресатов. Так как говорящий встает на позицию субъекта при исполнении жеста, то для выражения объектной/адресатной множественности он использует пространство возле себя, где находится виртуальный адресат/объект. Движение по дуге может быть плавным без

редупликации или прерывистым с редупликацией – мы предполагаем, что это связано с дискретностью описываемого действия.

Классификатор представляет собой лексическое средство выражения дистрибутивной множественности и используется только в циклокативных и диверсативных контекстах. Это объясняется тем, что циклокативы и диверсативы выделяются как виды дистрибутивной множественности в первую очередь на основании направления их движения. В классификаторе также основным, ведущим параметром является движение, а не конфигурация и локализация (см. Supalla 1986).

Дистрибутивы в РЖЯ также различаются в зависимости от временного параметра, т. е. синхронное и последовательное осуществление действия маркируются по-разному. Если микроситуации в рамках одного события происходят одновременно, жест выполняется двумя руками синхронно и не содержит повтора (множественность выражается исполнением жеста двумя руками), если же действия происходят в разное время, жест выполняется двумя руками поочередно.

Условные обозначения

1Ps – первое лицо; **DISTR** – дистрибутив; **FUT** – будущее время; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **PRTCL** – частица.

Литература

Долинина И.Б. 1996. Содержательные аспекты глагольной множественности. В сб.: Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука. 232–244.

Плунгян В.А. 2011. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учебное пособие. М.: РГГУ.

Прозорова Е.В. 2009. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: дисс. к. филол. наук. М., МГУ.

Храковский В.С. 1989. Семантические типы множественности ситуаций и их естественная классификация. В сб.: Храковский В.С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука. 5–53.

Шлуинский А.Б. 2005. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дисс. к. филол. наук. М., МГУ имени М.В. Ломоносова.

Kimmelman V. 2009. Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy. *Sign Language & Linguistics* 12(2). 161–186.

Miljan M. 2003. Number in Estonian Sign Language. *Trames*, 7. Tallin. 203–223.

Mithun M. 1988. Lexical Categories and the Evolution of Number Marking. In: Hammond, M., Noonan, M. (eds.) *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. San Diego: Academic Press. 211–234.

Sandler, W., Lillo-Martin, D. 2006. *Sign Language and Linguistic Universals*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Schick B. 1990. *Classifier predicates in American Sign Language*. West Lafayette: Purdue University.

Stokoe W. 1960. *Sign Language Structure: An outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf*. New York: University of Buffalo.

Supalla T. 1986. The classifier system in American Sign Language. In: *Noun classes and categorization*. Amsterdam/Philadelphia, 1986. 182–214.

Vally C., Lucas C. 2002. *Linguistics of American Sign Language*. Gallaudet University Press.

Zeshan U. 2000. *Sign Language in Indo-Pakistan: A Description of a Signed Language*.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ¹

М.В. Есипова
maria.yesipova@gmail.com

Данная статья представляет собой обзор теоретических предположений к конструированию синтаксической модели, которая описывала бы формирование вопросительных предложений в русском жестовом языке. В первой части кратко излагается классический подход к проблеме формирования вопросов в разных языках в рамках формальной лингвистической традиции. Во второй части описаны основные релевантные данные для американского и русского жестовых языков. В третьей части представлены три из имеющихся моделей для американского жестового языка с указанием на их недостатки. В четвёртой части намечаются основные теоретические направления поиска подходящей модели для русского жестового языка и предлагается её черновой вариант, разрабатываемый с привлечением теории антисимметрии Кейна и картографического подхода Рицци.

1. Классическая типология формирования вопросительных предложений в рамках формальной лингвистической традиции

В формальной лингвистической традиции проблема формирования вопросительных предложений рассматривается с привлечением операции синтаксического передвижения (movement). Под передвижением понимается перемещение элемента из позиции, где он получает семантическую интерпретацию, в какую-то другую позицию. В частности, с помощью передвижения вопросительных составляю-

¹ Автор выражает благодарность за помощь и советы Центру образования глухих и жестового языка им. Г.Л. Зайцевой, Д. Заварицкому, Н. Семушиной, своим информантам, С. Йатридоу, Р. Бхатту. Никто из вышеперечисленных не несёт ответственности за возможные теоретические, фактические или интерпретационные ошибки, допущенные в данной работе.

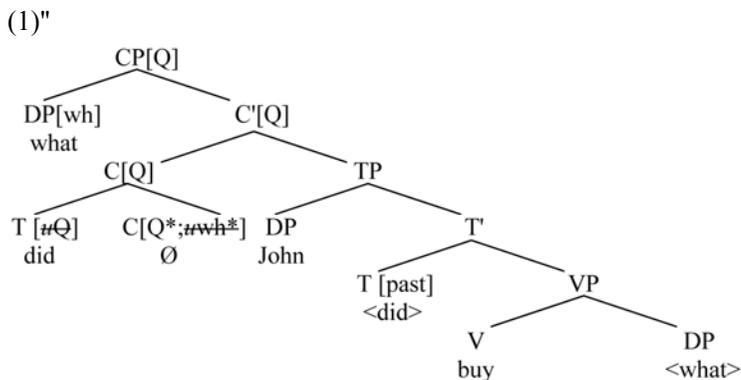
щих (wh-movement) образуются частные вопросы² в таких языках, как английский и русский. Рассмотрим пример:

- (1) What did John buy? [англ.]
«Что купил Джон?»

Предположительно, в (1) вопросительное слово *what* изначально занимало позицию прямого дополнения (объекта) глагола *buy*, где и получило семантическую интерпретацию, после чего переместилось влево (в позицию спецификатора CP):

- (1)' What did John buy <what>?

Графическая репрезентация данного феномена в виде синтаксического дерева выглядит так³:

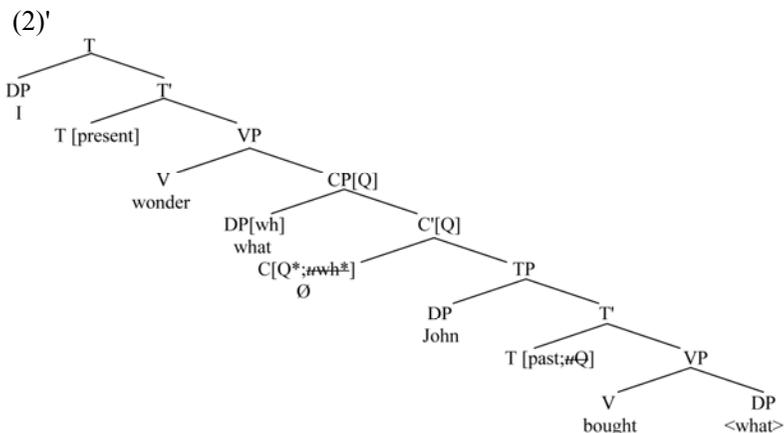
Разумеется, с помощью wh-передвижения образуются не только прямые, но и косвенные вопросы:

- (2) I wonder what John bought <what>. [англ.]
«Мне интересно, что купил Джон».

² В рамках данной работы рассматриваются исключительно частные вопросы, в дальнейшем мы не будем это эксплицировать.

³ Данный вариант дерева взят из раздаточного материала к семинарам К. Хэйкок (Heусock 2011).

В (2) вопросительное слово *what* опять же перемещается из позиции прямого дополнения глагола *buy* в позицию спецификатора CP:

Реализация передвижения вопросительных составляющих является объектом типологического варьирования. В одних языках (как уже было показано на примере английского) наблюдается обязательное *wh*-передвижение⁴, в то время как в других (например, в китайском) вопросительные конструкции остаются в позиции аргумента, “*in situ*” (лат. «на месте») — поэтому их называют *wh-in-situ* языки. С.Т. Дж. Хуанг предположил, что на самом деле передвижение вопросительных составляющих в китайском языке осуществляется скрытно, после озвучивания — на уровне логической формы. Так, (4)' является логической репрезентацией (4):

- (4) *ni xihuan shei?* [кит.]
 you like who
 «Кого вы любите?»

⁴ Отметим, впрочем, что в английском языке (впрочем, как и в русском) встречаются случаи формирования вопросов с вопросительными составляющими *in situ*; это могут быть т.н. эхо-вопросы (*echo questions*), вопросы викторин (*quiz questions*):

- (3) [англ.]
 John bought what?
 ‘Джон купил что?’
 Noam Chomsky invented what theory?
 ‘Ноам Хомский изобрёл какую теорию?’

- (4)' [shei_i [ni xihuan ei]]
who you like [Huang, (1), (2)]⁵

Существуют также языки (например, французский), в которых – с рядом ограничений – допускаются оба варианта:

- (5) [фр.]
 Tu as embrassé qui?
you have kissed who
 «Кого ты поцеловал?»
 Qui as-tu embrassé? [Bošković, (23)]

Однако Л.Л.Ш. Ченг в своей диссертации по типологии вопросительных предложений (Cheng 1991) утверждает, что не существует языков с опциональным передвижением и что, если язык допускает появление вопросительной составляющей в вопросительном предложении⁶ в позиции аргумента (*in situ*), то его следует считать *wh-in-situ* языком. При этом выдвижение вперёд вопросительных элементов в таких языках не является результатом синтаксического передвижения, а представляет собой формирование клефтингового оборота (т.е. вопросительный элемент является субъектом клефтинговой конструкции, и, по сути, никакого передвижения не происходит). Ченг признаёт, впрочем, что французский предоставляет контрпримеры для данного тезиса, не являясь *wh-in-situ* языком, но позволяя вопросительным элементам оставаться *in situ* (прямых) вопросах – но не даёт никакого объяснения данному феномену.

⁵ В рамках данной работы мы по возможности сохраняем нотационные особенности авторских примеров, однако, снабжаем их русскоязычным переводом (или заменяем им англоязычный перевод). Свои примеры мы снабжаем обозначением для немануального маркера только в случаях, когда эти маркеры для нас очевидны. На данном этапе мы никак не учитываем немануальное вопросительное маркирование в своём исследовании.

⁶ Ченг эксплицитно исключает из данного анализа эхо-вопросы и вопросительные слова в позиции аргумента при множественных вопросах, когда одна из составляющих уже выдвинулась в позицию спецификатора CP.

2. Данные из ЖЯ

Данные из жестовых языков (далее ЖЯ) представляют проблему для классического представления о типах формирования вопросительных предложений, поскольку в по меньшей мере некоторых исследованных ЖЯ⁷ вопросительные элементы регулярно оказываются в конце предложения:

(6) _____ wh
JOHN SEE YESTERDAY WHO [ASL]
«Кого Джон видел вчера?» [NMLBK, (17)]

(7) _____ wh
ДЕВУШКА ЛЮБИТЬ КТО [РЖЯ]
«Кого любит девушка?»

(8) _____ wh
t_i HATE JOHN WHO_i [ASL]
‘Кто ненавидит Джона?’ [NMLBK, (20)]

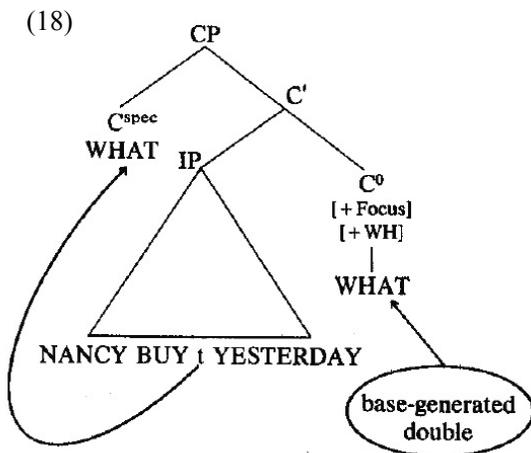
(9) _____ wh
ТОЧНО СКАЗАТЬ МОЧЬ КТО [РЖЯ]
«Кто может дать точный ответ?»

(10) LEAVE MY SHOES WHERE? [ASL]
«Где я оставил свою обувь?» [Denham, (3)]

(11) _____ wh
МАМА ПАПА ГДЕ [РЖЯ]
«Где [твой] родители?»

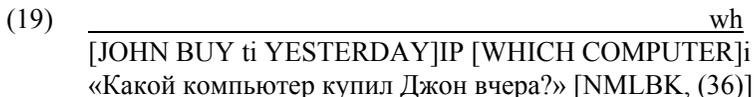
Согласно многочисленным наблюдениям, ASL также позволяет опционально оставлять вопросительные элементы *in situ*:

⁷ Это справедливо как минимум для американского жестового языка (далее ASL), российского жестового языка (далее РЖЯ) и бразильского жестового языка (далее LSB).

[Petronio, Lillo-Martin 1997, (20a)]

Очевидно, что данный анализ не предсказывает предложений, где на правой периферии оказывается не одна только вершина, а целая вопросительная группа. P&L утверждают неграмматичность подобных примеров, однако, это заявление оспаривается «Бостонской» группой исследователей:

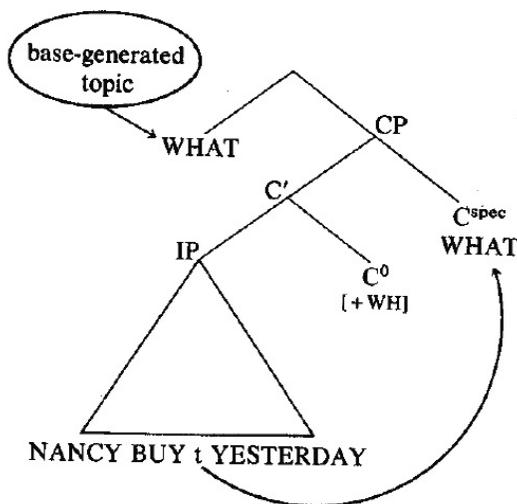
Согласно нашим наблюдениям, РЖЯ также допускает появление на правой периферии целых вопросительных групп, т.о. данная модель не может быть применена к РЖЯ в неизменном виде.

3.2. NMLBK: правое wh-передвижение в ASL

Коллектив авторов из Бостона – К. Найдл, Д. Маклафлин, Р. Ли, Б. Бахан, Дж. Кегл («Бостонская» группа, NMLBK) – предложил модель с правым передвижением вопросительных конструкций в позицию спецификатора CP (расположенную, соответственно, на правой периферии синтаксического дерева). Согласно их гипотезе, в «двойных» конструкциях левопериферийный элемент представляет собой топик, зародившийся в позиции, расположенной выше CP

(у NMLBK она никак не помечена, предположительно это позиция спецификатора фразы топика – TopP).

(20)

[Petronio, Lillo-Martin 1997, (20b)]

В качестве одного из доказательств NMLBK приводят примеры предложений ASL, в которых wh-топики свободно чередуются с другими базово-порождёнными топиками:

- (21) wh tm2 wh
 a. WHO VEGETABLE PREFER POTATO WHO
 «Кто из овощей, кто предпочитает картошку?»
- tm2 wh
 b. VEGETABLE WHO PREFER POTATO WHO
 «Из овощей кто, кто предпочитает картошку?» [NMLBK, (29), (30)]

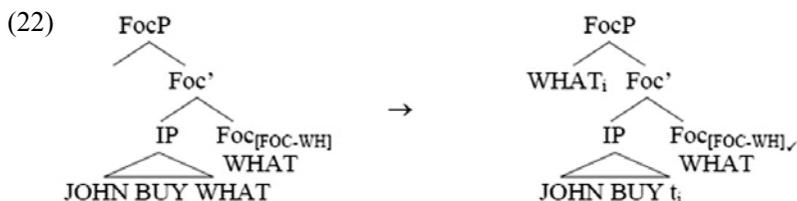
Анализ, предлагаемый «Бостонской» группой, кажется нам малоубедительным в части представления левопериферийных вопросительных элементов как топиков. Вслед за рядом исследователей (например, Bresnan, Mchombo) мы склонны считать идею о возможности топикизации вопросительных элементов контринтуитивной: в самом деле, топикизованный материал должен содержаться в

пресуппозиции – как может содержаться в пресуппозиции вопросительный элемент, для нас неочевидно.

Кроме того, помимо нестандартной (типологически необычной) архитектуры дерева, сама идея правого *wh*-передвижения в ASL сталкивается с проблемой эмпирического рода. В своём исследовании Д. Лилло-Мартин и Р.М. де Квадрос показывают, что при усвоении ASL и LSB глухие дети сначала начинают употреблять конструкции с вопросительными элементами на левой периферии или *in situ*, а вопросы с правопериферийными вопросительными элементами и «двойные» конструкции возникают в их речи значительно позже (Lillo-Martin, Quadros 2006). При попытке объяснить эти данные «правосторонний» анализ определённо столкнётся с трудностями.

3.3. Денхам: отсутствие *wh*-передвижения в ASL

Анализ, предлагаемый К. Денхам, постулирует отсутствие собственно *wh*-передвижения в классическом понимании в ASL (за исключением случаев, когда его инициирует матричный глагол в косвенных вопросах). «Двойные» конструкции Денхам анализирует как фокусные – причём она предлагает единообразный подход для любого удвоения (вопросительных, модальных, отрицательных и др. элементов), однако, только вопросительные элементы входят в деривацию, будучи маркированы как фокус, т.е. содержат признак FOC-WH, и именно поэтому они поднимаются в левопериферийную позицию спецификатора FocP. Архитектура дерева Денхам напоминает таковую из модели P&L – с расположением спецификатора FocP на левой периферии и вершины Foc на правой:

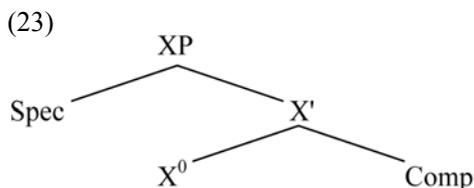

Предложения, которые содержат вопросительный элемент только на правой периферии, Денхам никак не анализирует – предположительно, здесь подразумевается та же идея неозвучивания левой копии, что и у P&L. В любом случае, проблема объяснения возник-

новения на правой периферии целых групп, а не только вершин, которую мы отметили для модели P&L, сохраняется и для этого анализа.

4. В поисках альтернативной модели

Ни одна из представленных выше моделей не является совместимой с теорией антисимметрии Р. Кейна (Kayne 1994). Кейн постулирует универсальную и простую архитектуру синтаксического дерева для всех языков – спецификатор–вершина–комплемент:

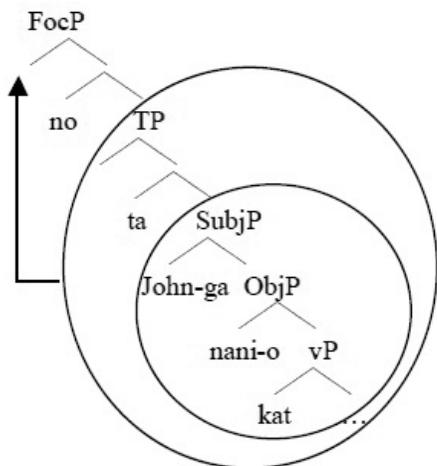

Любые отклонения от данной схемы в поверхностном порядке слов получаются в результате передвижения. Так, например, порядок слов в вопросительных предложениях японского языка с вопросительными частицами *ka/no* на правой периферии реинтерпретируется в рамках теории антисимметрии как результат передвижения всего комплемента вопросительной частицы (т.е. группы предложения – TP) левее этой частицы. Механизм этого передвижения представлен в (24)': вопросительная частица *no* находится в позиции вершины Foc, а TP передвигается в позицию спецификатора FocP и оказывается, таким образом, левее *no*¹⁰.

- (24) John-ga nani-o kata no? [яп.]
John-Nom what-Acc bought Q
 «Что купил Джон?» (Soare 2011, (5), (6))

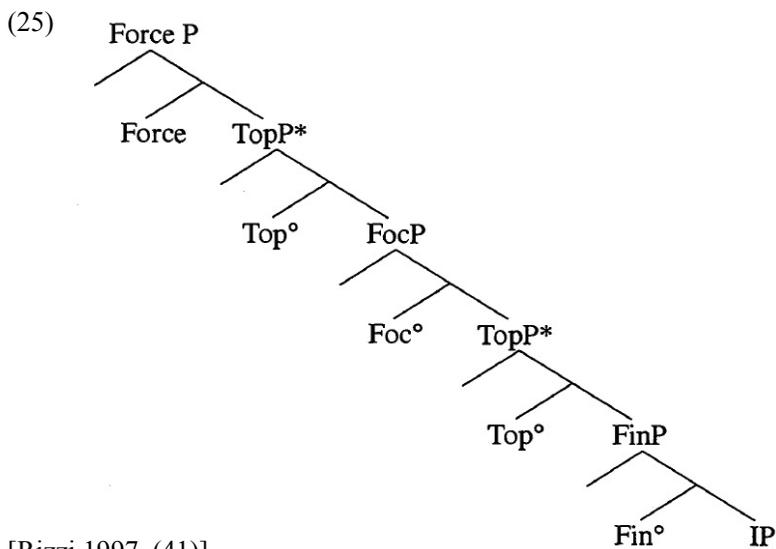
¹⁰ Для простоты я опускаю здесь операции передвижения, которые при-
 вели к поверхностному порядку слов в самой TP.

(24)'

В своей курсовой работе по вопросительности в РЖЯ П. Кебец приводит анализ данного примера из японского, предполагая, что некое подобие данного механизма можно применить к материалу РЖЯ. Однако, вывод, который он делает, кажется нам несколько странным (или неточно сформулированным). Кебец пишет: «Получается, что фактически нет никакого выноса. Wh-группа всегда находится *in situ*. И предложение либо переносится в спецификатор фокуса вопроса (тогда вопросительное слово оказывается на правой периферии предложения), либо остаётся на месте (тогда всё предложение интерпретируется в линейной последовательности)» (Кебец 2011 21). Полной аналогии с примером (24) в случае с вопросами в РЖЯ быть не может – частица *no* является вершиной, изначально расположенной за пределами TP, а не группой в составе TP, в то время как нас интересует объяснение поведения wh-групп. Если wh-группа, как предполагает Кебец, остаётся *in situ*, она неизбежно должна будет переехать вместе с TP, в которой находится, и ни на какой правой периферии она не окажется. Соответственно, чтобы избежать передвижения вместе с TP, wh-группа должна сначала выдвинуться за пределы TP в какую-нибудь подходящую позицию, после чего остаток TP должен будет переехать ещё левее. Такой набор операций даст нам поверхностный порядок в простых нейтральных частных вопросах РЖЯ с вопросительной группой на правой периферии.

Построение подобной модели с неоднократным передвижением влево требует весьма подробной детализации структуры левой периферии синтаксического дерева в духе (хотя бы умеренного) картографического подхода. Обратимся к классической работе Л. Рицци, в которой он предпринимает попытку «дробления» зоны комплементаризера – участка между IP¹¹ и CP. Он «расщепляет» проекцию C на две функциональные проекции исходя из функций комплементаризера как «посредника» между пропозициональным содержанием (содержащимся в IP) и структурой высшего уровня (например, главным предложением): Force (тип предложения) и Fin (финитность). Между FinP и ForceP Рицци помещает систему проекций топика и фокуса (Top и Foc, соответственно). Таким образом, левая периферия синтаксического дерева приобретает следующий вид:

Под топиком Рицци понимает некий элемент, выражающий контекстуально очевидную информацию, содержащуюся в пресуппозиции. К топикю прилагается комментарий, содержащий новую информацию. Понятие фокуса в каком-то смысле противоположно

¹¹ Мы используем обозначение TP для группы предложения, Рицци – IP. В рамках данной работы разница остаётся чисто терминологической.

понятию топика: фокус содержит новую информацию, на которой делается акцент, а к нему прилагается контекстуально очевидная, содержащаяся в пресуппозиции информация.

В рамках поиска подходящих позиций для передвижения wh-элемента и остатка TP в РЖЯ, мы могли бы допустить, что wh-элемент¹² перемещается в позицию фокуса (в этом смысле мы солидарны с К. Денхам и её интерпретацией вопросительных элементов как тесно связанных с фокусом и, вероятно, «врождённо» маркированных как фокусные). Остаток TP, в свою очередь, перемещается левее, в позицию спецификатора TopP, т.е. топикализуется – в самом деле, в частных вопросах вся информация, кроме, собственно, недостающей, той, о которой спрашивают, по всей видимости, тривиально находится в пресуппозиции.

Такая последовательность передвижений даст нам поверхностный порядок в предложениях с одним вопросительным элементом на правой периферии. Не составит проблем объяснить и аналогичные предложения с последующей топикализацией аргументов из уже вынесенной в топик TP:

- (26) ЖЕНЩИНА УБИТЬ КТО [РЖЯ]
«Женщину кто убил?»

Множественная топикализация вообще типична для ЖЯ (по крайней мере, для ASL и РЖЯ), а механизм, предложенный Рицци, предполагает рекурсивность проекции Top. В самом деле, определение топика не накладывает ограничений на содержание комментария – последний также может содержать информацию, находящуюся в пресуппозиции – поэтому TopP вполне может иметь в качестве комплемента другую TopP.

Однако в наши задачи входит также объяснение «двойных» конструкций, а также двойных конструкций с топиками (типа (17)). В такой ситуации нам необходимо будет постулировать дальнейшее передвижение ещё одной копии¹³ вопросительного элемента. В

¹² Т.е. группа или вершина. Логично предположить, что если передвигается вся группа, то она оказывается в позиции спецификатора FocP, а если передвигается только вершина, то она и занимает позицию вершины.

¹³ В рамках данной работы мы принимаем «теорию копий» – представление об операции передвижения как о перемещении фонетических копий элемента без удаления «оригинала».

системе Рици проекция фокуса, в отличие от проекции топика, нерекурсивна – фокус может присоединять в качестве комплемента только подразумеваемую информацию, т.е. никак не другой фокус. Именно поэтому, как утверждает Рици, предложение не может содержать два фокализованных элемента. Тем не менее, в данном ограничении речь идёт о двух разных фокализованных элементах, а не о двух реализациях одного и того же фокализованного элемента. Возможно, мы могли бы предположить наличие ещё одной фокусной позиции, предположительно, обладающей некоторым интерпретативным отличием (например, эмфатический фокус – EFocus), между TopP и ForceP.

Альтернативным вариантом было бы предположение, что РЖЯ позволяет копии вопросительного элемента в конечном итоге всё-таки передвинуться в позицию спецификатора ForceP (всё той же CP в классической терминологии). Более того, вслед за Денхам, мы готовы допустить, что это может быть даже обязательным в случаях, когда того требуют некоторые матричные предикаты в косвенных вопросах. В таком случае наличие ещё одного топика (топиков) левее «двойной» конструкции предполагает, что они расположены выше ForceP (CP) и, по всей видимости, являются базово-порождёнными – ср. представление «Бостонской» группы о месте зарождения топиков (20). Если это действительно так, подобные конструкции, как нам представляется, должны будут иметь ограничение на встраивание в качестве придаточных. В самом деле, матричный предикат «ищет» себе предложение, исходя из его коммуникативного типа, а не из наличия/отсутствия в нём топикализованных элементов. Необходима тщательная эмпирическая проверка реальности данного ограничения – именно в этом мы видим одну из своих основных задач на ближайшее время.

Литература

Кебец П. 2011. Вопросительность в русском жестовом языке. Курсовая работа, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Bošković Ž. 1998. Wh-Phrases and Wh-Movement in Slavic. Manuscript, University of Connecticut.

Bresnan J., Mchombo S. 1987. Topic, pronoun and agreement in Chichewa. *Language*, 63(4). 741–782.

Cheng L.L.C. 1991. On the typology of *wh*-questions. Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology.

Chomsky N. 1993 (1981). Lectures on government and binding: the Pisa lectures. In: Studies in Generative Grammar 9. Mouton de Gruyter, Berlin, New York.

Chomsky N. 1995. The Minimalist Program. Cambridge: MIT Press.

Denham K. 1999. Is There Really *WH*-movement in American Sign Language? Selection and Projection of C. Draft.

Heycock C. 2011. How to do things with clauses? NYU, Saint-Petersburg.

Huang C-T.J. 1981. Move *wh* in a language without *wh*-movement. Linguistic Review, 82(1). 369–416.

Kayne R. 1994. The Antisymmetry of Syntax. Cambridge: MIT Press.

Lillo-Martin D., Quadros R.M. 2006. The position of early WH-elements in American Sign Language and Brazilian Sign Language. In: K. Deen, J. Nomura, B. Schulz, B.D. Schwartz (eds.) The Proceedings of the Inaugural Conference on Generative Approaches to Language Acquisition – North America, Honolulu. 195–203.

Neidle C., MacLaughlin D., Lee R.G., Bahan B., Kegl J. 1998. The rightward analysis of WH-movement in ASL: A reply to Petronio and Lillo-Martin. Language, 74. 819–831.

Petronio K., Lillo-Martin D. 1997. Wh-Movement and the position of Spec-CP: Evidence from American Sign Language. Language, 73, 18–57.

Rizzi L. 1997. The Fine Structure of the Left Periphery. In: L. Haegeman (ed.) Elements of Grammar. A Handbook in Generative Syntax. Kluwer. 281–337.

Soare G. 2007. A Cross-linguistic Typology of Question Formation and the Antisymmetry Hypothesis. In: G. Ellison-Campbell, G. Soare (eds.) Generative Grammar in Geneva 5. 107–133.

БИЛИНГВИЗМ ГЛУХИХ И ЯЗЫКОВАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Н.И. Семушина
homo.preludens@gmail.com

Изучение бимодального билингвизма – относительно новая для лингвистики проблема. Оно началось вместе с признанием жестовых языков (в Америке это произошло в 1960е годы благодаря исследованиям У. Стоке, в России же первые исследования появились значительно позже). Само понятие бимодального билингвизма построено на том, что жестовый язык – самостоятельная лингвистическая система, полноценный язык со своей грамматической и лексической структурой, не являющийся жестовым отображением системы устного языка соответствующего государства (т.е. калькирующей системой).

Существует две концепции бимодального билингвизма. Первая определяет бимодальных билингвов как слышащих людей, свободно владеющих жестовым и устным языком (Emmorey, McCullough, 2008). Как правило, это слышащие дети, выросшие в семьях, где есть глухие или слабослышащие (родители, старшие братья и сёстры).

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, считают бимодальными билингвами глухих, которые, живя в социуме слышащих, в большинстве случаев являются билингвами и знают устный язык своей страны (Millet, Estève, Lucile 2008). Когда говорят о билингвизме глухих и слабослышащих, особо выделяют жестово-письменный (sign-print) билингвизм, при котором на устном языке осуществляется только письменная продукция и главным образом письменная рецепция (чтение текстов). Поскольку большинство жестовых языков не имеет общеупотребительной письменной формы, глухие обычно пользуются письменной формой устного языка, принятого в их государстве. Термин «билингвизм глухих» (bilinguisme sourd (фр.)) был предложен в 1996 году Воненом. Его отличительная особенность, наряду с бимодальностью, состоит в отсутствии у ребёнка прямого доступа к освоению устного языка естественным путём.

В русскоязычной литературе чаще встречается термин «словесно-жестовое двуязычие», введённый Г.Л. Зайцевой. Для словесно-жестового двуязычия глухих, по Зайцевой, характерно распределение коммуникативных функций между контактирующими речевыми системами, различный уровень владения каждой из них, взаимное влияние сосуществующих систем (Зайцева 2000).

Большинство исследований сходится на том, чтобы считать глухих и слабослышащих билингвами, отделяя их от множества слышащих бимодальных билингвов в силу специфики, которую обуславливает недостаток слуха. Поэтому исследователи такого билингвизма всегда подчёркивают, о слышащих или о глухих они говорят.

Томографические исследования носителей ЖЯ показывают, что в процессе производства и восприятия речи у говорящих на жестовых и устных языках активируются приблизительно одни и те же зоны мозга. Различия, по-видимому, обуславливаются особенностями канала восприятия: у носителей ЖЯ активируются, помимо ответственных за производство речи участков левого полушария, участки правого полушария, ответственные за пространственно-визуальные процессы.

Однако при поражениях правого полушария у носителей ЖЯ нарушается пространственное восприятие (ориентирование в пространстве), но не нарушается чисто грамматическое употребление пространства, являющееся одной из особенностей ЖЯ (например, установление локусов для референции). Из этого учёные делают вывод о необходимости различения топографического и грамматического использования пространства в языках жестовой модальности.

Исследования Emmorey, McCullough 2008 показывают разницу в активности полушарий мозга при восприятии выражений лица у глухих, слышащих бимодальных билингвов и слышащих, не знающих ЖЯ. У носителей ЖЯ при восприятии грамматически значимых выражений лица проявлялась ярко выраженная левополушарная асимметрия (McCullough, Emmorey, Sereno 2005).

Бимодальный билингвизм также имеет ряд особенностей, связанных с наличием двух каналов передачи информации: бимодальный билингв может параллельно изъясняться на двух языках. Существует несколько точек зрения на количество кодов, используемых бимодальным билингвом.

Неоднозначный статус жестовых языков часто приводит к тому, что бимодальные билингвы просто не считают себя таковыми. Это

роднит их с некоторыми группами билингвов, владеющих официальным языком страны и языком какого-либо из малочисленных её народов. При этом сообщество бимодальных билингвов имеет все признаки, присущие традиционным билингвальным сообществам: они владеют двумя языками и относят себя к двум культурам (Zentella 1997). Культура глухих и слабослышащих действительно существует. В Российской Федерации в отношении русского языка и РЖЯ можно говорить о диглоссии.

Согласно всероссийской переписи населения, проведённой в 2010 году, жестовым языком в России владеет 121 000 человек. К сожалению, РЖЯ не был выделен как отдельный язык; в перечне языков можно было поставить галочку в графе «жестовый»: возможно, составители опросника не знали, что жестовый язык не является универсальным для всех глухих. До сегодняшнего дня РЖЯ не имел в Российской Федерации официального статуса и являлся средством межличностного общения (9.08.2012 был одобрен законопроект о придании РЖЯ официального статуса). Это один из факторов, обуславливающих низкий статус языка даже среди его носителей.

К другим таким факторам можно отнести преобладание в педагогической традиции обучения глухих оралистских методик (обучение в традиционных школах для глухих ведётся на русском языке). Многие глухие не знают различий между естественным ЖЯ и калькирующим (в нашей практике был информант, отказавшийся с нами сотрудничать, мотивировав это тем, что «говорит неправильно, без грамматики»: он считал РЖЯ упрощённой, неграмотной формой КЖР), а также не знают, что такое билингвизм. В тематических дискуссиях в сети Интернет можно встретить высказывания, в которых понятие «билингвизм» отождествляется с естественным ЖЯ и противопоставляется КЖР: «раньше тех, кто говорил на билингвизме, называли “малограмотными”», «...но какой язык будет официально признан? КЖР или билингвизм?»¹

Целью этого исследования было выявить, что глухие и слабослышащие сами понимают под билингвизмом, считают ли себя

¹ Приведены цитаты из обсуждения статьи Г. Шаталова «Не могу молчать», опубликованной на сайте www.deafnet.ru, в которой автор высказывался в пользу КЖР и против естественного жестового языка (который называл билингвизмом), однако допустил значительную путаницу в терминах, которая, к сожалению, широко распространилась.

билингвами, а также выяснить, каков коммуникативный репертуар языков, которыми владеют наши респонденты.

С 26 сентября по 1 октября мы проводили при помощи сети Интернет опрос среди участников одного из крупных интернет-сообществ глухих. Он состоял из 17 вопросов, касающихся родного языка и языков, которыми человек владеет; сферы использования этих языков и распределения их коммуникативных функций; времени овладения языком/языками; мнения о том, что такое билингвизм и самоидентификации как билингва. В нашем опросе приняло участие 55 человек, связанных с российским сообществом глухих, в возрасте от 12 до 57 лет: 32 глухих, 13 слабослышащих и 10 слышащих. Из них 22 мужчины и 33 женщины. Испытуемые живут в разных городах России, но большая часть в настоящий момент живёт в Москве.

На вопрос о том, знают ли они, что такое билингвизм, положительно ответили и привели толкование, соотносящееся с какой-либо концепцией билингвизма, 39 человек (20 глухих, 10 слабослышащих и 9 слышащих), то есть 70% опрошенных. Из них билингвами себя считают 30 человек (19 глухих, 10 слабослышащих, 1 слышащий), или 54,5%.

Из считающих себя билингвами русский язык и РЖЯ параллельно в критический период усвоили 12 глухих (21,8 % от общего числа опрошенных, 37,5% от общего числа опрошенных глухих), 5 слабослышащих (9%; 38,4%) и 1 слышащий (1,8%; 10%); РЖЯ раньше русского усвоили 2 глухих (3,6%; 6,25%) и 2 слабослышащих (3,6%; 15,4%); русский язык усвоили раньше РЖЯ 2 глухих (3,6%; 6,25%), 3 слабослышащих (5,45%; 23%) и 6 слышащих (10,9%; 60%).

Число людей, считающих себя билингвами, и людей, указавших, что они усвоили в критический период 2 языка, различается: всего русский и РЖЯ усвоили в критический период 21 человек (5 слабослышащих, 1 слышащий, 15 глухих) (38% от общего числа респондентов), и из них 8 человек (38% от общего числа фактических билингвов; все они глухие) не знают, что такое билингвизм. У большинства (9 человек, 49% всех фактических билингвов) в семье есть слышащие родственники, которые не знают жестовый язык; у 4 человек (19%) слышащие родственники знают РЖЯ, но плохо, у двоих (9,5%) владеют дактилем. 6 человек (28%) указали, что у них нет слышащих родственников.

Все вопросы исследования были вопросами открытого типа; таким был и вопрос о том, что такое, по мнению испытуемых, билин-

гвизм. Мы проанализировали ответы и выделили следующие трактовки билингвизма: билингвизм – это владение двумя языками (17); билингвизм – это двуязычие (10); одновременное владение устным и жестовым языком (6); обучение в школе параллельно на русском и жестовом языках (3); способность говорить на 2 языках (3); наличие у человека 2 родных языков (3); способность общаться на двух языках (3); способность мыслить на 2 языках (3); владение и регулярное использование 2 языков² (1); владение несколькими языками (1). Ответы демонстрируют, что в понимании опрошенных в первую очередь билингвизм связан с возможностью использования нескольких (чаще двух) языков (ср. естественный и искусственный билингвизм), чем с восприятием родного языка и временем овладения таковым. Также показательным кажется достаточно частое упоминание владения конкретной парой языков с разной модальностью и отождествление билингвизма с т.н. билингвистическим подходом к обучению глухих³.

Можно предположить, что билингвизм ассоциируется с образованием даже у тех респондентов, которые не знают значения этого слова (ср. ответ «предполагаю обучение глухих детей в массовой школе (среди слышащих)»). Также можно предположить, что для респондентов важен также уровень языковой компетенции в каждом из языков; эксплицитного выражения это не получило, но, возможно, тот факт, что многие из продемонстрировавших верное понимание термина и указавшие, что овладели РЯ и РЖЯ в критический период, не считают себя билингвами, связан с недостаточным, по их мнению, уровнем владения одним из языков. В целом же можно сказать, что большинство респондентов правильно понимают термин «билингвизм».

Следующий вопрос, который мы хотели бы рассмотреть, касается языковой самоидентификации глухих. Для этого мы проанализиро-

² Некоторые респонденты использовали несколько толкований; например, «владение двумя языками, использование в школе словесного и жестового языков». Ответ одного респондента расшифровать однозначно не удалось, поэтому он не был включён в исследование.

³ Использование термина «билингвизм» без дополнительных пояснений для обозначения билингвистического обучения глухих детей с использованием как устного, так и жестового языка встречается также и в методической литературе по сурдопедагогике (см. Сурдопедагогика (под ред. Е.Г. Речицкой). Учебник для вузов. М., Владос. 2004).

вали ответы на вопросы «какими языками вы владеете?» и «какой язык/какие языки вы считаете родными?». При ответе на первый вопрос чаще всего называли РЖЯ, русский, английский языки, но встречались и другие (французский, корейский, таджикский и др.).

Ответы на вопрос о родном языке кажутся куда более неоднозначными. В качестве родного языка 31 человек указал русский язык (среди них 15 глухих и 7 слабослышащих), 13 – русский и РЖЯ, 7 человек указали РЖЯ (5 глухих и 2 слабослышащих), 1 человек – РЖЯ, КЖР и русский (глухой), 1 – таджикский, 1 – американский, 1 – русский и корейский (эти три респондента тоже глухие).

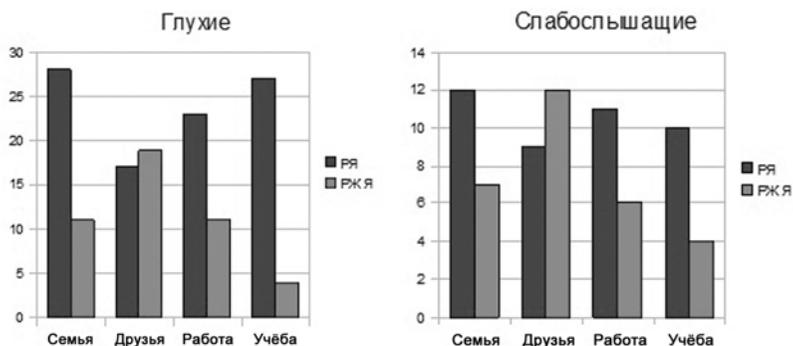
Среди сообщивших, что усвоили русский и РЖЯ в раннем возрасте (т.е. 21 человек), 6 (21%) не указали РЖЯ ни в качестве родного языка, ни среди языков, которыми они владеют. Это, скорее всего, говорит о низком статусе РЖЯ среди носителей языка, об отсутствии понимания, что это полноценная лингвистическая система, самостоятельный язык. Это ещё один аргумент в пользу того, что в случае русского языка и РЖЯ можно говорить о диглоссии, где русский язык занимает позицию L1, а РЖЯ – L2.

Также жестовый язык обозначался респондентами по-разному: в открытых вопросах его называли «глухим жестом», «немым жестом» и «слабослышащим языком», противопоставляя «русскому словесному» и «языку голосом».

Многие указывают, что РЖЯ выучили в школе. Возможно, это связано с началом взаимодействия с социумом глухих и, следовательно, с попаданием в языковую среду.

Среди слабослышащих и глухих старшего поколения (старше 30), имеющих высшее и средне-специальное образование, многие выучили РЖЯ в подростковом и более старшем возрасте (14 – 18 лет). Возможно, это связано с тем, что в системе высшего образования действует система перевода лекций (одна из испытуемых в комментарии сообщила, что пользовалась ЖЯ только в период обучения в МГТУ имени Баумана; и до, и после этого времени она пользовалась главным образом русским языком, который считает родным).

Далее мы рассмотрим коммуникативный репертуар русского языка, КЖР и РЖЯ (в диаграммах, приведённых ниже, КЖР не отражена, поскольку процент её использования очень мал).

Русский язык в семье используют 28 глухих и 12 слабослышащих, при общении с друзьями – 17 глухих и 9 слабослышащих, на работе – 23 глухих и 11 слабослышащих, в обучении – 27 глухих и 10 слабослышащих.

РЖЯ в семье используют 11 глухих и 7 слабослышащих, с друзьями – 19 глухих и 12 слабослышащих, на работе – 11 глухих и 6 слабослышащих, в обучении – 4 и 4.

КЖР в семье используют двое глухих, с друзьями трое глухих, на работе – двое, в образовании – никто среди опрошенных. Этот факт кажется странным, поскольку считается, что в образовательной сфере (например, перевод лекций в университетах) КЖР как раз встречается чаще всего. Возможно, это связано с отсутствием понимания различий между РЖЯ и КЖР. Опыт непосредственной работы с информантами показывает, что многие в повседневной жизни используют смесь РЖЯ и КЖР, но самими говорящими это не осознаётся. В проведённом опросе смесь РЖЯ и КЖР в качестве средства общения была указана только одним человеком.

На вопрос о том, какой код используется чаще (РЖЯ или КЖР), 5 человек ответили, что используют КЖР (4 глухих, один слышащий, давший комментарий «но стараюсь исправиться»), 9 человек (5 глухих, 2 слабослышащих, один слышащий) используют в равной степени РЖЯ и КЖР (три человека указали, что выбор кода зависит от собеседника), один человек указал, что не знает, что такое КЖР, остальные отдают предпочтение РЖЯ.

В результате проведения и обработки результатов данного опроса мы пришли к следующим выводам:

1. Полученные данные дают нам основание утверждать, что в российском сообществе билингвизм глухих и слабослышащих существует; однако по данным этого опроса невозможно судить об уровне владения каждым из языков.

2. Большая часть опрошенных понимает значение термина «билингвизм», хотя толкования его разнятся. Среди опрошенных акцент в понимании билингвизма делается не на уровень владения и осознание языка как родного, а на количество языков, которые индивид может использовать, и на связь билингвизма с образованием глухих.

3. Значительная часть опрошенных идентифицирует себя как билингвов; в то же время многие из тех, кто по указанным данным может считаться билингвами, себя таковыми не считают.

4. Значительная часть опрошенных, усвоивших РЖЯ в критический период, не указала его ни среди родных, ни среди используемых ими языков. Возможно, это объясняется низким статусом РЖЯ, непониманием его лингвистического своеобразия и автономности по отношению к русскому языку. Кажется целесообразным обеспечивать большее количество информации о лингвистике РЖЯ, чтобы повысить его статус среди носителей.

5. В неформальном общении использование РЖЯ превосходит по частоте использование русского языка, однако в официальном общении русский язык по-прежнему занимает ведущую позицию.

Литература

Вайнрайх У. 1972. Одноязычие и многоязычие. В сб.: Языковые контакты. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 6. М. 35–36.

Зайцева Г.Л. 2000. Жестовая речь. Дактилология. М.: Владос.

Комарова А.А. 2007. Особенности сообществ глухих. В сб.: Современный аспект жестового языка (сост. А.А.Комарова). М. 120–129.

Прозорова Е.В. 2006. Референциальные характеристики именных групп в российском жестовом языке. Дипломная работа, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Прозорова Е.В. 2007. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования. Вопросы языкознания, №1. 44–61.

Сивакова Ю.Н. 1998. Ю Речевое развитие личности в условиях билингвизма Крайнего Севера, СПб.

Шамаро Е.Ю. 2007. Некоторые факты видо-временной системы в РЖЯЮ В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова), М.: ВОГ.

Corina D.P. 1998. Studies of neural processing in deaf signers: toward a neurocognitive model of language processing in the deaf. *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 3. 35–48.

Costa A., Caramazza A., and Sebastian-Galles N. 2000. The cognate facilitation effect: Implications for models of lexical access. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 26. 1283–1296.

Emmorey K., Mehta S., and Grabowski T. 2007. The neural correlates of sign and word production. *NeuroImage*. 36. 202–208.

Emmorey K. 2002. *Language, Cognition, and the Brain: Insights from Sign Language Research*.

Emmorey K., McCullough, 2008. The bimodal bilingual brain: Effects of sign language experience. San Diego State University, <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2680472/>.

Emmorey K., McCullough, Sereno M. 2005. Neural organization for recognition of grammatical and emotional facial expressions in deaf ASL signers and hearing nonsigners. *Cognitive Brain Research*, 22(2). 193–203.

Lillo-Martin D. 1999. Modality effects and modularity in language acquisition: The acquisition of American Sign Language. In: T. Bhatia and W. Ritchie (eds.) *Handbook of Language Acquisition*. San Diego: Academic Press. 531–567.

Peterson C. and Siegal M. 1995. Deafness, conversation and theory of mind // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 36. 459–474.

Klima E.S., Bellugi U. 1979. Cambridge: Harvard University Press.

Zentella A.C. 1997. *Growing up bilingual*. Malden: Blackwell.

РАЗРАБОТКА СЕТЕВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ ПОРТАЛА «СУРДОСЕРВЕР»

*М.А. Мясоедова, З.П. Мясоедова, Н.В. Петухова, М.П. Фархадов
mais@ipu.ru*

Одной из важных задач при развитии информационного общества является разработка сетевых социальных систем массового обслуживания и особенно социальных сетей и систем для людей с ограниченными возможностями. Специфика таких систем требует размещения в сети новых видов ресурсов, разработки новых видов интерфейсов с учетом ограниченных возможностей пользователей, управления специфичным контентом.

Интернет портал «Сурдосервер» (www.surdoserver.ru) был создан лабораторией 17 Института проблем управления РАН в 2010 году при поддержке РФФИ и при содействии Всероссийского общества глухих и был нацелен на решение социально важной задачи реабилитации глухих и слабослышащих людей и помощи им для включения их в трудовую и общественную жизнь.

Функции и задачи интернет портала «Сурдосервер»

Главной задачей проекта «Сурдосервер» было создание общедоступной базы видеофайлов русского жестового языка (РЖЯ) и обеспечение онлайн доступа к ней. Видеофайлы жестов были предоставлены Всероссийским обществом глухих и представляют собой наиболее полное собрание жестов русского жестового языка. В то время в России не существовало проектов, которые предоставляли бы доступ к базе данных русского жестового языка и к дактильной азбуке в режиме онлайн и были бы доступны в любое время и всем желающим. Этот проект являлся первым в России, и до настоящего времени его база жестов является самой большой в сети интернет.

Была также реализована функция расширения номенклатуры жестов и создания новых жестов для отдельных областей знаний на примере создания и унификации жестов для терминов из области информационных технологий. «Сурдосервер» содержит ресурсы по дактильным азбукам и жестовым языкам России и мира. Реализуется

функция перевода слов и выражений на русский и международный жестовые языки.

Создана версия мобильного «Сурдосервера», позволяющая владельцам телефонов на базе Android легко получать информацию о русском жестовом языке. Мобильный «Сурдосервер» реализован в России впервые и находится на уровне лучших зарубежных аналогов.

Разработан прототип нового интернет сервиса – звуковой тренажер для обучения правильному произношению звуков русского языка в онлайн режиме, который позволяет работать через сеть. Принцип действия тренажера состоит в спектральном преобразовании входного аудио сигнала, выявлении его характеристик, сравнении с эталоном и в возврате и представлении результата. Закодированный звуковой поток отправляется с компьютера пользователя на медиа сервер, где он декодируется в необходимый формат. Далее звук отправляется на сервер распознавания, который возвращает степень правильности произнесенного звука. Медиа сервер формирует изображение импульсно-кодовой модуляции произнесенного звука поверх эталонного варианта и возвращает его клиенту вместе с информацией о степени соответствия. В качестве анализатора поступающего от пользователя аудио сигнала используется компьютерное распознавание речи. Ядро распознавателя и соответствующие программы обработки и управления располагаются в центральной части обрабатывающего комплекса, размещаемого на сервере. Специальная справочная информация дает пользователям общие сведения о звуках и подробное описание способа произнесения каждого обрабатываемого звука. Размещение подобных программ в интернете и предоставление онлайн доступа к ним значительно увеличивает число людей, получающих возможность тренировать звукопроизношение с домашних компьютеров. Помимо людей с пониженным слухом данный тренажер может быть использован слышащими людьми, а также людьми, для которых русский язык не является родным. Звуковой онлайн тренажер для коррекции звукопроизношения не имеет аналогов в России и на западе.

Разработан «Разговорник» русского жестового языка, включающий в себя диалоги различной тематики и предназначенный широкому кругу пользователей для работы в режиме онлайн.

На интернет портале «Сурдосервер» размещен также букварь для начального обучения жестам русского жестового языка, предоставленный Архангельским филиалом ВОГ.

Отлажена работа с пользователями при использовании обратной связи через веб-интерфейс. Обработано большое количество отзывов и предложений и внесены соответствующие коррективы в работу «Сурдосервера».

Получено свидетельство о регистрации в Роскомнадзоре (Эл № ФС77-45778 от 7 июля 2011 г.) средства массовой информации интернет портала «Сурдосервер» по тематике «Социально значимый в области сурдологии информационный и образовательный портал с использованием передовых компьютерных технологий».

Письменная форма для русского жестового языка

В последнее время во многих странах наблюдается рост интереса к исследованию национальных жестовых языков. При выполнении исследований в области любого языка важную роль имеют существующие в электронной форме национальные речевые корпуса. Задача создания полноценных корпусов для жестовых языков является в настоящее время весьма актуальной для всех стран. Корпуса в форме видеофайлов чрезвычайно тяжелы для обработки и исследований. Поэтому интерес представляет создание системы знаков для записи жестовой речи. Попытки создать систему нотаций предпринимались неоднократно. Нами были исследованы основные из этих систем, которых, кстати, не так уж много. Было показано, что в настоящее время наиболее перспективной системой нотаций для записи жестов и последующего прочтения слов и речи является система SignWriting, разработанная Валери Саттон (<http://www.signwriting.org>). Система нотаций SignWriting была проанализирована с точки зрения ее полноты для описания русского жестового языка и дополнена рядом недостающих элементов. На базе этой расширенной системы нотаций был создан банк жестов РЖЯ в письменной форме, включающий около 2000 жестов. В его составе - цифры, существительные, прилагательные, глаголы, а также отдельные фразы на РЖЯ. Соответствующая база данных «Письменная форма жестов русского жестового языка» имеет свидетельство о государственной регистрации в Реестре баз данных «Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» (ФГУ ФИПС) за № 2012620249 от 29 февраля 2012 г. На рис. 1 приведен фрагмент информации, содержащейся в банке «Письменная форма жестов русского жестового языка», планируемой для публикации в сети интернет на сайте «Сурдосервер».

А		Абажур		Америка	
Абстракция		Автомат		Ангел	
Автобус		Алгоритм		Ангина	
Автомобиль		Акваланг		Аплодисменты (глухих)	
Азия		Аллергия (насморк)		Артист	
...

Рис.1. Фрагмент информации, содержащейся в банке жестов РЖЯ

Создание и пополнение банка жестов русского жестового языка на основе знаков расширенной системы SignWriting позволит получить новые результаты и создать полезные приложения. Для этого необходима совместная работа специалистов в области жестовых языков, педагогики и лингвистики и самих глухих, являющихся носителями ЖЯ.

Анализ статистики посещений интернет портала «Сурдосервер» показал высокую востребованность этого ресурса: количество обращений составляет сотни в день, а география пользователей выходит за пределы страны.

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА¹

С.И. Буркова, О.А. Варинова
burkova_s@mail.ru, varinova@list.ru

1. Введение

В статье делается попытка обозначить некоторые территориальные и социальные причины варьирования русского жестового языка (РЖЯ), а также продемонстрировать некоторые различия в использовании РЖЯ его носителями в двух разных регионах России – Новосибирске и Москве.

Известно, что звучащие языки неоднородны в территориальном и социальном отношении: «Язык никогда не бывает абсолютно единым, так как наряду с факторами, способствующими формированию его единства, действуют факторы, создающие его неоднородность» (Серебрянников 1970: 451). Различные варианты языка принято делить на две группы – одни из них носят названия территориальных диалектов, другие известны как его социальные варианты или социальные диалекты (социолекты). Жестовые языки стали объектом лингвистического изучения сравнительно недавно, с 60-х гг. прошлого века после появления работ У. Стоке, посвященных исследованию американского жестового языка (ASL). Однако уже с самого начала исследователи обращали внимание на то, что жестовые языки, как и звучащие, варьируют на разных территориях и в разных социальных группах носителей. Так, еще в первом словаре ASL (Stokoe, Casterline, Cronenberg 1965) для обозначений многих понятий авторы приводят различные варианты жестов и обсуждают возможность обусловленности этих вариантов социолингвистическими факторами. В настоящее время существует уже достаточно обширная литература, посвященная проблеме территориальной и социальной дифференциации жестовых языков. Имеются работы, в которых подробно анализируются различные причины, обуславливающие варьирование жестовых языков на фонологическом, грам-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант 12-06-00231-а).

матическом и лексическом уровнях (см., например, Lucas, Bayley, Valli 2001, 2003, 2010); точечные исследования влияния на варьирование языка какого-либо одного экстралингвистического фактора (см., например, LeMaster, Dwyer 1991; LeMaster 1997); работы, в которых обсуждается общая методология исследования территориальной и социальной неоднородности жестовых языков (см., например, Hoopes, Rose et al. 2002). В грамматических описаниях многих жестовых языков Америки, Австралии, Новой Зеландии, Европы, Африки и Юго-Восточной Азии имеются специальные разделы, посвященные варьированию языка (см., например, Valli, Lucas 2002: 167–173; Sutton-Spence, Woll 2007: 23–38; Johnston, Schembri 2007: 43–50). Ряд исследований посвящен проблеме «язык или диалект»: при помощи количественных и качественных методов в них анализируется степень родственной близости тех или иных жестовых идиомов (см., например, Bickford 2005; Braem, Rathmann 2010; Hendriks 2008: 25–38; Schembri A., Cormier K. et al. 2010; Fisher, Gong 2010).

Русский жестовый язык (РЖЯ), как и другие жестовые языки, тоже существует в виде многочисленных региональных вариантов, различается и использование РЖЯ в разных социальных группах его носителей. Однако исследований территориального и, тем более, социального варьирования РЖЯ до сих пор почти не проводилось, хотя такие исследования важны, они необходимы, прежде всего, для более полного систематического изучения языка, понимания его особенностей. В небольшом очерке РЖЯ Grenoble 1992 автор лишь отмечает, что ею обнаружено довольно много отличий на фонологическом и лексическом уровнях в использовании жестов ее информантами, проживающими в Москве, от соответствующих жестов, приведенных в словаре Гейльман 1975–1979, созданном преимущественно на базе Санкт-Петербургского варианта РЖЯ. При этом Л. Гренобль не берется судить о том, отражают ли обнаруженные ею расхождения действительно диалектное варьирование РЖЯ, или же они представляют собой проявление идиолектных различий. В очерке РЖЯ Давиденко, Комарова 2006а лишь упоминается о наличии в РЖЯ разных региональных жестов для обозначения одних и тех же понятий. В статье Давиденко, Комарова 2006б кратко отражены результаты небольшого экспериментального исследования, в рамках которого авторы при помощи метода лексической статистики попытались установить процентное соотношение совпадений и различий в использовании глухими жестов на территории бывшего

Советского Союза и, таким образом, определить, что представляют собой идиомы, распространенные на данной территории – диалекты одного и того же языка или близкородственные, но самостоятельные языки. Исследование, в частности, показало, что наибольшие различия по сравнению с РЖЯ, распространенным на территории Российской Федерации, обнаруживаются на территории Армении, а наименьшие – на территории Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Однако сами авторы замечают, что полученные ими результаты следует рассматривать скорее как предварительные наблюдения, чем как окончательные выводы – для последних необходимо более масштабное и систематическое исследование.

2. Факторы, обуславливающие варьирование жестовых языков

Среди причин, обуславливающих территориальную неоднородность звучащих языков, основной является ослабление связей и относительная территориальная изоляция различных группировок языковой общности (Серебрянников 1970: 451). Как отмечается в Вахтин, Головкин 2004, социальную неоднородность языка можно объяснить с помощью сходных понятий: социальных границ и социальной дистанции. Речь разных людей различается в зависимости от принадлежности их к определенному социальному классу, их пола, возраста, этнической или религиозной принадлежности и т. д. Чем разнообразнее общество, тем разнообразнее его языковые варианты. При этом степень варьирования языка обратно пропорциональна его социальному статусу: чем выше статус, тем меньше вариантов (Ук. соч.: 50–52). Все сказанное справедливо и по отношению к жестовым языкам. Например, в австралийском жестовом языке (AUSLAN) имеются два основных диалекта – северный (в штатах Новый Южный Уэльс и Квинсленд), и южный (на остальной территории Австралии), между которыми имеются довольно отчетливые различия, проявляющиеся, например, в использовании разных жестов для обозначения цветов спектра, временных интервалов и т. д. Пожилые носители, старше семидесяти лет, гораздо шире, по сравнению с другими возрастными группами глухих, используют дактильные обозначения. Жест приветствия HI более типичен для мужчин, чем для женщин, предпочитающих жест HELLO. Имеются различия в использовании жестов, обозначающих религиозные понятия, глухими, принадлежащими к разным религиозным конфес-

сиям (Johnston, Schembri 2007: 45–49). Афроамериканское сообщество глухих в США использует свой собственный диалект американского жестового языка (ASL) (Emmorey 2002: 9–10). В исследованиях LeMaster, Dwyer 1991; LeMaster 1997 приводятся интересные примеры гендерно обусловленных различий в ирландском жестовом языке (ISL).

Однако, как отмечается в Lucas, Bayley, Valli 2003, в варьировании жестовых языков наблюдаются и некоторые специфические особенности, связанные исключительно со спецификой сообщества глухих. В частности, имеет значение то, из какой семьи происходит глухой – слышащих или глухих родителей, в какой среде и в каком возрасте он начал усваивать жестовый язык. В первую очередь это отражается на степени владения глухим индивидом жестовым языком и, соответственно, организации им своего речевого поведения. Кроме того, исследования, проведенные на материале британского жестового языка (BSL), показали, что в речи глухих из семей глухих или из семей слышащих наблюдаются довольно заметные различия в использовании жестового пространства, референциальных средств BSL, артикуляции (Sutton-Spence, Woll 2007: 24). Огромную роль играют принятая в том или ином регионе политика школьного образования глухих, методологическая позиция сурдопедагогов, как и в какой мере распространенный на данной территории национальный звучащий язык взаимодействует с жестовым языком. Кроме того, в Sutton-Spence, Woll 2007 указывается на необходимость уточнения понятия «социальный класс» применительно к сообществам глухих. Например, в британском английском языке различия между социальными классами базируются, прежде всего, на размере дохода человека и уровне его образования. Однако, как отмечают авторы указанной работы, нет оснований полагать, что точно такие же социальные классы имеются среди британских глухих. Проведенные исследования показывают, что глухие, как правило, работают на менее квалифицированных работах по сравнению со слышащими, поэтому доход в данном случае не является надежным показателем. До недавнего времени только единичные представители сообщества глухих имели возможность обучаться в университетах, соответственно, и по этому признаку невозможно проводить параллель со слышащими (Ук. соч.: 23). Даже универсальная причина языковой неоднородности – территориальная обособленность отдельных групп носителей – имеет свою специфику в сообществе глухих. Отдельные группы глухих обособлены значительно больше

по сравнению со слышащими. Как правило, люди с нарушениями слуха обучаются в специализированных учебных заведениях, которых, по сравнению с обычными детскими садами и общеобразовательными школами, гораздо меньше и которые, как правило, значительно удалены друг от друга. При этом у глухих до недавнего времени практически не было возможности общаться друг с другом на каком-либо жестовом языке на расстоянии, поскольку жестовые языки не имеют письменной формы и не могут использоваться при разговоре по телефону. Возможность такого общения появилась лишь в последнее время благодаря развитию технических средств коммуникации и интернета.

3. Основные причины варьирования РЖЯ

Многие из факторов, перечисленных в предыдущем разделе настоящей статьи, играют важную роль и в использовании РЖЯ его носителями.

В частности, группы носителей РЖЯ тоже с раннего возраста оказываются обособленными друг от друга. Специализированных учебных заведений для глухих и слабослышащих в нашей стране не так много и они расположены достаточно далеко друг от друга. Например, в Новосибирской области для детей с нарушениями слуха имеется всего два специализированных детских сада (оба в Новосибирске) и три школы – в Новосибирске, Куйбышеве и Искитиме.

Разными оказываются условия, в которых происходит усвоение РЖЯ глухими индивидами. Если глухой или потерявший в раннем детстве слух ребенок происходит из семьи слышащих родителей, то, как правило, практически до трехлетнего возраста он даже не начинает осваивать жестовый язык. Это обусловлено, прежде всего, методологической позицией сурдопедагогов, которые в первую очередь занимаются развитием устной речи и слуха ребенка. В свою очередь, и родители в таких семьях, прислушиваясь к рекомендациям сурдопедагогов, направляют все свои усилия на развитие у ребенка навыков артикуляции звуков, чтения по губам, слуха, игнорируя возможность освоения самим и применения в дальнейшем в общении с ребенком жестового языка; большинство слышащих родителей владеют только дактильной азбукой. В специализированных детских садах РЖЯ в воспитательном процессе тоже практически не используется, за исключением дактильной азбуки. Однако в детских садах дети из семей слышащих родителей все же начинают

получать первые навыки владения РЖЯ – обычно от своих глухих сверстников из семей глухих, гораздо реже – от педагогов и воспитателей. Глухой ребенок из семьи глухих родителей находится в гораздо более благоприятных условиях для овладения жестовым языком – он сразу получает от взрослых модель беглого владения РЖЯ. Однако и в процесс овладения РЖЯ ребенком глухих родителей зачастую активно вмешиваются сурдопедагоги или слышащие родственники, навязывая родителям представление о том, что общаться с ребенком на жестовом языке плохо, что это тормозит его речевое и умственное развитие, что необходимо использовать только звучащий язык.

В специализированных школах для учащихся с нарушениями слуха до сих пор господствует «устный метод» обучения, в котором формально РЖЯ отводится роль вспомогательного средства, а фактически он, чаще всего, совершенно не используется в учебном процессе. Дети из семей слышащих родителей осваивают РЖЯ в таких школах от своих сверстников из семей глухих, старшеклассников, или же от глухих или владеющих РЖЯ слышащих педагогов и воспитателей, причем последние в школах – большая редкость. Кроме того, в школах, в зависимости от их специализации – для глухих детей или для слабослышащих – используются разные системы обучения, принятые в сурдопедагогике, и это тоже сказывается на варьировании РЖЯ. Так, в Новосибирской области одна из школ предназначена для обучения слабослышащих детей, а другая – для глухих. В первой вся система обучения строится без использования РЖЯ, на нем детям зачастую запрещают общаться даже между собой. Максимум, что привлекается к использованию в учебном процессе из арсенала РЖЯ – дактильный алфавит. Во второй школе РЖЯ не запрещается столь категорично и, соответственно, гораздо шире используется детьми. В результате дети из второй из названных школ гораздо лучше владеют РЖЯ.

Общаясь между собой, дети в специализированной школе нередко для обозначения тех или иных понятий изобретают собственные жесты, отличные от жестов, используемых для обозначений этих же понятий в другой школе. Таким образом, не только проживание глухих в разных регионах страны, но даже их обучение в разных школах в пределах одного города сказывается в варьировании РЖЯ.

Следует, правда, заметить, что образовательное учреждение может быть не только фактором, обуславливающим варьирование РЖЯ, но и наоборот, способствовать языковой консолидации. Так, в

Новосибирске имеется единственное за Уралом учреждение, предоставляющее возможности получения среднего и высшего профессионального образования инвалидам, в том числе и лицам с нарушениями слуха – Институт социальной реабилитации Новосибирского государственного технического университета. Его студентами являются глухие из разных регионов России, носители разных вариантов РЖЯ. Студенты проживают в одном общежитии, постоянно общаются друг с другом, а также с переводчиками-носителями новосибирского варианта РЖЯ. В процессе такого взаимодействия постепенно формируется некоторый «наддиалектный» вариант РЖЯ – аналог койне в звучащих языках, базой которого является новосибирский вариант РЖЯ.

Принадлежность глухих к разным возрастным группам тоже сказывается на использовании ими РЖЯ. В качестве примера можно привести выбор разных способов выражения отрицания пожилыми и молодыми носителями РЖЯ. Так, в речи новосибирских глухих пожилого и среднего возраста отрицание от глагола ‘любить’ обычно выражается супплетивным способом – при помощи жеста НЕ.ЛЮБИТЬ, отличающегося по конфигурации руки и другим параметрам от жеста ЛЮБИТЬ. Молодые носители РЖЯ отрицание в данном случае чаще выражают при помощи аналитической конструкции, состоящей из жеста ЛЮБИТЬ и служебного отрицательного жеста.

4. Региональные различия между новосибирским и московским вариантами РЖЯ на примере тематических групп «Пища» и «Родственные отношения»

Исследование варьирования РЖЯ – сложная, масштабная и трудоемкая задача, для решения которой необходимы усилия многих специалистов, а кроме того, и самих носителей РЖЯ. Цель настоящей статьи гораздо уже – мы лишь попытались обозначить ряд территориальных и социальных причин варьирования РЖЯ и продемонстрировать некоторые региональные различия между новосибирским и московским вариантами РЖЯ, а также различия, обусловленные параметром «возраст», на примерах двух тематических групп лексики.

Исследование проводилось нами на материале, полученном от носителей РЖЯ, проживающих в Новосибирске, а также на материале, представленном в словарях Фрадкина 2001; Базоев и др. 2009;

Spreadthesign, отражающих преимущественно речь носителей РЖЯ, проживающих в Москве.

Список слов для опроса информантов формировался в несколько этапов. Один из авторов настоящей статьи – О. А. Варинова – является носителем новосибирского варианта РЖЯ, слышащей из семьи глухих родителей. Сначала ею, с опорой на собственную языковую интуицию, была проведена сплошная выборка из названных словарей. Были отобраны те жесты, которые полностью или частично отличаются от жестов, используемых новосибирскими глухими для обозначения соответствующих понятий. Полученные 184 жеста² были затем распределены по тематическим группам³. Наибольшее количество несовпадений выявилось в тематической группе «Пища», однако существенные различия заметны и в других группах: «Временной интервал», «Животные», «Профессии», «Названия стран и городов», «Родственные отношения». Предварительно можно также предположить, что большие расхождения имеются и в некоторых других тематических группах, в первую очередь, связанных с современными реалиями, например, «Приборы и оборудование», «Образование». Однако подтвердить это предположение пока не представляется возможным, поскольку данные группы жестов слабо отражены в имеющихся словарях.

Первичная выборка жестов еще не является показательной для выявления региональных различий в РЖЯ – какие-то расхождения могут иметь социально обусловленный или идиолектный характер (например, имеются «семейные» жесты, используемые только членами одной семьи). Поэтому далее списки слов, распределенных по тематическим группам были предложены для перевода другим носителям РЖЯ. На данном этапе исследования нами были опрошены 12 глухих – 9 женщин и 3 мужчин; из них 4 женщины и 2 мужчин в возрасте от 54 до 59 лет, 5 женщин и 1 мужчина в возрасте от 20 до 23 лет. Все информанты проживают в Новосибирске более 20-ти лет.

² Словарь Фрадкина 2001 включает 1480 жестов; словарь Базоев и др. 2009 – около 1650 жестов; на сайте Spreadthesign представлено около 3500 жестов на РЖЯ. Таким образом, в сравнении со словарями Фрадкина 2001 и Базоев и др. 2009 первичный список жестов, отличающихся от соответствующих московских, составил около 11 %; в сравнении со списком жестов на сайте Spreadthesign – около 5%.

³ При разбиении лексики на тематические группы мы ориентировались на идеографические словари Морковкин и др. 1984; Баранов 1995.

Далее, в качестве иллюстрации различий между двумя региональными вариантами РЖЯ, мы описываем региональные различия в двух тематических группах жестов: «Пища» и «Родственники». В случае, когда имеются различия в использовании жестов носителями из разных возрастных групп, мы это тоже отмечаем.

4.1. Различия в тематической группе жестов «Пища»

В результате опроса информантов первично полученный список расхождений между новосибирским вариантом РЖЯ и вариантом, представленным в словарях Фрадкина 2001; Базоев и др. 2009; Spreadthesign, сократился. Информанты оценивают как отличающиеся от новосибирских 12 жестов. Описания⁴ этих жестов и их новосибирских аналогов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Различия между новосибирскими и московскими жестами в тематической группе «Пища»

Слово	Московский жест	Новосибирский жест
<i>блин</i>	Кончики указательного и большого пальцев каждой руки соединены между собой. Руками рисуется круг от себя, имитирующий форму блина.	Конфигурация та же. Руки движутся вперед-назад по отношению к корпусу говорящего. Кисти при движении вперед наклоняются вниз, а при движении к себе кончиками пальцев поднимаются слегка вверх.
<i>вино</i>	Указательный палец несколько раз скользит от губ к подбородку.	Рука в конфигурации «О» несколько раз скользит по щеке вниз.
<i>капуста</i>	Обе руки направлены раскрытыми ладонями к	Обе руки направлены раскрытыми ладонями к

⁴ Характеризуя исполнение жеста, мы опираемся на приемы словесного описания, условные обозначения и терминологию, принятые в словаре Фрадкина 2001: 8.

	корпусу говорящего. Ладонь правой руки несколько раз опускается вниз перед левой рукой.	друг другу, перпендикулярно корпусу говорящего. Ладони движутся попеременно вверх-вниз. ⁵
<i>колбаса</i>	Слегка согнуть пальцы; раздвигая руки в стороны, слегка распрямить пальцы, не прекращая движения рук в стороны; повторить несколько раз.	Указательным и большим пальцем правой руки на запястье левой руки двигать от себя-к себе, имитируя браслет.
<i>копченый</i>	Правая рука (по форме напоминающая жест ОГОНЬ) движется под левой рукой по кругу против часовой стрелки.	Указательный, средний и безымянный пальцы обеих рук одновременно выбрасываются в горизонтальном положении навстречу друг другу несколько раз. ⁶
<i>лапша</i>	Указательные пальцы обеих рук движутся одновременно в стороны по спирали.	1. Руки в конфигурации «Ю» движутся в стороны и обратно несколько раз. 2. Обе руки в конфигурации «Ю». Левая рука неподвижна; правая рука движется по спирали от левой руки. 3. Обе руки в конфигурации «4»; левая рука неподвижна, правая двигается в сторону от левой движением, имитирующим волну. ⁷

⁵ Один информант (женщина, 59 лет) использует жест, совпадающий с московским.

⁶ Все молодые информанты затруднялись с переводом на РЖЯ слова *копченый*, они показывали его при помощи дактильной азбуки.

⁷ Данный жест отмечен только у одного информанта (мужчины 20-ти лет).

<i>орех</i>	Несколько раз постучать себя по подбородку краем согнутой ладони.	Коснуться средним пальцем щеки, затем, раскрыв ладонь, коснуться щеки ладонью. ⁸
<i>печенье</i>	1. Руки в конфигурации «П». Пальцы правой руки скользят к кончикам пальцев левой руки, переворачиваются и скользят в направлении запястья левой руки. 2. Ладонь правой руки в конфигурации «Ж». Кончики пальцев касаются правой стороны подбородка. Ладонь поворачивается, опираясь на кончики пальцев.	Пальцы рук в конфигурации «П», лежащие друг на друге, поочередно движутся вверх-вниз.
<i>помидор</i>	Обе руки в конфигурации «500» движутся на уровне груди по кругу относительно друг друга.	Одна рука в конфигурации «500» движется по кругу (против часовой стрелки) у рта.
<i>шоколад</i>	Руки на уровне груди в конфигурации «Э» движутся в разные стороны несколько раз.	1. Правая рука в конфигурации «Б» движется у рта вперед-назад несколько раз. 2. Правая рука в конфигурации «Ш» движется у рта вперед-назад несколько раз.
<i>яблоко</i>	Рука в конфигурации «500» несколько раз скользит по щеке вниз.	Рука в конфигурации «500» несколько раз скользит по щеке по кругу по часовой стрелке.

⁸ Все информанты используют также и соответствующий московский жест. Причины выбора того или другого варианта пока не ясны.

<i>яйцо</i>	1. Рукой в конфигурации «Х» несколько раз коснуться губ. 2. Несколько раз рукой в конфигурации «О» коснуться губ.	Правой рукой в конфигурации «Р» или «О» несколько раз коснуться губ, распрямляя при этом пальцы ⁹ .
-------------	--	--

Основными параметрами жеста, релевантными для его описания, являются конфигурация (форма руки), локализация (место исполнения жеста), движение и ориентация ладони. В таблице 2 приведены сходства и различия в параметрах соответствующих новосибирских и московских жестов, входящих в тематическую группу «Пища». Как можно видеть, расхождения между жестами носят различный характер. Например, жесты БЛИН, ПЕЧЕНЬЕ и ЯБЛОКО различаются в новосибирском и московском вариантах только характером движения. У жеста КАПУСТА различаются характер движения и ориентация ладоней при сохранении конфигурации и локализации. У жеста ВИНО различаются конфигурация и, частично, локализация при одних и тех же ориентации и характере движения. У жеста ПОМИДОР различаются локализация и ориентация, у жеста ЯЙЦО – конфигурация и характер движения.

Как известно, указанные параметры жеста могут выступать в качестве аналогов фонем в звучащих языках – элементарных единиц, не обладающих собственным значением, но помогающих различать между собой значимые единицы языка – морфемы или слова. С другой стороны, эти же параметры или их сочетания могут выступать в качестве функциональных аналогов морфем в звучащих языках. Пока сложно однозначно судить, какие из выявленных различий в использовании рассматриваемых жестов можно квалифицировать как фонологические, а какие – как лексические. Возможно, в одних жестах в качестве аналога корневой морфемы или основы слова выступает конфигурация руки, самостоятельно или в сочетании с определенным характером движения; в других более важными для передачи лексического значения оказываются локализация и/или характер движения. На данный момент однозначно

⁹ Данный жест отмечается только у молодых информантов. Информанты из старшей возрастной группы используют жесты, идентичные первому или второму вариантам московских жестов.

можно говорить только о наличии лексических различий при передаче значений «копченый», «орех», «колбаса», «лапша» и «шоколад». В новосибирском и московском вариантах РЖЯ эти значения передаются разными жестами. У жестов КОПЧЕНЬИЙ, ЛАПША и ОРЕХ в рассматриваемых вариантах РЖЯ совпадает только локализация – в нейтральном жестовом пространстве, в котором исполняется большинство жестов. Жесты КОЛБАСА и ШОКОЛАД различаются по всем параметрам.

Таблица 2. Сходства и различия в параметрах соответствующих новосибирских и московских жестов, принадлежащих к тематической группе «Пища»

Жест	Конфигурация	Локализация	Характер движения	Ориентация
БЛИН	+	+	–	+
ВИНО	–	–	+	+
КАПУСТА	+	+	–	–
КОЛБАСА	–	–	–	–
КОПЧЕНЬИЙ	–	+	–	–
ЛАПША	–	+	–	+
ОРЕХ	–	+	–	–
ПЕЧЕНЬЕ	+	+	–	+
ПОМИДОР	+	–	+	–
ШОКОЛАД	–	–	–	–
ЯБЛОКО	+	+	–	+
ЯЙЦО	–	+	–	+

4.2. Различия в тематической группе жестов «Родственные отношения»

Из жестов, представленных в словарях Фрадкина 2001; Базоев и др. 2009; Spreadthesign, относящихся к тематической группе «Родственные отношения», новосибирские информанты оценивают как отличающиеся от соответствующих новосибирских 5 жестов. Данные жесты и их новосибирские аналоги представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Различия между новосибирскими и московскими жестами в тематической группе «Родственные отношения»

Слово	Московский жест	Новосибирский жест
<i>бабушка</i>	Рука в конфигурации «А» движется по щеке, не отрываясь, по кругу.	Рука в конфигурации жеста ВОСКРЕСЕНЬЕ, уткнувшись в щеку, движется в запястье вперед-назад.
<i>дедушка</i>	Рука внизу подбородка. Все пальцы несколько раз опустить и поднять, имитируя бородку.	Рука в конфигурации «Б1» стучит несколько раз по подбородку ¹⁰ .
<i>внук</i>	Сочетание жестов СЫН и НАСЛЕДНИК	Дактильное обозначение В-Н-У-К ¹¹
<i>внучка</i>	Сочетание жестов ДОЧЬ и НАСЛЕДНИК	Дактильное обозначение В-Н-У-Ч-К-А ¹²
<i>племянник</i>	1. Рука у лица. Указательный и средний пальцы завести за большой палец, слегка отодвинуть	Рука у лица. Указательный и средний пальцы согнуть и, прикасаясь к щеке, несколько раз

¹⁰ Два информанта (брат и сестра, 20-ти и 23-х лет соответственно) показали жест, идентичный московскому.

¹¹ У всех опрошенных информантов.

¹² У всех опрошенных информантов.

	<p>руку от лица и резко выпрямить руку в конфигурации «Л» 2. Рука у лица. Перебирать двумя пальцами у щеки</p>	<p>повернуть руку в запястье вперед-назад¹³.</p>
--	--	---

В таблице 4 приведены сходства и различия в параметрах соответствующих новосибирских и московских жестов, входящих в тематическую группу «Родственные отношения». Как видим, в данной группе три жеста – БАБУШКА, ДЕДУШКА и ПЛЕМЯННИК – в новосибирском и московском вариантах РЖЯ различаются конфигурацией и характером движения. Для передачи значений «внук» и «внучка» московские носители РЖЯ используют сочетания жестов, а новосибирские носители предпочитают передавать данные значения при помощи дактильного алфавита.

Таблица 4. Сходства и различия в параметрах соответствующих новосибирских и московских жестов, принадлежащих к тематической группе «Родственные отношения»

Жест	Конфигурация	Локализация	Характер движения	Ориентация
БАБУШКА	–	+	–	+
ДЕДУШКА	–	+	–	+
ВНУК	–	–	–	–
ВНУЧКА	–	–	–	–
ПЛЕМЯННИК	–	+	–	+

Таким образом, даже на примере рассмотренных небольших групп жестов можно увидеть, что в РЖЯ глухих, проживающих в

¹³ Все информанты из старшей группы показали жест, идентичный московскому. Отличающийся жест используют молодые информанты.

Новосибирске и Москве, имеются определенные различия. Зачастую они проявляются не в использовании абсолютно разных жестов, а в различии каких-либо параметров жеста, чаще всего – характере движения. Следует также отметить, что наибольшие отличия от московского варианта РЖЯ наблюдаются в Новосибирске у молодых носителей РЖЯ. Люди старшего поколения чаще используют жесты, совпадающие с аналогичными московскими.

Литература

Базоев В.З., Гаврилова Е.Н., Егорова И.А., Ежова В.В., Давиденко Т.П., Чаушьян Н.А. 2009. Словарь русского жестового языка. М.: Флинта.

Баранов О.С. 1995. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. 2004. Социолингвистика и социология языка. – СПб.: Гуманитарная академия.

Гейльман И.Ф. 1975–1979. Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика. Ч. 1–4. – Л.: ЛВЦ ВОГ.

Давиденко Т.П., Комарова А.А. 2006а. Краткий очерк по лингвистике русского жестового языка. В сб.: Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). М. 146–161.

Давиденко Т.П., Комарова А.А. 2006б. Беречь разнообразие. В сб.: В едином строю, №10. 32.

Морковкин В.В., Бёме Н.О., Дорогонова И.А., Иванова Т.Ф., Успенская И.Д. 1984. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. М.: Русский язык.

Серебрянников Б.А. 1970. Территориальная и социальная дифференциация языка. В кн.: Б.А. Серебрянников. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 451–501.

Фрадкина Р. 2001. Говорящие руки: Тематический словарь жестового языка глухих России. М.: «Сопричастность» ВОИ.

Bickford J. 2005. The Signed Languages of Eastern Europe. SIL international.

Braem P.B., Rathmann C. 2010. Transmission of sign languages in Northern Europe. In: D. Brentari (ed.) Sign Languages. Cambridge: Cambridge University Press. 19–45.

Emmorey K. 2002. Language, Cognition and the Brain: Insights From Sign Language Research. Mahwah: Lawrence Erlbaum and Associates.

Fisher S., Gong Q. 2010. Variation in East Asian sign language structures. In: D. Brentari (ed.) *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 499–542.

Grenoble L. 1992. An overview of Russian Sign Language. *Sign Language Studies*, 21(77) Maryland: Linstok Press. 321–338.

Hendriks H.B. 2008. *Jordanian Sign Language: Aspects of grammar from a cross-linguistic perspective*. Utrecht: LOT.

Hoopes R., Rose M., Bayley R., Lucas C., Wulf A., Petronio K., Collins S. 2002. *Analyzing Variation in Sign Languages: Theoretical and Methodological Issues*. In: C. Valli, C. Lucas (eds.) *Linguistics of American Sign Language: An Introduction*. Washington DC: Gallaudet University Press. 394–415.

Johnston T., Schembri A. 2007. *Australian Sign Language: An introduction to sign language linguistics*. Cambridge: Cambridge university Press.

LeMaster B. 1997. Sex differences in Irish sign language. In: J. Hill, P. J. Mistry, L. Campbell (eds.) *The Life of Language: Papers in Honor of William Bright*. Berlin. 67–86.

LeMaster B., Dwyer J. 1991. Knowing and using female & male signs in Dublin. *Sign language Studies*, 73. Maryland: Linstok Press. 361–396.

Lucas C., Bayley R. 2010. Variation in American Sign Language. In: D. Brentari (ed.) *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 451–475.

Lucas C., Bayley R., Valli C. 2001. *Sociolinguistic Variation in American Sign Language*. Washington: Gallaudet University Press.

Lucas C., Bayley R., Valli C. 2003. *What's Your Sign for Pizza?: An Introduction to Variation in American Sign Language*. Washington: Gallaudet University Press.

Schembri A., Cormier K., Johnston T., McKee D., McKee R., Woll B. 2010. *Sociolinguistic Variation in British, Australian and New Zealand Sign Languages*. In: D. Brentari (ed.) *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 476–498.

Spreadthesign «Распространим жест» <http://www.spreadthesign.com>

Stokoe W., Casterline D., Cronenberg C. 1965. *A dictionary of American sign language on linguistic principles*. Washington: Gallaudet College Press.

Sutton-Spence R., Woll B. 2007. *The Linguistics of British Sign Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Valli C., Lucas C. (eds.) 2002. *Linguistics of American Sign Language: An Introduction*. Washington: Gallaudet University Press.

